

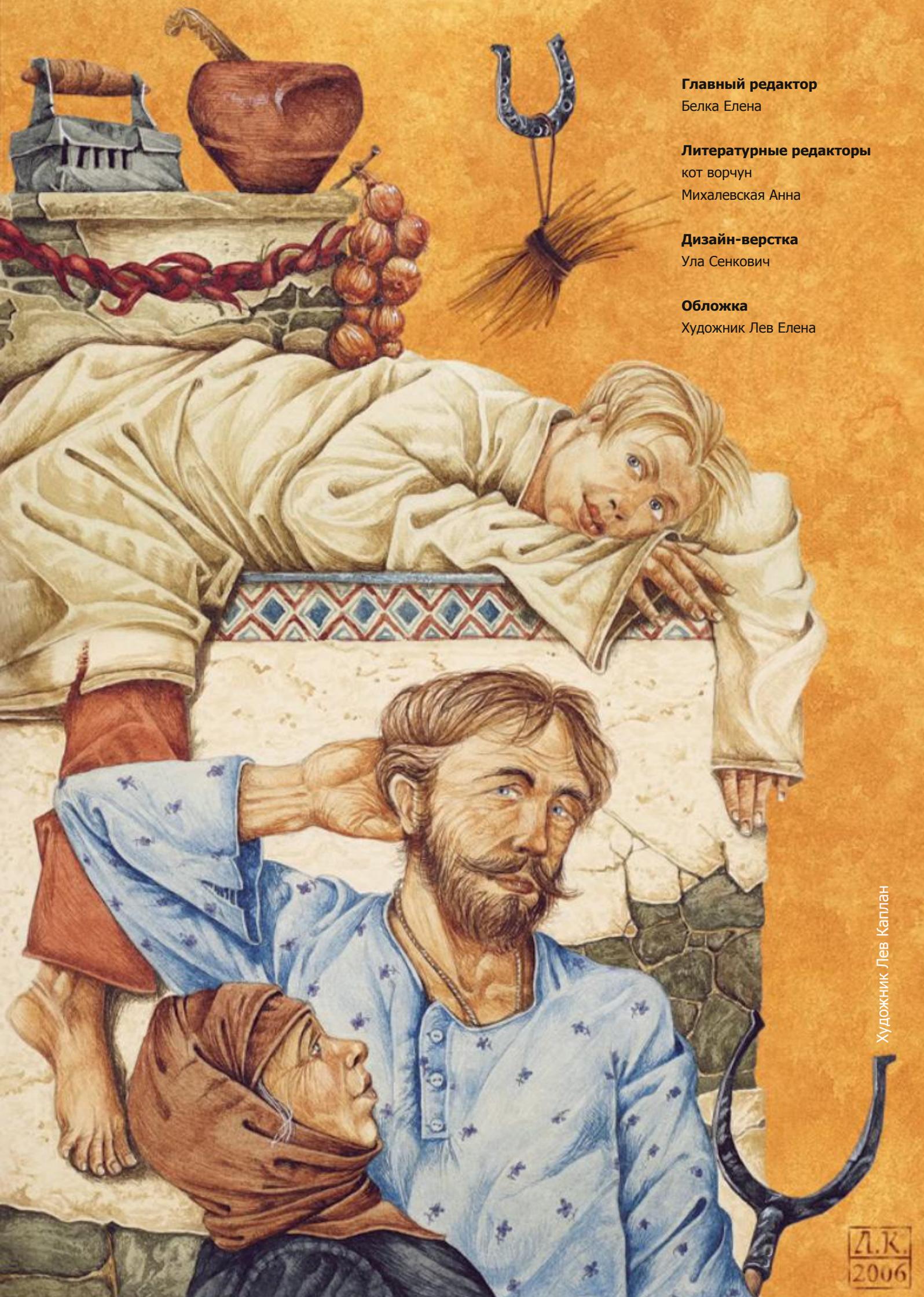
Арина Свобода

Ирина Успенская

Художник Лев Каплан

Сказка № 14+

Главный редактор

Белка Елена

Литературные редакторы

кот ворчун

Михалевская Анна

Дизайн-верстка

Ула Сенкович

Обложка

Художник Лев Елена

Художник Лев Каплан

Л.К.
2006

Художники

Лев Елена

Akrotiri

Argentum Agata

SEN

Редактура

Маркевич Елена

Меллори Елена

Михалевская Анна

Найко Елена

Зауэр Ирина

NeAmina

Валеев Иван

Табакера

Твиллайт

Корреспонденты

Меллори Елена

Майер Ольга

Михалевская Анна

Ула Сенкович

Argentum Agata

Художник Stanovoi Marika (Akrotiri)

СЛОВО редактора

Господа, сочиняйте сказки!
Современность — давно не новость,
так что к чёрту правдоподобность,
Выбирайте поярче краски!

Юханан Магрибский

Дорогие друзья!
Невозможно переоценить значение сказки, потому что каждый в нежном возрасте начинал знакомство с моралью

жизни через завораживающие истории, прочитанные на сон грядущий. И пока мы готовили выпуск, убедились в этом на собственном опыте. Нам прислали рекордное количество самых необыкновенных историй, поставив перед тяжелым выбором — каждая была по-своему волшебна. И вот результат — добро пожаловать! — в сказку, которую создали мы с вами!

Приятных путешествий по миру сказок и до новых встреч!

© 2015. Writercenter.ru. Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю.

Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

Редакция журнала

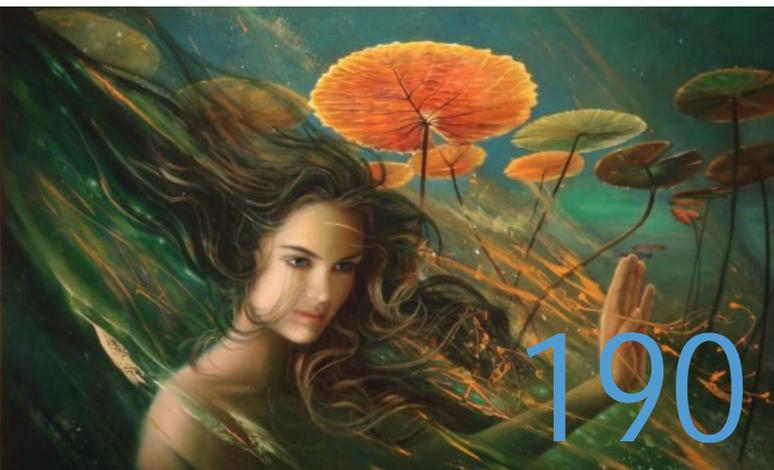

- Проза.**
Сказка
- 32 Сороковая Александрина. На неведомых дорожках
- 36 Руденко Евгений. Волшебство
- 40 Неделько Григорий. Песочная сказка
- 42 Stanovoi Marika. Сказка о полотне памяти
- 46 Harry Book. С ливером и картошкой
- Восточная сказка.**
- 62 Шев Вит. Сказка. И только
- 72 Скалдин Юрий. Волшебный нож Акрама
- 80 Мааэринн. Халиф и Ясмина
- Городская сказка**
- 106 Радуга. Рождество Клотильды Блюм
- 112 Гринь Ульяна. Новогоднее желание парасольника
- 122 Армант, Илинар. Трёхцветное счастье

- Сюрреализм. Сказка**
- 128 Валеев Иван. Декабрь, Трамвай и Луна
- Фантастика. Сказка**
- 130 Оскарова Надежда. На своём месте
- Фэнтези. Сказка**
- 136 Сафонова Евгения. Тёмное сердце
- 142 Михалевская Анна. Подорожники
- 150 Меллори Елена. Алиса в перевёрнутом мире
- 156 Гольшанская Светлана. Волчий танец
- 160 Быкова Ксения. Чёртова мельница
- Мистика. Сказка**
- 168 Чайка. Забытая сказка
- 176 Анакина Анна. Снежинка
- 178 Бунингит. Сеанс магии
- Хоррор**
- 186 Мосеева Надежда. Обходчик путей
- Весёлая сказка**
- 192 Колесник Мария. Квартира №36
- 196 Васильев Ярослав. О попе и работнике Балде
- 200 анс. Парадиз Конрада

Поэзия

- 27 NeAmina
- 30 Сороковая Александрина
- 56 Leshik Birich
- 57 Абрамова Елена
Девш Ольга
- 58 Шевцова Анастасия
- 59 Губина Наталья
Абрамова Елена
- 61 NeAmina
- 89 Илинар
- 90 Аривенн
- 93 NeAmina
- 100 NeAmina
- 102 Лисовская Виктория
- 105 RhiSh
- 126 NeAmina
- 166 Marika Stanovoi (Akrotiri)
- 167 Ефим Мороз
- 190 NeAmina
- 204 Радуга

ИМХО

- 6 Михалевская Анна. Связь миров и поколений
- 15 Майер Ольга. Обыкновенное чудо
- 23 Argentum Agata. Человек раскрывается в сказке

Представляем

- 8 Михалевская Анна. Интервью с Ариной Свобода
- 18 Ула Сенкович. Интервью с Ириной Успенской
- 94 Ула Сенкович. Интервью со Львом Капланом

На десерт

- 211 Меллори Елена. Всё в наших руках

Новогодняя сказка.

СВЯЗЬ МИРОВ И ПОКОЛЕНИЙ

Терпкий запах хвои и сладкий — мандаринов, присыпанные колючими иголками подарки, разрывающие небо фейерверки и разлитое в морозном воздухе ожидание чуда — мы делаем шаг в новый год, как в сказку, разрешая своему внутреннему ребенку снова поверить в невероятное. Но не будем спешить списывать это ощущение на игру воображения. Зачастую именно такая вера позволяет совершить невозможное.

Так в чем же секрет новогодней сказки?

Чтобы избежать ехидных улыбочек логиков — мол, каких-таких истин ждать от неприземленных фантазеров, предлагаю подойти к феномену волшебства со всей серьезностью и воспользоваться старым добрым методом анализа и синтеза.

Сперва препарлируем саму сказку и ее структуру. Фольклористы, посвятившие чуть ли не всю жизнь изучению этого вопроса, считают, что

сказки всех времен и народов сводятся к ОДНОЙ истории. Это обряд инициации, который проходило юношество при наступлении половой зрелости. Раньше форма обряда сводилась к тому, что родитель отводил ребенка в отдаленное от дома место, где и оставлял для прохождения суровых, связанных с ограничениями, испытаний. Ритуально подростка проводили через смерть и возрождение, и возвращался к миру он уже совершенно новым человеком.

Но сейчас юношеством дело не ограничивается. Современный человек, активно участвующий в жизни социума, проходит «инициацию», то есть обновляется, подстраиваясь под меняющиеся условия, постоянно!

А теперь давайте посмотрим на период Нового года с точки зрения идеи всеобщей «инициации». И мы сразу увидим, что на новый виток жизни переходят не только все люди Земли, но и целая

планета! Самая долгая ночь в году, зимнее солнцестояние, и есть символическая смерть для всего живого.

Это время не может не быть особенным. Человек вместе с природой переживает условную смерть и возрождение. И что самое важное — творит себя и мир заново. И эти мотивы, конечно же, находят отражение в ритуале празднования Нового года.

Казалось бы, что может быть естественней, чем купить под Новый год елку, надеть маскарадный костюм, одарить родных и близких подарками? Но не все так просто.

Обратимся к исследованиям славянской новогодней традиции. Фольклористы утверждают, что красавица-елка, которая делает дом таким уютным, олицетворяет не что иное, как Мировую Ось — понятие, существующее в мифах практически всех народов. Иногда Ось предстает в образе Мирового Древа, что соединяет землю, небеса и преисподнюю. До России, кстати, обычай наряжать елку дошел только после революции, так как ель в славянской культуре была неразрывно связана с миром мертвых (вспомним и современные похоронные венки).

Елочные украшения тоже имеют свое назначение и смысл. Те же стеклянные шары символизировали плоды Древа Жизни, дающие вечную молодость — молодильные яблоки из русских сказок, яблоки Гесперид из греческого мифа, яблоко из библейского сказания о грехопадении. А игрушки в виде сказочных персонажей — это благие духи, к которым наши предки обращались в момент перехода и ждали от них помощи в будущем году.

Блестки серебряного дождика — не просто элемент дизайна, это именно дождь, струящийся от вершины Мирового Древа до его подножия, образ границы, защиты мироздания от внешнего хаоса. У славян этот образ воплощался в уборе знатной женщины — от венца, символизировавшего небо, на грудь, украшенную знаками земли, спускались цепи-рясны, на их звеньях были знаки дождевых капель и семян, летящих с неба на землю.

Украшая свой дом елкой, мы символически соединяем с ее помощью все миры — здешний и потусторонний, миры прошлого и будущего, — про-

ходы в них остаются открытыми. А значит, человек не просто имеет возможность, а вынужден контактировать со сверхъестественными силами. Раньше это выражалось в виде святочных гаданий, ряжения. Сейчас популярны карнавалы, переодевания. Смена наряда суть знак лишения человеческого лица (шире — человеческой личности) на время разгула потусторонних сил. И заодно шанс опробовать новую роль, измениться.

И наконец, мы добрались до главного героя новогоднего ритуала — Деда Мороза. Перед нами одна из ипостасей владыки Нижнего мира, мира смерти. Это не ад, обрисованный в христианской литературе, и не inferнальный кошмар, размноженный американским кино. Мир смерти — это обитель ушедших родственников, подобие мира живых, мир изобилия. Его владыка властвует над несметными богатствами, властен над временем, над мудростью.

Любопытно, что в сани Деда Мороза запряжены олени — по мифологическому архетипу они выступают проводниками между мирами.

А обычай одаривать друг друга на Новый год является элементом продуцирующей магии: дары в праздничную ночь магически обеспечивают изобилие жизненных благ, которые мы надеемся обрести в новом году...

Рассматривая праздник в таком символическом контексте, понимаешь, насколько глубоки истоки каждого элемента новогоднего ритуала. Раз за разом, на протяжении многих веков во всех культурах происходит одно и то же — человек собирает мозаику мира заново, возводит в своем жилище ось, соединяет миры, открывает двери, отказывается от себя, ищет новый лик, черпает силы и мудрость у предков, легко отдает и получает взамен, ибо нет ничего невозможного в изобильном волшебном мире!

Вот так из года в год мы, сами того не замечая, творим сказку, в которую мало кто верит, но тем не менее уже давно в ней живет.

В статье использованы материалы из книги В.Я.Проппа «Морфология волшебной сказки» и статьи А.Л.Барковой «Новый год: символика современного ритуала».

Арина Свобода

Писательницы Марина Свобода и Эльвира Ризаева известны под псевдонимом Арина Свобода. Их первая книга «Заступник. Твари третьего круга» вышла в издательстве «АСТ» в 2013 году, и в том же году в совместной издательской серии «Партенит» вышел роман «Флогистон».

— Марина, Эльвира, расскажите, пожалуйста, о том, как все начиналось: когда впервые возникло желание что-то написать? Что давало вам поддержку, заставляло двигаться дальше?

Марина:

— Я решила написать книжку, когда сидела в декретном отпуске. Надо же себя как-то развлекать! Я всегда много читала, и в последние годы уровень большинства выпускаемых книг меня совершенно перестал устраивать. "Если уж такое печатают, — решила я, — то написать как минимум не хуже я смогу!" Почти сразу начала выкладывать готовый текст по главам на Литтлван (форум питерских родителей). Собрался небольшой круг людей, которые читали, хвалили и требовали продолжения. И все было очень приятно и весело, пока в созданную мной тему не забрела чудесная женщина-редактор... Оказалось, что писать хорошо и качественно совсем не просто, что в этом деле существует масса нюансов и тонкостей, неизвестных и неинтересных рядовому читателю, и что есть даже — да-да! — книги о том, как писать книги!

Эльвира:

— Писать я начала еще в детстве. К шестнадцати у меня уже был цикл фантастических рассказов в духе «Дневников Ийона Тихого», сборник стихов и законченный роман о «попаданцах» в будущее на четыре общих тетради в 96 листов. Я участвовала в литературных олимпиадах и что-то там даже выигрывала. В студенческие годы эксперименты продолжились. Потребность писать была всегда, но я относилась к этому лишь как к занятому хобби, не больше, поэтому ничего не сохранилось.

— Интересно узнать историю вашего соавторства: почему начали писать вдвоем, почему решили публиковаться именно под таким псевдонимом: Арина Свобода?

— История банальная. Познакомились на сетевом конкурсе, увидели друг в друге родственную душу, попробовали написать вместе и нам понравилось. С общим псевдонимом долго не мучились. Это реальная фамилия по паспорту, а не попытка выпендриться, как считают некоторые. Когда фамилия такая звучная, зачем искать что-то еще?

— Для многих соавторство — это некое таинство, очень непросто двум разным людям работать как единый слаженный механизм, но, судя по вашим книгам, у вас это прекрасно получается. Расскажите, в чем секрет? Как вы распределяете работу над текстами? Что считаете наиболее важным в вопросе соавторства?

— Это не таинство, а обычная командная работа, партнерство, как в любых других областях жизни. Самым важным в любой совместной работе, не только в писательстве, нам кажется умение слышать и чувствовать напарника, уважать его точку зрения и не считать свою единственно верной. Одинокие рейнджеры скачут по пустыне сами. Мы знаем сильные и слабые стороны друг друга, но у нас нет выработанного алгоритма, над каждой вещью работаем по-разному, в зависимости от темы, жизненных коллизий и прочего. Импровизируем, как в джазе. Мы настолько "вместе" пишем, что иногда, редактируя готовый текст, не понимаем, кто написал тот или иной кусок.

— Расскажите, пожалуйста, как шла работа над вашей первой совместной книгой «Заступник. Твари третьего круга»? Что давалось легко, а с чем возникли трудности (если они вообще были)?

Перед романом мы написали вместе пару рассказов и примерно представляли, как будем работать. По ходу работы вместе учились, потому что для обеих это был первый «серьезный» роман. Трудности... Пожалуй, с финалом. К сожалению или к счастью, во время работы над каждой книгой у нас многое меняется и все дальше отходит от первоначального замысла — возникают новые герои, новые повороты сюжета. И, когда наступит момент сводить все ниточки воедино, оказывается, что ничего не срастается. По крайней мере, в рамках того финала, который задумывался изначально.

— Кто для вас герои ваших романов? Отвлеченные персонажи, типажи, срисованные с друзей и знакомых, части вашего внутреннего «Я»? Насколько вы погружаетесь в текст, пропускаете его через себя, когда пишете?

— По-разному. Есть персонажи, имеющие реальных прототипов, отражающие те или иные наши черты характера, а есть и полностью выдуманные. Новый персонаж — как новый человек, с ним

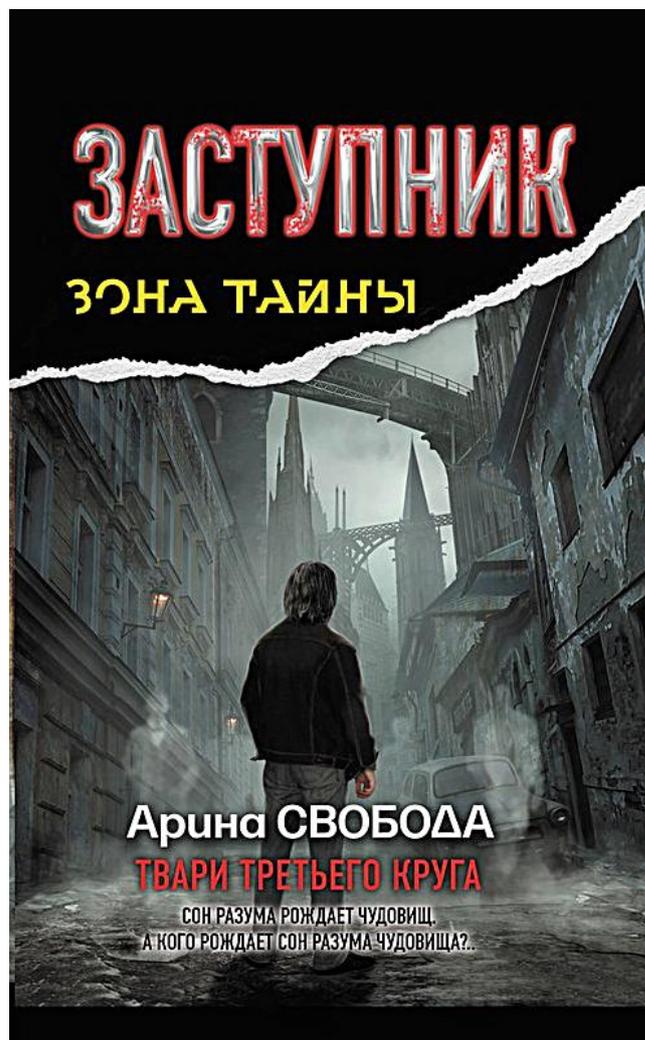
знакомишься в процессе работы. Они, конечно же, становятся близкими и почти родными. За них переживаешь, чувствуешь, как каждый из них поведет себя в следующий момент.

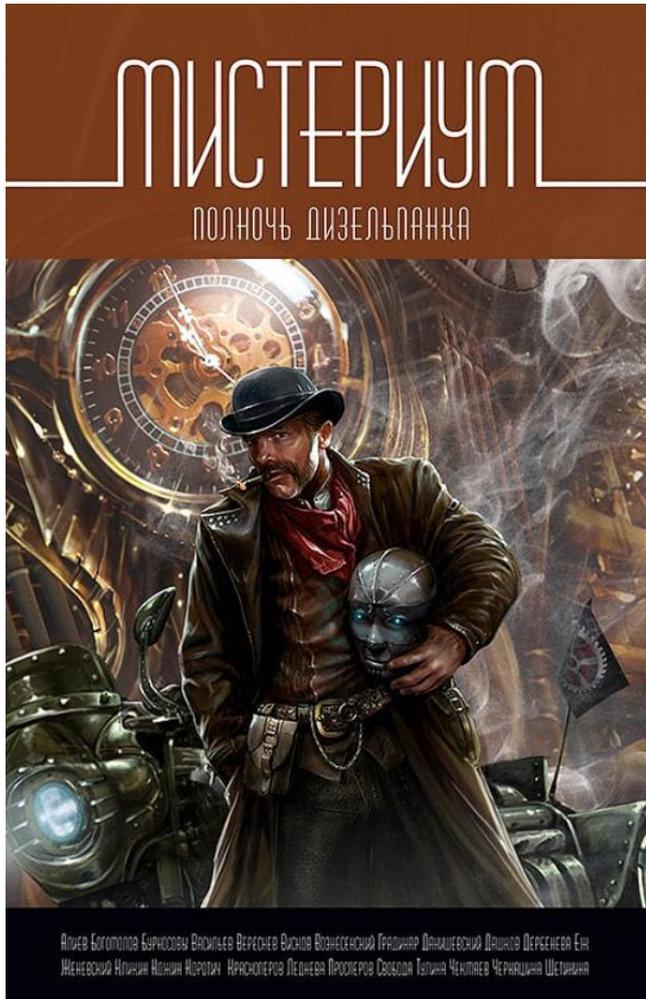
Эльвира:

— В романе «Флогистон», например, один из второстепенных персонажей, друг и напарник героини, неожиданно умирает от инфаркта. После написания этой сцены, я ощутила глубокое чувство утраты, хотя с самого начала знала, что это произойдет. Просыпалась ночью с мыслью, что он умер, и в течение нескольких дней не могла вернуться к работе. Этот персонаж был взят абсолютно «из воздуха», и тем не менее, заставил меня, автора, переживать. Для читателей же это, скорее всего, был «проходной» эпизод.

Замечала также, что уже после завершения романа, какие-то вещи начинают сбываться в реальной жизни. Влияет ли роман на жизнь? Не думаю. Скорее, подсознательно считывалась реальность, которую не замечала или не хотела замечать.

Художник В. Манюхин

— Почему вы выбрали жанр фантастики? Это произошло случайно, или сознательно?

— Приведем цитату И. Анненского: «Фантастическое и реальное не стоят на гранях мира, а часто близки друг к другу. Сближенность фантастического и реального в творчестве основывается на том, что творчество раскрывает вам по преимуществу душевный мир, а в этом мире фантастического, сверхъестественного в настоящем смысле слова — нет». Нам близко его понимание. Кроме того, мы всегда любили читать фантастику больше других жанров.

— Зачастую в ваших романах есть мистическая составляющая, которую вы пытаетесь объяснить, в том числе, и с научной точки зрения. Такое «объемное» восприятие мира — это отражение вашей внутренней позиции в жизни? Или некое послание читателю?

— Ответ на этот вопрос плавно вытекает из предыдущего. Мир велик и разнообразен, а люди могут воспринять лишь малую толику того, что доступно их органам чувств. Мы живем в фантастическом мире, где можем общаться друг с другом

на расстоянии, рассматривать фотографии Плутона, имеем доступ практически к любым знаниям, накопленным человечеством. С другой стороны, современная наука для нас, гуманитариев, — шаманство в чистом виде. Нет необъяснимых явлений, есть необъясненные! Так что никаких мистических посланий читателю.

— Ваши тексты отличаются необычными и интересными фантастическими допущениями. Взять тот же «Флогистон». Откуда вы черпаете идеи, и что позволяет вам в романах развивать их в достоверные миры и системы? Это кропотливая работа с первоисточниками? Врожденное чутье и фантазия? И то, и другое? Что бы вы посоветовали начинающим авторам — возможно, есть какие-то приемы, которые могут помочь в работе с научными материалами, чтобы органично вплести их в текст?

— Мы пишем о людях, прежде всего. Фантастические допущения, как сказано выше, позволяют раскрыть их внутренний мир под особым углом. Задаем себе вопрос: «А что если?..». С первоисточниками тоже работаем, обычно в процессе прочитываем пять-десять книг по теме. Работаем, скорее, с научно-популярными материалами, чем с научными. Методы обычные: анализ и синтез. Отбор и чувство меры тоже важны.

— Что для вас интереснее — большая форма, рассказы, повести? И почему?

— Большая форма, безусловно. В рассказ только погрузился, а тут — бац! — и все закончилось... А вообще, важна идея и тема. Что-то решается в форме рассказа, что-то в форме романа. Наш последний роман сложился из двух сольных рассказов.

— Есть ли у вас цели в творчестве? И если есть, то какие именно?

— На жизнь писательством мы не зарабатываем. Пишем, потому что нам нравится это делать. Мы никуда не торопимся, поэтому и других целей, кроме как пробовать что-то новое — сюжеты, героев, фантастические допущения, взгляд на жизнь — у нас нет.

— Расскажите, пожалуйста, о своих кумирах в литературе. Кого считаете эталоном? У кого учились писать? Чьими произведениями зачитываетесь сами?

Эталонов в литературе быть не может, это все очень субъективно. Читаем много, но вкусы у нас

совершенно не совпадают. Одна любит Гоголя, Достоевского, Булгакова, Брэдбери, Филиппа К. Дика, Андрея Валентинова, Питера Уоттса. Другая — Стивена Кинга, Терри Пратчетта, Генри Лайона Олди, поздних Стругацких... Это авторы, которых можно не только с удовольствием читать, но и перечитывать. Учимся у всех авторов, чьи книги читаем, у каждого есть интересные и полезные приемы, даже если они не входят в категорию любимых писателей.

— Вы несколько раз участвовали в литературных семинарах «Партенит» под руководством Г.Л.Олди и А.Валентинова. Поделитесь, пожалуйста, впечатлениями. Насколько это было полезно и интересно? Поменялся ли ваш подход к творчеству после семинаров?

— Это было ужасно полезно и страшно интересно! Мы ехали учиться, поэтому были готовы услышать и принять отзыв профессионалов, каким бы он ни был. Мы смогли посмотреть на себя со стороны, увидеть системные ошибки, отточить навыки в режиме реального времени и обрести уверенность. Кроме того, это была единственная возможность пообщаться с соавтором в реале лицом к лицу.

На мастер-классе Олди говорилось об основах ремесла: методах, приемах, структуре и т.д. Стенограммы их разборов за все годы фактически являются уникальным учебником, аналогов которому в русскоязычной литературе нет. На Западе таких пособий множество, но они далеко не всегда применимы из-за различий в языках и культуре. В мастер-класс Валентинова бонусом входил невероятно интересный обзор направлений в фантастике. А самым полезным было, когда мастер на практике показал, как можно довести текст до ума — расставить акценты, углубить характер героя, заострить конфликт и т.д. Это бесценный опыт.

Сложно сказать, что давало больше пищи для мозгов и души: лекции общего плана, посвященные литературному творчеству; разбор конкретных произведений, участвующих в семинаре; или свободное общение с мастерами и другими участниками... В любом случае, мы благодарны судьбе, организаторам и мастерам за эту возможность.

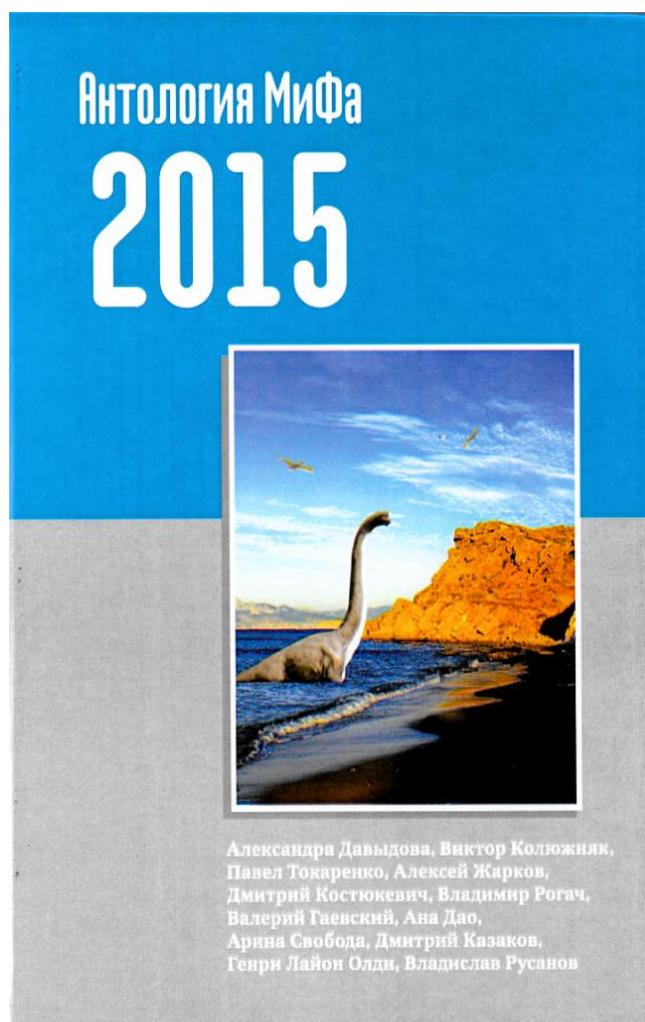
Общий наш подход к творчеству после семинара не поменялся, но понимания и уверенности в себе стало больше. Если первый роман мы писали на ощупь, как в мутной воде, то последующие уже со знанием дела.

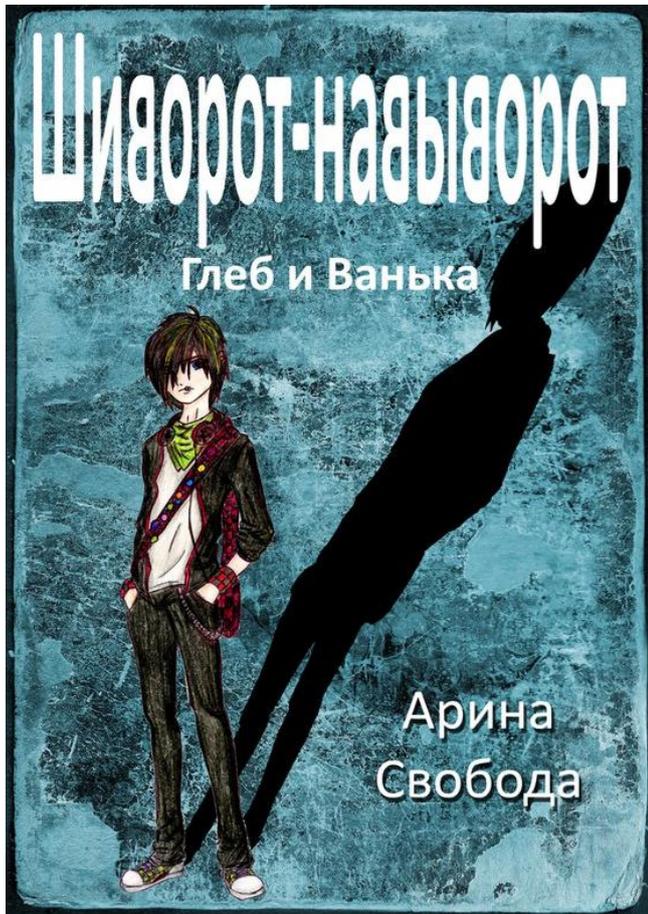
— Как вы считаете, нужна ли вообще автору критика, и если да, то в каком виде?

— Критика нужна обязательно, лучше конструктивная, но тут уж как придется. Гораздо хуже, когда ее нет вообще, потому что критика — это единственный механизм обратной связи. Какой бы она ни была, она всегда работает на автора. Но для этого необходимо просеивать ее через свои собственные убеждения. Автор не несет персональную ответственность за тех, кто читает невнимательно, имеет другую шкалу ценностей, интересы и жизненный опыт, отождествляет героев с автором и т.д.

— Участвовали ли вы в каких-либо сетевых конкурсах со своими рассказами/повестями/романами? Некоторые считают, что это лишь ворует время у писателей, другие находят в конкурсах полезные стороны. А каково ваше мнение?

— На наш взгляд, литературные конкурсы могут быть весьма полезны для начинающего автора. Во-первых, пока автор не уверен в себе, ему постоянно требуется обратная связь и некое

внешнее подкрепление для того чтобы продолжать писать. Во-вторых, "не все конкурсы одинаково полезны", но на некоторых сетевых площадках можно получить множество дельных советов, доброжелательную критику, а также качественный (и, что немаловажно, совершенно бесплатный!) разбор текста.

В сетевых конкурсах мы, конечно, участвовали до какого-то времени, так и познакомились. После семинара в Партените перестали, потому что необходимость отпала, а просто так «тусить» мы не любим. Последний конкурс, в котором мы принимали участие, был Книгуру-2013, где наша подростковая повесть вошла в шорт-лист.

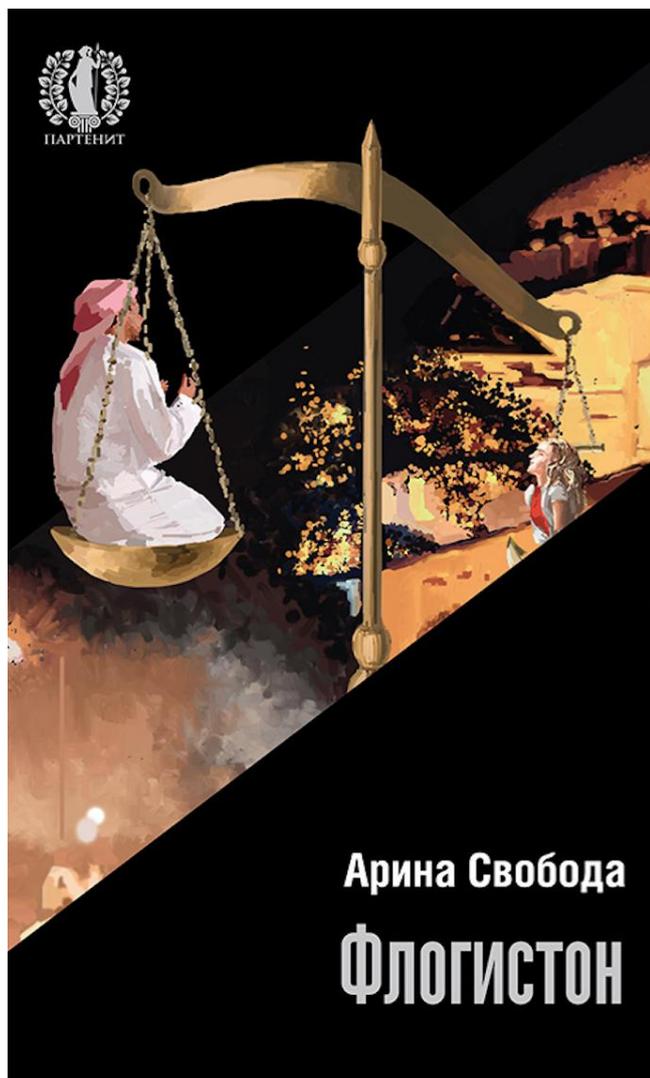
— **Расскажите, пожалуйста, как попала ваша книга в издательство? Сразу ли приняли, или возникали какие-либо препоны? Как проходила работа с редактором?**

— Обе опубликованные книги «Заступник. Твари третьего круга» и «Флогистон» были рекомендованы в издательства по результатам семинара, поэтому все было в штатном порядке. Отправили письмо с запросом и синопсисом, потом текст. После заключения договора по первой книге и ее публикацией прошел год. Вторая вышла в течение полугода. Никакой особой работы с редактором не было.

— **Что вы считаете самым главным в книге? Какой она должна быть, чтобы найти отклик у большего круга читателей? И что важнее автору — самовыразиться и сказать то, что хочется сказать, или все-таки расширять аудиторию и писать в тех жанрах и в том стиле, которые востребованы на данный момент?**

— Главное в книге... Некоторые говорят: "если сюжет интересный, мне неважно, каким языком написано" или "главное — про любовь, про чувства, а сюжет — дело десятое"... Мы для себя не делим книги на составляющие. Важно все — сюжет, язык, герои... Все! Только удачный сплав всех составляющих дает в итоге произведение, которое не только будет с удовольствием прочитано, но к которому захочется вернуться и, может быть, не один раз. В котором при каждом прочтении можно будет открывать для себя что-то новое. А про что писать, каждый автор решает для себя сам. Зависит от цели, наверное. Если самовыразиться, рассказать о чем-то миру, поделиться с читателями своей болью или радостью — тогда писать "по велению души". Если денег заработать, тогда нужно пытаться попасть "в струю". Ну, или в проект.

Повторимся, мы пишем то, что интересно нам — социально-психологическую фантастику с элементами НФ и мистики. В настоящее время это не востребовано ни издательствами, ни читателями. Мы это прекрасно осознаем, однако, менять ничего не собираемся. За пять лет соавторства мы написали пять романов, повесть и с десяток рассказов. Опубликовали гораздо меньше, так что этот вопрос, наверное, следует задавать популярным писателям, тем, кто знает, как вызывать отклик в сердцах большого круга читателей.

— Что вы думаете о роли пиара в продвижении современного автора? Насколько он необходим? Можно ли рассчитывать на поддержку издательства, или всё надо делать самому?

— Реклама, продвижение, пиар — все это, безусловно, очень важно в современном мире с его переизбытком информации и скоростью жизни. Увы, в издательствах в основном идет поток: напечатали, выбросили на прилавки, следующие! Прибыли получаются не за счет качества, а за счет количества выпускаемых книг. Впрочем, издателей можно понять — когда любая мало-мальски интересная книга появляется в пиратских библиотеках раньше, чем в магазинах, рассчитывать на большие объемы продаж не приходится.

Пиар необходим, но каждый должен заниматься своим делом. Писатель писать, пиарщик пиарить. Хорошо, когда в одном человеке удачно совмещаются и те и другие навыки, потому что начинающему писателю надеяться на поддержку издательства в настоящее время смешно. Умеете продвигать — двигайте, для этого нужно «вращаться». Мы не умеем, да и не любим.

— Над каким проектом вы работаете сейчас?

— Совсем недавно мы закончили новый роман под рабочим названием «Живая вода». О туристах-водниках, древних богах, питерских легендах. И о борьбе добра со злом, как же без этого... Сейчас роман находится в процессе редактирования.

— Что бы вы хотели сказать в напутствие начинающим авторам?

— Писать надо лучше!

Беседовала Михалевская Анна

Арина Свобода

writercenter.ru/profile/arina_svoboda/whois/

Михалевская Анна

writercenter.ru/profile/Bibigul/whois/

Обыкновенное чудо

Чудо — это то, что кажется невозможным, но происходит.

К/ф "Люди в черном 3"

Рассуждая на тему чудес, у меня не было никакого намерения писать о чудесах из сказок, меня всегда больше интересовали реальные чудеса из повседневной жизни.

Сначала хотелось написать про невероятные случаи из моей жизни и жизни друзей. Но чем дольше я думала о примерах, тем яснее понимала, что чудо для каждого человека понятие абсолютно свое, индивидуальное. Для кого-то рассказанное мною чудо может показаться «прекрасной чушью», которую несут люди, что смотрят на мир сентиментально и даже несколько наивно; верят в настоящую дружбу, в том числе и женскую; видят, как Вселенная дает подсказки и возвращает однажды сделанное кому-то добро.

И тогда я решила написать не о чудесах, как таковых, а о нашем отношении к ним. Ведь для кого-то чудо — это иллюзия, увиденная в цирке или радуга во все небо, а для кого-то — это излечение близкого человека от тяжелой болезни; для кого-то — это победа российской футбольной сборной в чемпионате мира, а для кого-то — это первые шаги собственного чада; для кого-то — это миллионный выигрыш в лотерею, а для кого-то — это музыка, услышанная до деталей во сне.

Что же делает из обыкновенного для одного человека события чудо для другого?

Мне думается, что ответ лежит в том, насколько мы верим в исполнение самых невероятных желаний и в нашем восприятии мира.

Мы часто не замечаем невероятных событий, которыми наполнен каждый новый день. Спеша и суетясь, мы вечно недовольны происходящим, и чаще всего из-за того, что чужая жизнь кажется нам удачнее, а кто-то рядом — везучее.

А чудеса — они происходят помимо наших желаний, главное — суметь их увидеть.

Однажды после ссоры с любимым человеком и чувствуя себя «самой несчастной на свете», я поехала на местное озеро поплавать и остыть. Я была так сильно расстроена, что и в воде не чувствовала облегчения. И вот, подплывая к мостку в самом центре озера, я увидела, как в воду нырнул симпатичный загорелый парень. Его лицо было довольным, он плыл с наслаждением. Но у парня не было одной руки. Мое ощущение невезучести как рукой сняло. Он не выглядел несчастным. Почему? Возможно, он потерял руку, но остался жив — и это было для него и его родных настоящим чудом.

ИМХО

Возможно, он научился быть довольным тем, что имеет, как могла находить хорошую сторону в большинстве неприятных ситуаций солнечная девочка Поллианна из одноименного фильма. Отец научил ее игре «Умей радоваться». Это чудесное качество волшебным образом меняло людей вокруг. Такие поллианны существуют не только в кино...

Или вот чудеса, которыми можно наполнять жизнь детей и свою, устраивая волшебные праздники на Новый год и Рождество. Конечно, для этого нужно постараться: приготовить лакомства, украсить дом, сделать сюрпризы, придумать программу, создать атмосферу. В общем приходится хорошенько поработать, чтобы чудо состоялось, ведь рождественское или новогоднее чудо — это именно ощущение невероятного, это восторг от происходящего, надежда на исполнение желаний, это благодарность за все хорошее, что происходит с нами.

Или взять, к примеру, пары, которые долгие годы стремятся дать жизнь еще одному человеческому существу и, казалось бы, в

безнадежных случаях постами, молитвами, своим упорством, посещением святых мест, да просто своей верой осуществляют задуманное.

В сказках часто встречаются добрые феи. Это покровительницы главных героинь, как, например, Золушки, которые при помощи чудесных даров дают возможность герою перейти на новый этап жизни, исполнить свою мечту. Они совершают чудеса для подопечных. В христианстве феи — это ангелы-хранители. Они ведут нас по жизни, поддерживая в трудную минуту и помогают достичь желаемого.

Но по сути, ангелы-хранители — это наши друзья.

Вспомните ваших самых близких друзей. Сколько нужных советов дали они, когда вы оказывались в ситуации без видимого решения, как часто, благодаря их поддержке и добрым словам, вы возрождались и были готовы на новые свершения и «подвиги»?

Художник Виктория Кирдей

Художник Виктория Кирдий

Зачастую с некоторыми из них мы не видимся по несколько месяцев или даже лет, но они всегда незримо, словно ангелы-хранители, присутствуют в нашей жизни. Иногда мы даже забываем о них, но встретившись много лет спустя, понимаем, какое это действительно чудо, что они у нас есть именно такие: верные, мудрые, надежные, любящие.

Я думаю, что немало таких чудес можно найти в жизни каждого человека. Для этого не надо иметь волшебную палочку, стоит только задуматься.

Ну а самое главное чудо — это сама наша жизнь. Представьте только: ежедневно у мужчин вырабатывается порядка ста миллионов половых клеток! Если начать считать вероятность того, что именно тот самый «ваш» сперматозоид встретил ту самую, «вашу» яйцеклетку, чтобы получились именно вы, мы получим бесконечно малую величину, т.е. ноль. Вероятность вашего и моего рождения равна нулю, оно практически невероятно.

Но вы и я — мы родились. А если происходит что-то невероятное, это и есть обыкновенное, но самое настоящее чудо!

© Майер Ольга

Майер Ольга

writercenter.ru/profile/VasilisaPr/whois/

Художник Виктория Кирдий

kirdiy.com

Ирина Успенская

Ирина Успенская - автор романа в жанре отечественное фэнтези «Практическая психология. Конт», завоевавшего читателей на СамИздате. В 2015 году книга вышла в издательстве «Альфа-книга».

— **Ирина, как давно Вы начали писать? Расскажите о первых пробах пера, с чего все начиналось?**

— Добрый день. Писать начала в шестом классе. И это, естественно, были стихи. Про снеговика и птичку. Я с ними даже участвовала в областном конкурсе «Юных поэтов и прозаиков». Ничего не выиграла, но зато на два дня уехала из дома от родительского контроля.

— **Как возникла идея романа «Практическая психология. Конт»? Расскажите о своей героине и почему Вы выбрали именно такой неожиданный ход для действия романа?**

— Всею виной роман Г.Гончаровой «Средневековая история». «Практическую психологию» я начала писать под его влиянием. Задумывался мой роман как однотомник, в конце которого героиню торжественно должны были сжечь на костре. А почему переселение в мужское тело? Мне показалось, что это будет любопытно, в первую очередь для меня как автора.

— **В книге обращает на себя внимание серьезное владение темой оружия, что обычно не свойственно женщинам-авторам. У Вас есть личный опыт, или Вы обращались к консультантам?**

— В этой книге у меня масса консультантов. От ролевиков до врача-сексопатолога. Кстати, еще меня консультировали на одном сайте, где собираются трансгены. И, по-моему, меня там прокляли за фразу: «Душа бесполо». По оружию я получила много замечаний и толковых указаний от своих читателей-мужчин. Очень много по психологии военного человека, о построении, брониках, войне в условиях гор, о строевой и полосе препятствий. Они же и обругали меня за то, что Конт не начал создавать сразу нормальную дивизию, а дурью маялся с официантами, полосой препятствий и союзом с горцами. Тем паче, что во втором томе все равно воевать придется. Но у меня книга о женщине и для женщин, поэтому я не совсем согласна. Еще у меня есть личный опыт службы в армии. Пять лет прапорщиком. Так что о

многих вещах я знаю не понаслышке. К слову сказать, изначально моя героиня была заявлена как сотрудник спецподразделения, но затем меня хорошенько натыкали... во многие несоответствия, и она стала инструктором по стрельбе, бывшей спортсменкой-лучницей.

— Что послужило толчком отправить рукопись в издательство?

— Успех романа на Самиздате. К моему удивлению «Практическая психология. Конт» был принят читателями весьма благосклонно.

— Рукопись романа сразу приняли в печать, или потребовалась правка? Сколько времени прошло с момента, когда Вы получили положительный ответ, до выхода книги на бумаге?

— Ответ из «Альфа книги» пришел первым, и это было через тринадцать дней после отправки романа. Править мне ничего не пришлось. У меня прекрасный редактор, которая работала со мной на протяжении обоих томов романа, поэтому с редактором издательства мы практически ничего не правили. Вся работа с нею заняла неделю: ее вычитка, моя повторная вычитка и все.

— Вам приходилось сталкиваться с конфликтной ситуацией, когда редактор предлагал исправить не ошибки в тексте, а что-нибудь более существенное, например, изменить эпизод или персонаж?

— Нет. Но редактор меняла некоторые моменты с обращениями и самоопределением Алан-Виктории. Поэтому версия издательства выигрывает по сравнению с версией СИ.

— Договор с издательством — что бы Вы посоветовали?

— Просить неэксклюзив на электронку.

— Как Вы считаете, писательским трудом можно заработать на жизнь?

— Смотря на какую жизнь. Если автор сумеет писать по книге в два месяца, то, возможно, с голода он не умрет. Но я не знаю таких авторов среди начинающих.

— Ваш любимый литературный жанр?

— Я всеядна. Сейчас читаю псевдоисторические романы.

— Что сейчас более востребовано издательствами?

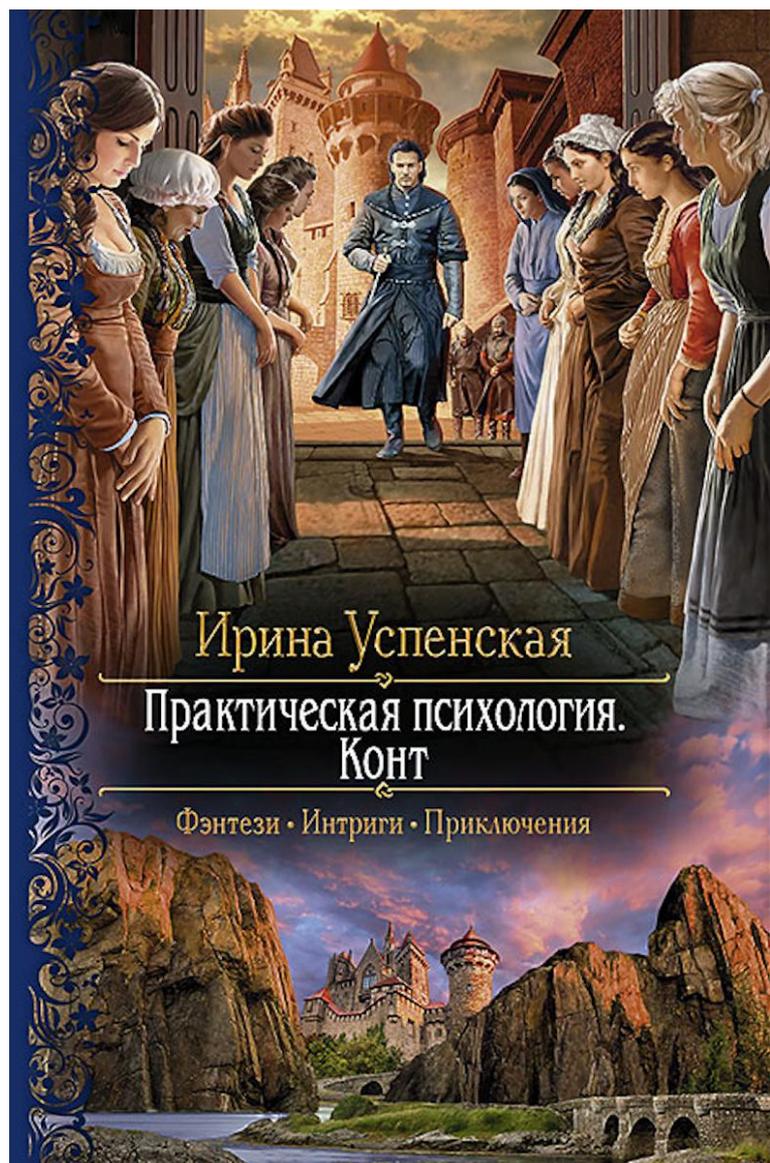
— К сожалению, не могу ответить с точностью до процента. Я не издатель. Но, судя по тенденции, ЛитРпг и любовные романы для домохозяек с любым дополнением: академия, детектив, мистика, эротика. Главное, чтобы была ярко выраженная любовная линия. Неплохо идут книги в серию «Метро». Еще, насколько я знаю, издательствам катастрофически не хватает детской литературы.

— Как Вы учились писать? У Вас есть учителя или помощники, бета-ридеры?

— А никак. Пишу, как получается. Мне еще учиться и учиться. Беты есть, а как же без них? Есть несколько писателей, к чьим мнениям я прислушиваюсь.

— Ваши любимые авторы и произведения?

Художник Сергей Григорьев

Художник Сергей Григорьев

— «Преступление и наказание» Достоевского, «Дом, который» М.Петросян и «Белая Гвардия» Булгакова. Из книг знакомых авторов люблю «Ежа» Т.Богатыревой и Е.Соловьевой.

— Сколько времени занимает работа над книгой? У Вас бывает «писательская блокада», когда не пишется, хоть умри? Если да, то как Вы с ней боретесь?

— От трех месяцев до полугода. Неписец бывает. Увы... бороться с ним сложно. Просто преодолеваю. Музыка очень помогает. Сейчас в наушниках танго из «Мулен Руж». Очень сильная энергетика.

— Как Вы думаете, писатель может изменить мир своими произведениями?

— Сложный вопрос. Думаю, время, когда книга могла изменить мир, миновало. Но на судьбу отдельно взятой личности повлиять запросто может.

— Как Вы относитесь к критике? Есть в ней что-нибудь созидательное, или критика — только стресс и несправедливые высказывания?

— Не люблю, но терплю. Я давно научилась находить здоровое зерно даже в высказываниях троллей. Поэтому считаю, что критика - вещь, безусловно, полезная.

— Бумажные книги изжили себя? Электронные издательства смогут соперничать с традиционной печатью?

— На сегодняшний день никто не может соперничать с пиратскими библиотеками. Глядя на Запад и Америку, понимаю, что бумага останется еще надолго, но сместятся приоритеты.

— Ваши герои похожи на Вас? Вы используете знакомых как прототипы для персонажей книг?

— Многие мои друзья узнают себя по характерным репликам, внешности или привычкам. Похожи ли мои героини на меня? Думаю, что да. Не во всем, конечно, но что-то переносится на подсознательном уровне.

— Философская идея книги — нужна она, или достаточно напряженного повествования и гладкого слога?

— Смотря для кого вы пишете и о чем. Мораль нужна всегда, а вот философия... не думаю.

— Расскажите о себе: литературный опыт, профессия или хобби.

— На самиздате я два года. Я замужем, работаю в сфере финансов. Хобби... люблю бездельничать. Это можно назвать хобби? А если серьезно, то книги и есть мое хобби, зарабатываю я другим.

— Как вы относитесь в соавторству? Есть ли у Вас опыт работы с соавтором, какие это дает преимущества и (или) что мешает в работе?

— Есть опыт и немалый. Есть несколько произведений в разных жанрах. Например, под именем Вада Ветрова. Сейчас в сети гуляет наша книга под кодовым названием «Черт в академии». И в работе еще два проекта. Писать в соавторстве мне сложно. Я не люблю зависимость. Ни от чего. Будь то сигареты, алкоголь или соавтор. А в совместной

работе нужно подстраиваться друг под друга и очень хорошо чувствовать текст. Быть на одной волне, понимать героев, задумку и предугадывать мысли соавтора. Терпеть его плохое настроение, ослиное упрямство и множество других заморочек. Это не всегда удается. Имею опыт разбитого монитора, когда в него полетела чашка с кофе. Но иногда это очень весело. Особенно на моментах обсуждения и планирования сюжета. Все же я склоняюсь, что мне легче работать в одиночку, а бывших соавторов просто нещадно эксплуатировать, как источники вдохновения, идей и дружеского трепя.

— Как Вы относитесь к смерти? Есть ли необходимость в насилии? Автор несёт ответственность за своих героев?

— К смерти в произведении? Нормально отношусь, если это обусловлено сюжетом, как и к насилию. Но насилие ради насилия не приемлю. Должна быть логика, предпосылки, сюжет, а не просто: «Он изнасиловал героиню сто семь раз, а она его за это полюбила».

— Как к Вашему творчеству относятся близкие?

— Лояльно. Они мне не мешают, и это главное.

— Что для Вас значит «быть счастливой»?

— Просто жить.

— Над каким проектом работаете сейчас?

— Третий, заключительный том «Практической психологии» и юмористическо-эротический триллер о том, как два орка получили головную боль. «Замуж за орка, или Эльфы тоже плачут».

Беседовала Ула Сенкович

Ирина Успенская

writercenter.ru/profile/Heltruda/whois

samlib.ru/editors/g/gelxtruda/

vk.com/topic-98717533_32786116

Ула Сенкович

writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

Человек раскрывается в сказке

Люди сочиняют и слушают сказки едва ли не столько, сколько существует само человечество. И как скрывается в глубине веков и седой мгле наша давняя история, так и в сказках под вуалью волшебства и тайны исследователю может открыться кладезь знаний о человеке, его обычаях, привычках, психологии, страхах и надеждах.

Мировоззрение человеческого общества полностью отображается в сказках. Все знания о мире и вопросы зафиксированы в этих историях, где в облачении невероятного, придуманного, небывалого закодированы механизмы отношений людей, их деятельность, восприятие, мышление. И чтобы понять это, стоит только внимательнее присмотреться к основным персонажам, появляющимся в сказках совершенно разных народов.

Например, ведьма в сказке – это та, что ведает, знает больше других персонажей, может обладать даром пророчества, и не проявляет нормальных человеческих чувств. Нередко образ ведьмы, колдуньи связан с ее нахождением в некой непривычной для проживания, странной местности – в болотах или льдах. Если провести параллель с психоаналитической теорией, ведь-

ма, колдунья персонифицирует измененное состояние сознания человека, его эмоциональное оцепенение, «замораживание изнутри». А вспоминая времена средневековых гонений на ведьм, мы видим, что женщин проверяли именно на физическую нечувствительность к боли, пытая их уколами и огнем. То есть, знания, зафиксированные в сказках, напрямую отображают воззрения общества.

Еще один небезыntenерный персонаж, появляющийся в сказках разных народов – трикстер, он же шут, – зачастую воплощенный в таких героях, как Иванушка-дурачок (в русских народных сказках; в сказках других народов существуют прямые аналоги данного образа) или же спутник главного героя сказки (нередко сам выступающий на первый план) в виде фантастического или реального животного, например – Кот-в-Сапогах. Подобный персонаж как бы связывает мир обыденного, разумного с миром непривычного, курьезного, сказочного и даже безумного. Трикстер легко преодолевает любую границу, даже между людьми и высшими, неведомыми им, силами, божествами, помогая найти помощь и спасение вне пределов привычного, обыденного. Да и по мнению психологов трикстеры, шуты, юродивые всегда несли некую терапевтическую

для общества роль, громко заявляя о его болезнях и проблемах, напрямую высказывая все королям, давая всем повод посмеяться над собой и исцелиться смехом над своими же пороками.

Также в сказках встречаются персонажи, ставить которых в один ряд с первого взгляда кажется неуместным – покровители добрые (добрая фея, ангел, крестная или крестный) и злые (классический общеизвестный пример – Синяя Борода). Что же общего между добрыми и злыми покровите-

лями главного героя сказки? По мнению психоаналитиков, основная функция этих персонажей – защита и сохранение травмированного Эго. Заметьте, что все эти покровители появляются в судьбе героя испуганного, перенесшего те или иные потрясения, изменения в жизни, часто – весьма горестные (утрата дома, кого-то из родни и т.д.), и, так или иначе, берут его под свою опеку. При этом, добрые покровители помогают главному герою решить проблемы и выйти на новый уровень, а злые – ограничивают волю героя, буквально консервируя его на одном уровне.

Художник Лев Каплан

Художник Лев Каплан

Эти и другие общие для многих сказок архетипические персонажи одновременно раскрывают как особенности жизни общества, так и работу психики отдельного человека, демонстрируя его интересы, страхи, желания. И хотя в современных сказках серого волка заменил изумрудный дракон, а доброго или злого крестного (фею) – директор магической академии, очевидно, что человек так и не вырос из своих страхов, и очень мало изменился в своем мировосприятии.

© Argentum Agata

Argentum Agata
writercenter.ru/profile/argentum/whois/
Художник Лев Каплан
www.kaplan-art.de
eoklap.livejournal.com

Когда завершается год

Когда оседает на землю туман,
когда завершается год,
приходят в селение о́ма-тима́,
невзрачные люди-с-болот.

Какие-то тряпки на тощих плечах,
почти до колен борода.
Но в каждой избе, где не гаснет очаг,
им искренне рады всегда.

Встречают хозяева гостя вдвоём.
а дети глядят из окна,
зерна насыпают в мешок до краёв
и катят бочонок вина.

На лучшее место сажают за стол,
где тускло блестит серебро.
У о́ма-тима́ есть обычай простой:
“спасибо” сказать за добро.

Коль честен хозяин, хозяйка мила,
обида на отпрысков нет,
зола в теплой печке уже не зола,
а россыпь блестящих монет.

За каждое зернышко, каждый глоток
расплатятся о́ма-тима́.
А после, беззвучно шагнув за порог,
растают, как будто туман.

Про Ивана дурака

За морями — горы, облака и лес,
пыльная дорога, сонная река,
камни возле сосен, почерневший крест.
Помяни, прохожий, Ваньку-дурака.

Сказки только в книжках, пиво там да мёд,
свадебные пляски и хмельной базар.
Ванька разве думал, что вот так помрёт?
Был уверен парень, что придет назад.

С девицей-красоткой, вороным конём,
в кошельке бездонном золотом звеня.
Братец Ваньку встретил дымом да огнём:
со спины ударил среди бела дня.

А потом — а как же! — христианский долг,
выкопал могилу и поставил крест,
взял сундук на плечи, хоть поднял с трудом,
и ушел подальше из опасных мест.

Мертвым сном остался Ванька спать в лесу.
Брат шагал неспешно, жаркий день кляня,
девица роняла за слезой слезу,
цокали копыта резвого коня.

В сумерках на небе выпал звездный снег,
и луна соткалась в синеве ночной.
Подошел к могилке странный человек
с белоснежной пеной крыльев за спиной.

Повздыхал печально, что-то говоря,
лес совиным криком дал ему ответ.
А когда над лесом занялась заря,
две крылатых тени унеслись в рассвет.

Время не жалеет ничего окрест.
Только неизменны горы да река,
камни возле сосен, почерневший крест.
Помяни, прохожий, Ваньку-дурака...

NeAmina

writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Художник Denis Zilber

www.deniszilber.com

NeAmina

Художник Новикова Ирина

Циркачи

В городе ярмарка, цирк выгибает купол, шум не смолкает даже в седой ночи, дети глазуют на представлень кукол, дряхлый старик в большой барабан стучит. Фокусник, клоун, жонглеры и люди-змеи — здесь оживает сказка, зовет мечта. Мимо пройти разве кто-то сейчас сумеет? Пара монет, калитка, и ты уж там.

Шаг за ограду, и город остался в прошлом: ты погружаешься в новый волшебный мир. Все, что казалось, в принципе, невозможным, воплощено загадочными людьми: брызжет салют, в поднебесье взлетают кони, ровная поступь стремительна и легка, смуглый мальчишка держит огонь в ладони, пламя ласкает пальцы и льнет к рукам, змеи, танцуя, сплетаются, как лианы.... А у гимнастов, кажется, нет костей — здесь чудеса естественны и не странны ни для хозяев, ни даже для их гостей. Вот темноликий парень блеснул ножами... Серый дракон ехидно сощурил глаз...

Эй, торопитесь, добрые горожане, в сказку пожаловать мы приглашаем вас...

В нашем трактире под вечер обычно людно: гости гуляют, старается менестрель, сестры таскают в зале большие блюда — сочное мясо и крепкий янтарный эль, батюшка гордо сидит за дубовой стойкой, матушка ведаёт кассой под звон монет, роль недотепы-золушки-и-поломойки мне достается — бездельников в доме нет. Целыми днями приходится мне трудиться, зал убирая, стены и пол скобля. Это лишь в сказках в трактиры приходят принцы, только лишь в сказках обувь из хрусталя. Добрые феи, прекрасный и верный рыцарь — глупая вера нищих и слабаков.

Но все равно сегодня мечтаю смыться: лишь отвернутся сестры, и был таков. Хлопает дверь, из трактира я вылетаю, не обращая вниманья, что вслед кричат. Крепко зажат в ладони заветный талер, я тороплюсь на ярмарку к циркачам. Птицами снова парят в небесах гимнасты, от фейерверков ночью светло, как днем. Скалится хитро жаркой зубастой пастью серый дракончик, метко плюясь огнем. Сочные краски, ткани, шелка и кожа, яркие блузы с юбками до земли. Грустная леди карты на стол положит... Что ей нашепчут дамы и короли?

Я покатался на каждой из каруселек, очаровашку дракона держал в руках. Все я облазил, достигнув заветной цели, деньги спустил — до последнего медяка. Время застыло, никак не кончался вечер, он растекался, словно тягучий мед. И мне казалось, что кто-то беззвучно шепчет, просит как будто, тянет, манит, зовет: “Слышишь...останься...Ты тоже почувял сердцем, что не чужой здесь. Пойми, твое место тут.”

Я оглянулся у полуоткрытой дверцы: замерли люди, как будто чего-то ждут, все циркачи здесь от мала и до велика. И в каждом взгляде вижу вопрос немой.

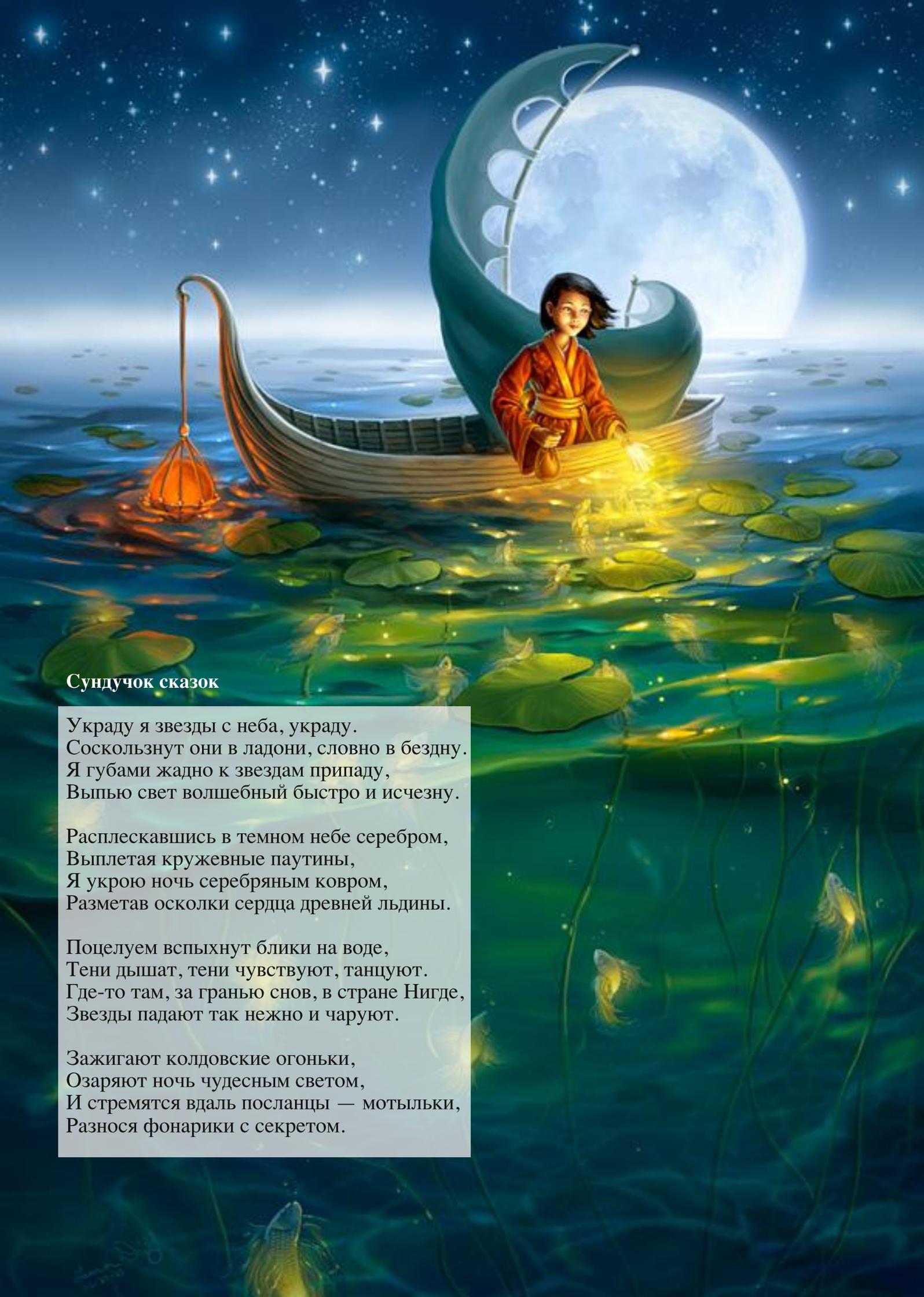
Но, отвернувшись, я быстро нырнул в калитку: так захотелось внезапно сбежать домой.

Город меня не встретил привычным гамом — мрачная пустошь открылась моим глазам, остовы зданий, все в серо-черной гамме. И, испугавшись, я резко шагнул назад. Что там случилось, кто мне сейчас ответит? Нет ничего, только серая пыль вокруг.

Смуглый мальчишка тихо шепнул: “Столетия там пролетели. Такое бывает, друг. Их не вернешь. Ты останься, прими разлуку... Это тебе, я чувствую, по плечу...”

Серый дракончик доверчиво ткнулся в руку: “Хочешь, плевать на искрами научу?..”

Сундучок сказок

Украду я звезды с неба, украду.
Соскользнут они в ладони, словно в бездну.
Я губами жадно к звездам припаду,
Выпью свет волшебный быстро и исчезну.

Расплескавшись в темном небе серебром,
Выплетая кружевные паутины,
Я укрою ночь серебряным ковром,
Разметав осколки сердца древней льдины.

Поцелуем вспыхнут блики на воде,
Тени дышат, тени чувствуют, танцуют.
Где-то там, за гранью снов, в стране Нигде,
Звезды падают так нежно и чаруют.

Зажигают колдовские огоньки,
Озаряют ночь чудесным светом,
И стремятся вдаль посланцы — мотыльки,
Разнося фонарики с секретом.

Сороковая Александрина

Не сходи с дороги

Стелется сладкою дымкой туман,
Звезды на небе мигают и пляшут.
Скрип на дороге. И встал караван.
Ели ветвями таинственно машут.

Белую пену вздымает река.
Брызги взлетают, в ночи растворяясь.
С флягой отправили лишь дурака.
Чудится, елка смеется, качаясь.

Вдруг замерцали вдали огоньки.
Чудища? Леший? Сейчас растерзают.
Старый дурак рассказал: «У реки
В доме лесном на столы накрывают».

Бросились путники, слюнки текут.
Скользко. Запнулись о корни. Упали.
А из домишки к котлу волокут
Зверя мохнатого: «Вы опоздали!»

Плачет тихонько понурый зверёк,
Лапки с надеждой к гостям протянул.
Вьётся над варевом чёрный дымок.
Старый дурак всех бесстыдно надул.

«Братцы, спасайтесь!» Но в небе луна
Зло рассмеялась, клыки обнажая.
Крик оборвался. И лишь тишина
Чашу лесную накрыла, вздыхая.

Шоколадный поцелуй

Так нежна шоколадная ночь,
Вытекает по капле ликёр.
Как заблудшая в сумерках дочь,
Разжигает на небе костёр.

Красным цветом зарделась луна,
Оголила застенчиво бок.
И стекает на землю слюна,
Сладость тьмы превращается в сок.

Карамелью искрится река
В тусклом свете загадочных звёзд,
И набухли её берега
Сладким хворостом тысячи гнёзд.

На ладонях кружится туман,
Леденцы покатались с цветов —
Ночь защёлкнула дивный капкан
В шоколадной долине из снов.

На неведомых дорожках

Сорокова Александра

Художник GaudiBuendia

Хрустнула веточка чёрной полыни, и ведьма довольно поцокола языком:

— Ну, теперь всё в порядке!

Горькое крошево посыпалось в кипящий котёл. Забурлило жёлтым, зелёным, красным. Ещё миг и поверхность варева застыла. Заискрилась. И в колдовском зеркале появилось изображение.

— Дымок, только попробуй всё испортить! — Ядвига склонилась над котлом, едва не задев крючковатым носом Лесное Око. Зрение-то уже не то!

Серый пушистый котёнок с необыкновенно голубыми глазищами тихонько подкрался к хозяйке и цапнул лапой за подол кружевной юбки. Но старуха не обратила внимания на кота — разглядывала паутину неведомых дорожек и тропинок.

Какого труда стоило приглядывать за ними и вовремя возвращать на место, а иногда помогать заблудшим путникам. Или наоборот, губить их.

Дорожки и тропинки жили своей жизнью — порой сами искривлялись или попросту меняли направление, разводя хаос в Дремучем лесу.

— Ох, беда! Леший опять забрёл в Гнилое болото и еле выскользнул из лап Чудозыра. Тот ведь глупый и не разбирает своих и чужих.

Ядвига плеснула в зеркало кленовую выжимку и прошептала заклинание.

— Мяу, — Дымок коснулся лапой котла. Удивительно, что не обжётся.

— Да исправила, исправила.

Одна вредная тропинка, почти невидимая,

Художник Ольга Нагорная

принялась за старое. Уж как её только Ядвига ни стирала, как ни выкручивала! А та всё норовила указать путь напрямик к домику ведьмы.

Как здесь спрячешься от нежелательных гостей? Ведьма давно разочаровалась и в людях, и в героях, и в нечисти. Пусть лучше в объятая мавок прыгают.

А эта плутовка вздумала играть! Когда терпение Ядвиги закончилось, а магические силы в погоне за тропинкой практически истощились, ведьма махнула рукой. И лишь временами сворачивала вредину в клубочек или отправляла в сторону иных лесных обитателей.

— А вот завяжу тебя сегодня бантиком! Ха-ха-ха! — цветок дурмана растворился в зеркале, а ведьма принялась выплетать колдовскую паутину.

— Мьяяяу! — Дымок поддержал хозяйку и лениво побрёл к веранде домика, чтобы погреться на тёплом солнышке.

— Да, мой милый. И никого мне, кроме тебя, не надо, — Ядвига улыбнулась голубоглазому лежебоке.

Лёгкий ветерок теребил травинки, среди которых красовались россыпи лесной земляники. Они манили спелостью и сладостью.

Кряхтя и ругаясь, ведьма наклонилась и сорвала самые крупные ягоды.

— Ох, не для меня эта забава, — покачала го-

ловой старуха, потирая свободной рукой поясицу.

Но ягоды съела с удовольствием.

Дымок распушился и зажмурился на крылечке.

— Ленивый хитрюга!

Неожиданный всплеск в котле насторожил ведьму:

— Что ещё за шуточки? Опять кто-то пожаловал?

Морщинистые руки взметнулись над Оком.

Высокий мужчина с острой бородкой, одетый в серое. Он вышагивал по дикому лесу как ни в чём не бывало! Ни усталости, ни беспокойства, одни смешинки в глазах. Будто у себя дома! Вот нахал! Но симпатичный...

Ядвига усмехнулась и решила проучить незнакомца. Щепотка коры дуба и знак ворона — и дорожка выкрутилась в сторону озера Забвения. Ох, мавки сейчас обрадуются!

— И вообще, пора бы им меня поблагодарить. Столько добра им в руки прибыло!

Ведьма недоумённо сдвинула седые брови. Он смеётся? Не доходя до озера пары вёрст, бродяга шагнул на полузросшую узенькую тропку. Как смог?

— Дымок, ты только погляди!

Но кот даже не пошевелился, а лишь тихонько промурчал:

— К тебе идёт...

— Ну, надо же! Заговорил, нечисть плешивая! А то всё «мур» и «мур», — покачала головой Ядвига, но сразу уставилась в Лесное Око. Шустрый какой! — Не может он ко мне идти. Кто ж про меня ведает? Да и не дойдёт сюда.

Искривлённые пальцы старухи выписали замысловатые узоры — дорожки и тропинки сливались, переплетались и замыкались. А путник шёл себе, продираясь сквозь чащу, будто всего этого не замечал. Находил тайные лазейки. И умудрился

обнаружить проход через дупло древней берёзы.

— А ведь и правда, что в мою сторону двигается, — закусила Ядвига губу и почувствовала необычное волнение. Кто же ты, незванный?

Скорее из страха, старуха напустила на бродягу Чёрного медведя, свирепого и кровожадного.

Медведя однажды проклял злой упырь, случайно забравшийся в эти края. Ведьма справилась с кровопивцем, а вот озлобленного зверя излечить не получилось.

Незнакомец не испугался, а спокойно вытащил добротный меч со сверкающими самоцветами на рукояти и атаковал лютого зверя. Рычание медведя донеслось и до Дымка. Аж шерсть на загривке поднялась.

Смертоносные когти-кинжалы пронеслись над головой бродяги. Ядвига затаила дыхание — увидела, что на листья папоротника алыми каплями брызнула кровь. Но это косматое чудище дёрнулось и рухнуло в заросли кустарника. А через пару минут поднялся удивлённый мишка и удрал в чащу. Ещё долго по лесу разносился треск сминаемых медведем кустов.

— Смелый!

Не зная, как теперь быть, чувствуя, как в груди нарастает давно забытый трепет, старуха стиснула кулаки. Лесное Око — лишь зеркало и ничем не могло помочь. Ни дать совет, ни подкинуть нужное заклинание.

А незнакомец взял да исчез! Пропал с паутины неведомых тропинок-дорожек. И как Ядвига ни вглядывалась, сколько бы порошков и трав ни закидывала в котёл, так и не смогла его обнаружить. В бессилии разбила колдовское зеркало, метнув в Око тушку летучей мыши.

— Чтоб ты сгинул! — прошептала она и направилась в дом за успокоительной настойкой.

Дубовый стол был заставлен свежими порошками-зельями. В эту ночь ведьме удалось вывести новые рецепты. Пахло пряным и кисло-сладким, а также малиной и мёдом.

Распахнув резной сундук, старуха потянулась за пыльной глиняной бутылкой.

— Плохо встречаешь, хозяйюшка! — никаких сомнений, что низкий бархатный голос принадлежал исчезнувшему бродяге.

Ядвига выронила снадобье и обернулась. Но долго не могла вымолвить и слова. Разглядывала потрепанную одежду гостя, крепкую фигуру и упрямое мужественное лицо.

— Кто ты? И зачем явился? — настороженно спросила ведьма и опустила на лавку у печи.

Дымок спокойно лежал на крылечке и, казалось, ничуть не удивился посетителю.

Бродяга загадочно улыбнулся и уселся рядом с хозяйкой дома.

— Хватит уже прятать свою молодость и красоту, — сказал он и с нежностью посмотрел в глаза Ядвиги. Ведьма смутилась и отвела взгляд. Как прознал? Да, она намеренно выбрала такое обличье, чтоб отпугнуть ненужные взоры и сомнительных поклонников.

А незнакомец продолжил:

— Я ведь давно тебя заметил. И полюбил. Я — колдун. И больше не смог ждать. Отправился к тебе...

— А почему так? — обличье ведьмы подёрнулось мерцанием, и Ядвига превратилась в темно-волосую девушку с зелёными глазами. Расправив складку на синем сарафане, она вздохнула и улыбнулась колдуну.

— Но я ведь должен был тебя завоевать!

Ядвига не успела и пискнуть, как он подхватил её и закружил в чёрном вихре.

— А Дымок? — взвизгнула ведьма и рассмеялась.

— И его заберём!

Волшебство

Руденко Евгений

— Волшебства не будет, да! — нахально заявила кроха и невинно захлопала янтарными глазницами. — Я всё съела!

Огромный мужчина, великан по имени Фред Биглз, стоял возле ярмарочной палатки. Его лицо скрывалось за длинными спутанными прядями волос и клочковатой бородой с закрученными как у жука-радара усами. Он сильно нервничал и натужно выдыхал облачка пара в уходящий день. Сверху, с кустистых облаков, на него капало осеннее настроение.

Биглз непонимающе замычал и прошёлся вдоль прилавка. Его огромные руки толщиной с корабельную мачту растеряно зашарили по карманам, лицо побагровело от возмущения, веснушки одна за другой посыпались на пыльную дорогу.

— Как всё? — переспросил он ещё раз. — А мне?

Маленькая девочка вскочила на табуретку и упёрлась кулачками в нефритовую столешницу, на которой стояли продолговатые стеклянные колбочки, широкие бутылки и чугунные котелки. Её вздёрнутый носик решительно указал в сторону выхода, где торговцы уже собирались в дорогу, навьючивая остатки нераспроданных товаров на гарцующих в нетерпении лошадей.

— Вам надо научиться читать и приходите вовремя. Наша ярмарка работала круглый год, а в следующем мы будем отдыхать. Так что вы не успели, приходите через год, да!

У Биглза потекли крупные слёзы, чёрные усы обвисли, словно и не было этого длительного плавания по бурным морям и океанам с пенистыми волнами высотой в целый замок. Примерно из такого замка ему довелось бежать в своё время на рассвете, год назад, когда его разбудила супруга посреди ночи и сказала: «Артур не может заснуть». Затем вытолкнула Биглза на улицу и прибавила: «Принеси сыну сказок!». С тех пор он уже год шатался по миру, сделав не одну кругосветку, обив не один чужеземный порог, не раз слазив к туземцам в джунгли. Никто так и не смог ему ничем помочь.

— Помоги мне, девочка... — заплакал он, с тоской глядя на быстро краснеющую полосу горизонта. — Я очень устал и очень хочу домой.

— Во-первых, я не девочка! Я воплощение добра, ума и красоты! Сокращённо — Дуки, да! Во-вторых, не хочу показаться невоспитанной... — девочка поправила свои густые каштановые волосы, отряхнула бело-голубое платье и пристально посмотрела в маленькие глаза Биглза, — но прежде чем вам помочь, мистер Биглз, я хочу, чтобы вы купили большое шоколадное мороженое. Знаете, в такой бумажной корзинке, похожей на голову циклопа, да. И бумагу, много бумаги, можно сшитой как книга.

— Как что? — удивился Биглз, в его глазах размером с горошину мелькнула надежда и тут же по-

тухла. — Не знаю никакой книги... Я неграмотный!

— Это неважно, — сказала Дуки. — Подойдите вон к тому дядечке с весёлой улыбкой, он вам всё даст, да. И грамоту тоже!

Биглз повернулся и пошёл в направлении весёлого дядечки. Чем ближе он подходил, тем явственнее видел, с каким трудом сдерживался продавец, чтобы не расхохотаться. На его бледном лице проступили розовые пятна, губы свела нервная судорога. Сам он был худощав и приземист, как и его такса, которая охраняла пустой деревянный ящик, служивший им торговым лотком.

— Мне нужно...

— Я всё знаю, — не разжимая губ, сказал продавец и поднял ящик. — Берите.

Биглз вытер рукавом слёзы и наклонился поближе к таксе, чтобы лучше рассмотреть, что ему предлагает весельчак. На земле лежало мороженое и что-то ещё.

— А это книга?

— Берите и идите!

— А заплатить?

— Идите!

Биглз взял предложенное и побрёл обратно к Дуки. Девочка уже успела сложить свои товары и прилавок с табуреткой в большой коричневый чемодан и теперь сидела на нём, раскачивая ножками в красных туфельках.

— Взяли? — спросила она.

— Да, — кивнул Биглз. — А это бесплатно?

— Да!

— А почему?

Дуки вздохнула.

— Потому что дядя Жорж очень добрый, да. Он начинает улыбаться с первого дня ярмарки и заканчивает в последний день. У него так заведено. Каждому покупателю улыбка бесплатно! Вот девиз дяди Жоржа! Но он уже стар и к концу ярмарки сильно устаёт. Поэтому ему проще отдать товары бесплатно, чем стоять и улыбаться нерасторопному покупателю, вот.

— А откуда он знал, что мне надо? — не унимался Биглз. — Ведь я даже и слова не успел сказать?

— Дядя Жорж очень опытный продавец. Он давно в торговле, да.

— А как...

— Таксы принесли. Они у дяди Жоржа учёные, вот. Послушайте, мистер Биглз, вы хотите попасть домой или как?

Биглз усердно закивал головой.

— Хочу!

— Тогда ешьте мороженое, пока мозги не занемют, быстрее.

Биглз, открыв корзинку, начал быстро уплетать мороженое с помощью деревянного совочка, который лежал сверху. Холод постепенно начал наполнять его внутренности. Сначала занемел язык, потом горло, живот, лицо. Наконец, занеме-

Проза. Сказка

ла и голова. Мысли замедлились, напоминая собой вишни во фруктовом желе.

— Я всё...

Дуки довольно зажмурилась. Её маленькие ручки оперлись на край чемодана. Она мечтательно посмотрела в вечернее небо и сказала:

— А теперь пишите!

Биглз, не понимая что делает, открыл книжку и взял перо, аккуратно прикрепленное к обложке. В его руке оно казалось пушинкой из подушки средиземноморской принцессы.

"Пишите", — красиво написал он в книжке.

Дуки опять вздохнула.

— Мистер Биглз, неправильно, да. Напишите о своих приключениях в книжке. И поподробнее.

— А-а-а... — протянул Биглз и написал: «Как я просидел неделю на пальме, спасаясь от голозых туземцев».

— Уже лучше, только, пожалуйста, как для детей, да.

Биглз неуверенно заскользил пером по бумаге. Сначала ему тяжело давался перевод с привычного на детский, но потом он приноровился. Дело пошло веселее. Биглз от усердия высунул кончик языка. Перед ним раскрывались бушующие моря, дальние

неизведанные берега... Чем больше он писал, тем в более увлекательных местах он оказывался. Сражения на королевском линкоре со скелетами под краснолицей Луной, бегство от кровожадных гномов, которым он задолжал горшочек с золотом, после того, как заплатил выкуп за самую прекрасную деву, на которой потом, к несчастью, женился... Истории лились из-под его руки красивым почерком. Одна история была фантастичнее другой. Наконец он устал и оторвался от записей. Вокруг него плясали тени мощных дубов, подсвеченные газовыми светильниками, из-за кустов напротив доносился цокот копыт и каретный скрип. Биглз удивленно осмотрелся. Он стоял на гравийной дорожке в парке перед своим замком, а за живой изгородью высотой в человеческий рост начиналась главная улица его родного города.

— Как я здесь оказался? — выдохнул он.

Ответом ему был тихий шелест листьев, потревоженных ночным ветерком.

С трудом переставляя ноги, Биглз побрёл к замку. Острые причудливые башенки подпирали звёзды, стрельчатые окна мягко звали теплотой и домашним уютом. Тихо позвякивал колокольчик над входной дверью.

— Ты дома! — прошептали из темноты.

Биглз от неожиданности подпрыгнул и уронил книжку. Из пышных кустов на него смотрели два больших как блюдца янтарных глаза.

— Ты кто? — спросил Биглз и попятился.

— Я Дуки! Вы что, уже забыли, да?

— Дуки?! А как я здесь...

— Это ваш дом, поэтому вы здесь.

— Но я же...

— Все мы, мистер Биглз, любим мечтать, да. Некоторые чуть больше, некоторые чуть меньше, вот.

— А как же Артур? Я ему сказок не купил!

Из кустов послышался сдавленный смех и чихание. Биглзу показалось, что чихает маленькая собачка, возможно, такса.

— Мистер Биглз, сказки не покупают, их придумывают. Чем искуснее вы их придумаете, тем прекраснее они будут, и тогда вы сможете легко поведать Артуру всё, что пережили сами, да! Идите домой, мистер Биглз.

Подобрав книжку, великан задумчиво пошёл к замку. Смешанные чувства отразились на его лице: от неизъяснимого волнения до лёгкой грусти, недоверия. Может ли быть всё так просто? Волшебство не за морями и океанами, а здесь, совсем рядом, внутри? Правда?! Он осторожно толкнул входную дверь и замер на пороге, растерялся. К нему с криками радости и слезами на глазах бросилась жена, за ней семенил сынишка Артур. Биглза захлестнули радость, счастье, нежность, тепло и уют домашнего очага, пленительная истома от дальней дороги и удовольствие от завершённого дела.

Через неделю Биглз дописал свою книгу и начал обучать сына премудростям кокосовой защиты от неуклюжих туземцев.

Песочная сказка

Неделько Григорий

Это история о семье медведей: маме, папе и трёх дочках.

Как во всех историях, жили-были они давным-давно. Жизнь их текла дружно и весело. Обитали медведи в уютном домике, что сами вырубил в старом, но крепком дубе. Папа работал с мукой на мельнице. Мама трудилась с пчёлами на пасеке.

Когда солнце пробуждалось и расплёскивало лучики по свету, три хорошенькие дочурки шли в школу, где обучались разным наукам. А когда жёлтое светило готовилось упасть за горизонт, они возвращались назад, чтобы поиграть.

Маму звали просто Медведицей: тогда ещё не придумали настоящих имён. Дочек же называли Старшей, Средней и Младшей — тоже как заведено в сказках.

Однажды у Старшей дочки уроки закончились раньше, чем у сестёр. Она топала привычной лесной тропинкой домой — топ, топ, топ. И повстречался ей на пути заяц. Он выглядел очень усталым и явно куда-то спешил.

— Что случилось, серенький? — поинтересовалась добрая и любопытная девочка.

Заяц выпалил на одном дыхании вот что:

— Беда! Беда! Странный белый песок накрыл домик бобра!

Сказав это, заяц тотчас убежал.

Растерянная Старшая вернулась домой. Она хотела рассказать обо всём родителям и сёстрам, но тех пока не было дома.

«Что ж, — решила она, — я уже достаточно взрослая и всё сделаю сама».

Художник Яковлева Полина

Она наскоро поела, написала записку и ушла.

Следующей из школы возвратилась Средняя дочка. Побродив по пустому домику, она покликнула родных, однако никто не отозвался. Потом на комодке девочка нашла записку Старшей сестры. Средняя прочитала короткое послание и не сумела усидеть на месте: это было ей свойственно. Она перекусила ещё быстрее, чем Старшая, приписала пару слов к записке и убежала из дому.

Последней с уроков пришла Младшая сестра. Не найдя дома ни души, она также наткнулась на записку. Младшая была самой любопытной, поэтому она даже не стала есть — сразу кинулась на улицу. Но каким-то чудом вспомнила и приписала на листочке, куда держит путь.

Затем с работы притопали папа с мамой, уставшие и голодные. Они ужасно заволновались, когда поняли, что дочки потерялись. Ни в доме, ни рядом с ним, ни в гостях у соседей — ёжика и совы — девочек не было. Наконец взволнованные родители обнаружили записку.

«Я ушла к бобру», — написала там ровным почерком Старшая дочка.

«А я иду искать сестру», — значилось ниже. Конечно, это приписала Средняя, ведь буквы клонились из стороны в сторону.

«Я тоше», — печатными буквами вывела Младшая медведица.

Мама с папой тут же бросились на поиски любимых чад.

Но взрослые беспокоились зря: три дочки, целые и невредимые, действительно находились у домика бобра. Какой-то непонятный песок белого цвета засыпал домик с крышей. Девочки сгребали песчинки лапами и откидывали в сторону. А другие звери — лисы, волки, кабаны, олени — черпали странные крупинки лопатами и носили в ведёрках. Ни слова не говоря, мама с папой присоединились к общему делу.

Совместными усилиями домик вскоре освободили из песочного плена. Бобёр был заперт внутри. Теперь же он открыл дверь, вышел наружу и сердечно поблагодарил всех зверей.

Однако встал вопрос: что делать с загадочным песком?

Отнести к морю? Но ведь это не песок с пляжа. Бросить в воду? Нет, и там ему не место. Рассыпать по лесу? Тоже плохая идея...

Тогда Старшая дочка-медведица произнесла:

— Мы должны узнать, что это за песок.

С ней дружно согласились.

Долго ли, коротко ли бродили звери по Лесной стране, а только тайна песка осталась нераскрытой.

Настала ночь.

Когда звери-жители, опечаленные неудачей, сидели на поляне, Средняя дочка сказала:

— Может, мы не понимаем, откуда этот песок, потому что он не отсюда?

— А откуда? Откуда? — слышалось отовсюду.

— А может, — задумчиво проговорила Младшая, — это вообще не песок?

— А что? Что? — снова заголосили животные.

Самая маленькая медведица сходила домой, взяла игрушечные ведёрко с лопаткой и пришла назад. Она насыпала в ведёрко таинственный песок и отправилась на самую высокую гору. Все звери последовали за ней.

Оказавшись на вершине горы, Младшая запустила лапку в белый песок, вытащила горсть и высоко подбросила. Ветер, только того и ждавший, подхватил крупинки. Они взлетали на его воздушных боках всё выше и выше, выше и выше, пока не достигли неба. Там они вдруг замерли и рассыпались в разные стороны. Крошечные белые точки усеяли ночной небосклон.

— Я назову их звёздами, — прошептала Младшая дочка.

Она смотрела на тёмное полотно неба, где сверкал чудесный белый песок. И та горсть, которую бросила девочка, превратилась во что-то вроде ковша, или, если приглядеться, фигурку маленькой медведицы.

Рядом с дочкой встала мама. Одной лапой она обняла ребёнка за плечи, а другой подкинула свою горсть песка. На этот раз песчинки превратились в фигуру взрослого медведя.

— Давай назовём их Медведицами? — предложила Младшая.

— Давай, — согласилась мама. — Большой и Малой Медведицами.

Девочка кивнула.

И уже все звери стали носить песок к обрыву, чтобы кидать его вверх и наблюдать, как на небе загораются новые песчинки, и давать созвездиям имена.

Ведь иногда звёзды появляются сами, а порой их зажигают. Потому что это всегда кому-нибудь нужно.

Сказка о полотне памяти

Stanovoi Marika

Давным-давно, много-много столетий назад, жил на свете великий маг Теодор. Был он мудрым и добрым кудесником, умел он видеть причины всех поступков и желаний. Печалился он, что много зла и несправедливости рождается от скрытых умыслов, лжи и тайных деяний. Задумался он, как сделать, чтобы все люди могли видеть истину и читать сокровенное? Как сделать, чтобы не было ничего тайного и обманного? Тогда исчезла бы подлость и воровство, а восторжествовала бы правда и справедливость.

Ещё в молодости обошёл Теодор дальние страны, учился у чужестранных мудрецов, прочитал бесконечное множество книг и собрал знания всего мира. В зрелости закрылся Теодор в своём замке на высоком утёсе над бурным морем, работал днём и ночью и, наконец, будучи уже седым старцем, построил волшебный ткацкий станок. В центр станка поместил Призму Истины, которая превращала мысли, надежды, чувства и желания людей в цветные нити, а станок ткал из них узорное полотно, видимое каждому человеку и соединившее всех на свете людей общей памятью.

Разбудит солнышко младенца, погладит тёплым лучиком по щеке, засмеётся дитя — и яркая ниточка счастья вплетётся в общий узор. Вырастет дитя из колыбельки, начнёт бегать, не удержится — упадёт, разобьёт коленку и заплачет. И серая нитка печали прошьёт несколько стежков в линиях его жизни. Вырастет дитя, уедет в дальние края счастье искать, а мать по орнаменту его жизни всегда знает, хорошо ли сын живёт и чем печалится. Сын же всегда знал, жива ли матушка, здорова ли, о чём думает. Со старится человек, отойдёт в посмертный мир, а полог памяти витыми шнурами укрепит. Горе расставания сплетётся с удовлетворением за прожитую жизнь, с любовью выросших детей и внуков, с гордостью за оставленное для всех богатство опыта, знаний и умений.

Объединились люди и стали как один человек. Кончились дразги непониманий и ложь. Исчезли разногласия. Радость и печаль одного стала радостью и печалью всех. Каждая мысль, каждый душевный порыв, каждое дело — всё стало общим, ясным и понятным.

Была у кудесника Теодора дочь Изабель — красоты необыкновенной и доброты бесконечной. Умела Изабель петь, как сказочная птица сирийский и танцевать, как воздушная фея. Напрасно отец стремился увлечь дочку учёбой и знаниями, не привлекали её отцовы занятия:

— Что за радость в науке? Знать то, что никому не интересно? — пожимала плечами Изабель и торопилась обратно к себе в комнаты — вычитывать на полотне памяти новые песни и разучивать новые танцы.

Грустил Теодор, что не стремится дочь к науке, но сердце его радовалось, что думает дочь о людях и хочет быть радостью для всех. Исполнилось Изабель шестнадцать лет, и благословил Теодор

её на странствия с циркачами. Надеялся он, что познает Изабель мир и встретит любовь, и родит ему внука, кому бы мог передать он свои знания и кого бы мог учить, как своего наследника.

Но молода была ещё Изабель и неразумна. Смеялась и отказывалась:

— Не хочу я рожать! Знаю я о детях и материнстве достаточно! Могу я прочитать всё на полотне общей памяти. Дети — это не только счастье. Вижу я, что они приносят страдания и горе, а я не хочу быть тому причиной. А если умрёт дитя моё ещё нерождённое? А если вырастет из него злой человек и всё это будет видно для всех? Все видят мою жизнь и будут не только радоваться моими радостями, но и заплачут моими слезами? Нет, не хочу я испытывать судьбу, не хочу я приносить людям огорчения!

Художник Акротігі

Но случилось так, что выступал цирк на празднике в стране Муржарии перед правителем — принцем Тристаном. Восхитился принц Тристан красавицей Изабель, танцовщицей и песенницей. Предложил ей руку и сердце.

— Не для того я ушла из дому, чтобы снова закрыться в четырёх стенах! — отвечала Изабель. — Брось свой трон, он только сковывает тебя! Пойдем со мной, нести радость и любовь всем людям!

— Не могу я уйти с тобой, — опечалился принц. — О стране своей я заботиться должен, не могу людей без правителя оставить!

— Не любишь ты меня достаточно сильно, — заплакала Изабель. — Нить твоей любви тоньше, чем моя!

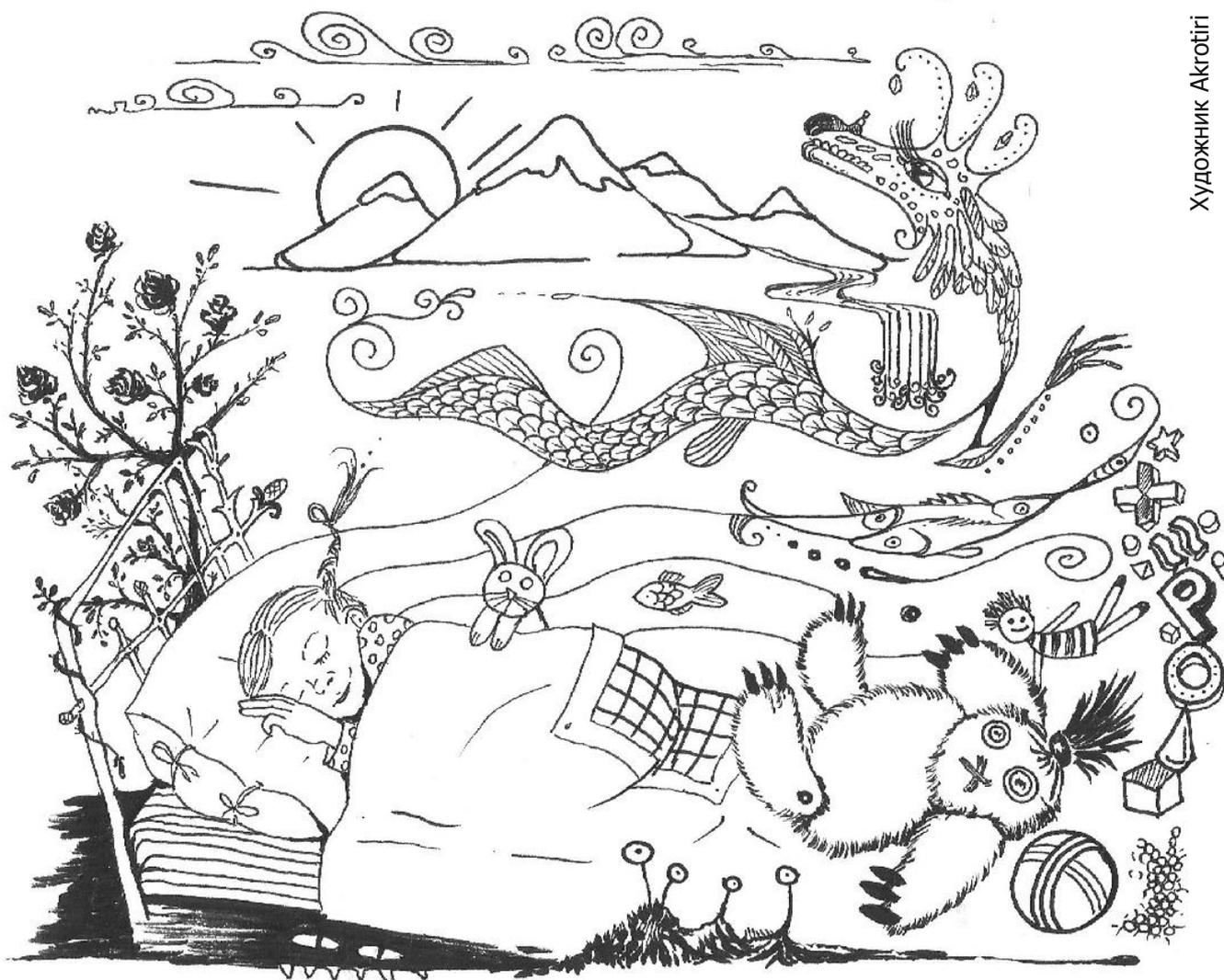
— А у тебя, кроме любви к танцам и песням, и вовсе нитей не видно! — обиделся принц. — Мне нужна жена и помощница, а не танцовщица-кочевница! Пустая ты и глупая, смеёшься да танцуешь, не понимаешь ценности домашнего очага, и не такая жена мне нужна.

И женился на другой.

Всю свою молодость истратила прекрасная Изабель в странствиях, бескорыстно дарила людям красоту, танцы и песни. Вплетала нити счастья, расцветивая полотно памяти всех людей. Но прошли годы, и начала вянуть её красота, слабость ноги, исчез голос. Появились у Изабель седые волосы и морщины. Вернулась она домой и попросила отца взять её в ученицы.

— Старею я, слабею. Не хочу, чтобы в памяти людей осталась моя старость и мои печали. А что если заболеду? Тогда почернеют мои нити! Научи меня, отец, как скрыть чёрные нити горя, серые нити печали!

— Знаю я, дочь моя, что полюбила ты юношу чужестранного, — отвечал Теодор. — Но женился он на другой, а тебя ранит его счастье. Не хочешь ты, чтобы видел он, как ты одинока и несчастна. Желания твои ясны и понятны. Но жизнь и должна быть многоцветна, и чёрные нити так же крепки и так же нужны для полотна памяти.

Художник Akrotiri

Но поправил Теодор ткацкий станок так, чтобы нити дочери не вплетались в общий узор, скрыл её мысли и поступки от глаз всего мира. И, не желая ранить её ещё больше, сам перестал читать в её сердце, чтобы успокоилась Изабель, что никто не узнает горя её.

Но не успокоилась Изабель, мучила её зависть, и росла её злоба. Ведь могла она читать жизнь Тристана, жены и детей его. Захотела Изабель вырвать нити Тристана из полотна памяти, чтобы не видеть чужого счастья, но заперта была тайная комната, где станок работал и где радугой светилась Призма Истины.

Дождалась Изабель, когда уснул отец, и украла ключ. Прокралась в тайную комнату и вырвала Призму Истины из ткацкого станка:

— Не нужно мне знать о чужом счастьее и тебе не будет счастья, Тристан! Никогда не узнаешь ты, где ложь, а где правда!

Остановился станок и неподвижно повисло покрывало памяти. Оборвались все нити, а новые не делались. Прибежал маг Теодор, и разбилось сердце от горя — не выдержало предательства родной дочери. Упал он у дверей тайной комнаты и сразу же умер.

Зарыдала Изабель, прижала к груди Призму Истины и бросилась с утёса в море.

Раскололась Призма о камни, а осколки разлетелись и порезали полотно общей памяти. И с тех пор снова разобщены люди и одиноки в душах своих. Хранят они лишь обрывки памяти, но нет у них общей памяти, нет целого знания о мире и людях в нём.

Stanovoi Marika (Akrotiri)

writercenter.ru/profile/MariaStanovoi/whois/

Художник Akrotiri

writercenter.ru/profile/MariaStanovoi/whois/

С ливером и картошкой

Harry Book

Каждый день в обеденный перерыв Дэнни заходил в кафе с приятным названием «Парижанка», где рыжеволосая толстушка Марта, одного возраста со старшей сестрой Дэнни, протягивала ему заранее приготовленный бумажный пакет с тремя пирожками. Обычно пирожки были с ливером и картошкой, иногда только с ливером или только с картошкой, но выпечка здесь всегда получалась отменная. Нигде и никогда Дэнни больше такой не ел.

Вернувшись в лавку, мальчик пережевывал пышные хрустящие пирожки, запивая кофе. Ел медленно, растягивая удовольствие, предаваясь мечтам о не слишком отдалённом будущем, в котором он обязательно разбогатеет и позволит себе на обед всё, что только захочет. Башмачник Чарли, из мастерской напротив, твердил, что всухомятку Дэнни испортит желудок или поджелудочную, как он в молодости. Чарли перевалило за семьдесят — старик слишком хорошо знал, о чём говорил.

Паркер, хозяин скобяной лавки, постоянно ругался, что его работник лентяй несусветный, только ест и спит, не принося ни малейшей пользы. И если ел Дэнни прямо за прилавком, то спать ему приходилось в маленьком подсобном помещении. Накрывшись стареньким залатанным пальто, он всякий раз вздрагивал, когда снаружи проезжал кэб или проходила шумная компания выпивох. Башмачник не раз намекал Паркеру, что нужно доплачивать своему работнику за сторожа. На что хозяин только скалил пожелтевшие от сигар зубы. Ругаться с Чарли он не

хотел — старик покупал обувные гвозди и подковы, но и лишний шиллинг выкладывать не спешил.

В редкие перерывы Дэнни любил погружаться в мир грёз. Для этого ему не требовалось курить особую траву или заправляться виски. Четырнадцатилетнему скитальцу, оставившему отчий дом в нищей провинции, Господь подарил слишком богатую фантазию, не вручив ни шиллинга на жизнь. А жизнь, как известно, без монет существовать не может, поскольку всё для её поддержания продаётся и покупается.

На волнах сладких мечтаний, глаза Дэнни замирали на одной точке. Серая реальность тускнела, её место занимало разноцветье волшебного мира. При этом мальчик выглядел словно восковая кукла из музея. Но внутри, в бурлящем образами сознании, разворачивались нешуточные страсти...

Он пикировал с высоты птичьего полёта. Тело сковало ледяной страх, хотелось закричать, позвать на помощь. Но вместе со страхом пришло наслаждение тишиной и безграничным зелёным пространством долины. Падение постепенно замедлилось, Дэнни плыл по воздуху, словно по течению тёплой тропической реки. Мимо пронеслась стайка птиц размером с журавля.

— Привет, Дэнни! — пропели птицы, щёлкая длинными тонкими клювами.

— Привет, — удивлённо ответил мальчик, проводив взглядом чудных жёлто-зелёных созданий.

Художник Лев Елена

Проза. Сказка

Падение остановилось, он просто висел в лёгкой желтоватой дымке, разглядывая долину. А смотреть здесь было на что. Розовые бутоны цветов, размером с голову слона, раскачивались, напевая грустную мелодию, махая огромными листьями в такт песне. Их язык поначалу показался незнакомым, но с каждым куплетом слова проникали в сознание всё глубже, и вскоре Дэнни подпевал им.

Внизу кто-то шёл, тяжёлые шаги чередовались со скрипом. Из туманной дымки вынырнули раскидистые кроны, усеянные разноцветными шариками, словно на рождественской ёлке. С десятков толстенных деревьев вальяжно подошли и обступили гостя. И хотя глаз на стволах Дэнни не обнаружил, но почувствовал, что его разглядывают. Самое большое дерево ухватило ногу гостя толстой веткой и сильно потянуло.

— А-а-а! — закричал мальчик, полетев вниз ...

— Опять дрыхнешь, лентяй!

На пороге стоял хозяин. И ежедневно в скобяной лавке повторялся один и тот же сценарий.

Врываясь словно ураган, Паркер безжалостно пинал работника, отчего с Дэнни не сходили синяки. Обычно это случалось в полдень, когда хозяин успевал принять дешёвого виски, вонь которого вызывала у парня отвращение. Злобные глазки свинорылого бородача Паркера просматривали записи в книге продаж, сверяя с оставшимся товаром. Хозяин несколько раз скрупулезно пересчитывал выручку, забирал всё до пенни, не оставляя даже на сдачу. Бросал напоследок неизменное: «Бездельник!», после чего доставал из-за пазухи пузатую бутылку виски, делал большущий глоток и так же быстро уходил, что не исключало неожиданного возвращения.

Но вечером лавочник появлялся редко. Когда тьма опускалась на узкие улочки, а газовые фонари потоками жёлтого света прорезали город вечного тумана, Дэнни приподнимал доску в полу, доставал завернутую в тряпку толстую тетрадь, пузырёк с чернилами и перо. Вспоминая видения, мальчик неторопливо записывал всё аккуратным почерком. И даже не знал зачем, ведь напечатать это в виде книги или в журнале он никогда не сможет. И кроме него это никто не читает. Хотелось бы ещё сделать иллюстрации, но рисовать чернилами Дэнни не хотел. А без цветных карандашей в рисунках не будет того непередаваемо яркого волнующего ощущения запредельного мира.

Доставая из кармана маленький потёртый кошелек, мальчик каждый вечер пересчитывал зара-

ботанные гроши, стараясь распределить скудный доход. По воскресеньям рассчитывался с кафе за пирожки — сразу за неделю. Ещё нужно отложить на новые тетради, которые имели свойство заканчиваться всё быстрее. Дешёвые чернильные перья постоянно ломались, приходилось писать обломком. И всё чаще посещала мысль, что придётся урезать обед до двух пирожков, что даст хоть и мизерную, но всё же экономию.

С мрачными думами Дэнни гасил свечу и ложился на жёсткий топчан. В усталое тело сон приходил быстро, вновь отправляя в сказочный мир, где над розовыми бутонами парили прекрасные феи, а чудные птицы напевали волшебные песни солнцу. Проснувшись утром, мальчик всегда жалел, что расстался с волшебной страной, и с нетерпением ждал следующего погружения.

Иногда в скобяную лавку заглядывал Чарли — просто так, поговорить о жизни. Башмачник любил рассказывать о своей бурной молодости, о работе на большой обувной фабрике. Нанявшись грузчиком в семнадцать, он дошёл до мастера в двадцать пять, а в сорок стал управляющим. Дэнни порывался спросить, что заставило Чарли бросить столь тёплое местечко, но вопрос всякий раз отодвигался на потом.

Однажды башмачник застал парня с пером в руке. Дэнни и не заметил, что Чарли внимательно читает его каракули, пока тяжёлая рука не опустилась на плечо. Мальчик вздрогнул от испуга — ведь, если заметит Паркер, то разразится скандал и, возможно, придётся искать другую работу. А, значит, и жильё.

— Парень, — с нажимом в голосе сказал Чарли. — Ты можешь стать таким же знаменитым, как сэр Артур!

Дэнни покраснел и закрыл тетрадь, но Чарли всё же удалось уговорить дать почитать. На следующий день в обед башмачник вернул рукопись и вручил совершенно новую толстенную тетрадь, уверяя, что та завалилась в мастерской без надобности. Добавив к щедрому подарку пузырёк чернил и пачку перьев. Так у Дэнни появился первый читатель и первый критик.

Пару раз в неделю, закрыв мастерскую, башмачник заглядывал в скобяную лавку, и вечер проходил в обсуждении очередного рассказа о запредельном мире. Именно Чарли высказал мысль, что любой мир в голове писателя где-нибудь существует материально. Не то чтобы Дэнни поверил, но хотелось бы. А уж попасть туда и пролететь с феей над огромными розовыми буто-

нами он точно мечтал. Незаметно из обычных каракулей на бумаге мечта тесно вплеталась в его серую жизнь и становилась её частью...

Кувыркаясь в тёплом небесном потоке, скованный цепями ужаса, Дэнни мягко шлёпнулся в густую траву. Шагающие деревья обступили мальчика, поскрипели корнями, словно обсуждая пришельца с небес, и двинулись дальше. Немного придя в себя, гость волшебной долины поднялся, подошёл к массивному, с руку толщиной и высотой в два человеческих роста, стеблю цветка.

— Ищи свою фею, Дэнни! — пропели чудоптицы. — Ищи фею!

Пёстрая стайка вспорхнула с цветка и унеслась ввысь, оставляя за собой искристый след.

— Где искать? — спросил мальчик, испугавшись своего голоса. Звуки в долине отличались от обычных более высоким тембром.

Грустная песнь цветов стихла, мальчик понял: сейчас начнётся что-то важное. Туман стал гуще, почти скрыв небо. Бутоны загудели, словно пароходы на Темзе. Сквозь гудение, как выстрел из ружья прозвучал хлопок.

— Бэк!

Раскрылся самый крупный бутон. Огромные лепестки зашевелились, словно водоросли в быстром ручье, расправились и приняли симметричное положение.

— Бэк! Бэк! Бэк!

Открывались всё новые и новые бутоны. По долине поплыл медовый аромат, приправленный цветочными пряностями. В голове у Дэнни зашумело, послышались странные голоса. Тоненькие, словно писк комара, и вместе с тем удивительно приятные, ласкающие слух.

— Найди её!

Множество волшебных крылатых созданий выпорхнули с цветков и понеслись над лужайкой. Дэнни не сразу узнал их, настолько неожиданным было появление фей.

— Найди её, Дэнни! — пропели маленькие волшебницы, порхая над человеком.

— Я не знаю, — огорчённо ответил мальчик. — Я не знаю, которая. Помогите мне!

Крылатых созданий становилось всё больше. В белоснежных платьях с большими розовыми бантами в золотистых причёсках, стаи маленьких фей проносились над гостем, легонько касаясь нежными крылышками.

— Ты узнаешь её, Дэнни. Ты узнаешь! — уверяли феи.

Поток белоснежных волшебниц уплотнился и взмыл вверх, превратившись в облако. Но одно крылатое создание задержалось. Фея насмешливо разглядывала мальчика, потом опустила чуть ниже и звонким голосом пропела:

— Огненная фея сорит звёздами. Если поймешь хоть одну — загадай желание!

Волшебница рассмеялась и унеслась ввысь, растворившись во мгле.

— Сорит звёздами, загадай желание, — прошептал Дэн, провожая фею взглядом. — Обязательно.

Стоя посреди опустевшей поляны, мальчик растерянно обшаривал взглядом широко открытые и теперь уже пустые бутоны. Хотя, нет: один так и не раскрылся.

— Знаю! — вскрикнул гость волшебной страны и побежал к цветку...

Иногда приходило письмо из дома. Хотя случилось такое не чаще, чем раз в месяц, для Дэнни это становилось настоящим праздником. Почту в торговый ряд обычно разносил Гримлоу — конопатый двенадцатилетний мальчишка в серо-зелёном сюртуке. Маленький почтальон с важным видом вручал узкий пахнущий мятой и чабрецом конверт, из которого Дэнни нетерпеливо извлекал большой лист желтоватой бумаги, испещрённый размашистым почерком старшей сестры.

В письме Бетси рассказывала новости о деревне, не забывая передавать привет от друзей, отчего у Дэнни теплело на душе. Хотелось бросить всё и вернуться домой, но мальчик хорошо понимал, что там его не особо ждали. В маленьком домишке вместе с родителями жили две сестры: старшая на четыре года Бетси и младшая на пять — Анна.

Про отца Бетси писала мало. Старик днями трудился на суконной фабрике и не особо радовал семью заработанными шиллингами, часто являясь в пьяном виде. Зато нередко устраивал скандалы, называя домочадцев дармоедами. Никто ему не перечил, дети молча сносили пьяные крики. Лишь мать, когда старик забывался сном, тихонько плакала в углу и молила Бога не оставить их в беде, ниспослать благодать её любимому сыну.

На Рождество Дэнни собирался съездить домой, но хозяину пока ничего не говорил. Да и шутка ли: выручка на праздники в этот раз ожидалась хорошая, вряд ли Паркер захочет даже слышать об отпуске для работника. К тому же нужна была подмена, а кто согласится торчать в лавке на праздники?

Проза. Сказка

Ехать домой с пустыми руками мальчик не мог. Дэнни собирался купить подарки, но для этого нужно скопить хоть немного денег. Хотя бы полсоверена, что при нынешней плате за работу никак не выходило.

Случалось, в моменты чтения письма заглядывал Чарли. Обувщик всегда интересовался, как там в деревне. Иногда вспоминал, что Дэнни похож на его внука, два года назад уехавшего во Францию. Впрочем, насколько лучше по ту сторону Ла-Манша старик не говорил, из чего мальчик сделал вывод, что не очень. «Везде хорошо, где нас нет», — философски заключал Чарли, переводя разговор на другую тему.

После отъезда Дэнни на заработки работы по хозяйству легли на плечи сестёр. Корову и коз нужно пасти, доить, заготавливать сено. В последнем письме, Бетси известила, что выходит замуж за парня из их деревни. За кого, она не написала, сообщив лишь, что жить молодая семья пока будет в её доме. Говоря простым языком, обратный путь брату отрезан навсегда. Особенно, если у Бетси родится ребёнок. Дэнни улыбался при мысли, что в одном из следующих писем сестра именно так и скажет. У него появится племянник или племянница — он станет дядей.

Отдельный фрагмент письма украшал ровный почти каллиграфический почерк Анны. Сестрёнка сильно скучала, просила писать почаще. А ещё Анна напоминала про сказку, которую он пообещал прислать к Рождеству. Дэнни часто рассказывал сказки младшей сестре, под которые Анна хорошо засыпала. И снились ей удивительные сны, в которых феи парили над огромными бутонами, а с небес лилась серебряная мелодия.

Но последняя сказка осталась незавершённой. Дэнни несколько раз начинал писать, но всё время комкал и рвал неудачные фрагменты. Всё новые и новые попытки не приводили к успеху, сказка замерла, застыла, словно ледяная глыба. Не хватало чего-то из реальной жизни, чего-то яркого впечатляющего и вместе с тем трагичного. Иногда появлялось ощущение, что это трагичное неумолимо приближается...

Нераскрывшийся бутон был немного меньше и темнее других. Может, поэтому он и не раскрылся? Предстояло ещё добраться до него. Дэнни прыскал взглядом по лужайке, но ничего подходящего на глаза не попадалось. Обхватив стебель, мальчик начал медленно карабкаться.

— Могу помочь. Ты ведь ищешь свою фею?

Дэнни повернул голову: рядом стояла пепельного цвета кошка размером со льва. У гостя сказочной страны от страха перехватило дыхание, ладони словно приклеились к стеблю.

— Простите, я вас не заметил, — неловко ответил мальчик. И добавил: — Да, ишу.

— Тогда прощаю, — кошка сверкнула янтарными глазами, подошла вплотную и подставила спину. — Можешь опереться, но только аккуратно.

Мальчик снял башмаки, взобрался на спину зверя и, дотянувшись до бутона, схватился за край. Осталось подтянуться, но сил почему-то не хватало.

— У тебя только одна попытка, — пропела кошка, облизывая лапу.

Слова сказочного создания придали энергии. Собрав остаток сил, Дэнни взобрался на бутон. Осторожно, чтобы не свалиться, заглянул через лепесток. Внутри, свернувшись калачиком, спала фея судьбы. Именно такая, как он себе её представлял. Растрёпанные огненные волосы излучали потоки радужных искр, собиравшихся в маленькие вихри.

— Что дальше? — спросил Дэнни и на этот раз у кошки.

Но волшебный зверь исчез. Даже трава выровнялась, словно никого и не было. Небеса вдруг резко потемнели, жёлтый туман мгновенно стал серым. А холодный ветер задул так, что Дэнни едва не полетел вниз...

В это утро торговля шла совсем плохо. Паркер вновь поднял цены, что отпугивало и без того редких покупателей. Дэнни как раз выслушивал очередную ругань с упоминанием о более дешёвой лавке на соседней улице, когда подошёл Чарли.

— Я закрылся. Если нужно куда сбегать — подмену.

Дэнни только кивнул и быстро направился в «Парижанку». Есть хотелось страшно, и мальчик решил не сокращать паёк. Хотя бы сегодня.

В кафе против обыкновения собралась куча народу. Покупали выпечку: булочки, пирожки, пончики, а длинные белые батоны — по два, по три и более. Дэнни заподозрил неладное, но не стал интересоваться странным хлебным бумом. Возможно, суда с пшеницей застряли на полпути, или шторм их разметал. Всякое бывает, но впрок никогда не напасёшься.

— Один? — спросила Марта с грустным лицом, протягивая длинный батон.

Дэнни отрицательно замотал головой.

— Пирожки. Как обычно.

Марта пошарила за прилавком, достала бумажный пакет, протянула Дэнни и тут же переключилась на следующего покупателя. Мальчик даже не успел спросить, что вызвало «вселенский потоп». Шагая обратно, он всё же обратил внимание: пакет немного больше и тяжелее обычного. Но и это не вызвало подозрений: иногда булочки устраивали для постоянных покупателей маленькие, но приятные сюрпризы. Например, пирожки с говядиной по той же цене что и с ливером.

Едва мальчик вернулся, как Чарли, не сказав ни слова, ушёл. Дэнни открыл пакет: вместо трёх пирожков Марта положила четыре. Мальчик с удовольствием попробовал один — с ливером и картошкой, как он любил. Мысленно поблагодарив Марту, Дэнни быстро съел три, оставив четвёртый на вечер. Обернул пакет полотенцем и положил на полку в углу.

А вскоре появился башмачник.

— Закрылись, — огорчился Чарли. Под мышкой старик держал два больших батона, завернутых в плотную бумагу.

— Так рано? — озабоченно спросил Дэнни.

— Они совсем закрылись. Марта тебе не сказала?

Старик махнул рукой и ушёл, оставив продавца в раздумье. С чего бы это кафе закрылось? Ведь спрос на хлеб не иссякал никогда: ни утром, ни в обед, ни вечером. В любой день недели и в любую погоду. Может быть, мука сильно подорожала? В таком случае ему придётся бегать на соседнюю улицу, что гораздо дальше. И там всё дороже. А Дэнни точно знал, что хозяин не заплатит ему больше. Ко всем странностям дня добавилась полная апатия Паркера. Сегодня он явно куда-то спешил, пересчитал выручку только раз и даже не обругал работника.

Всё прояснилось вечером, когда вновь пришёл Чарли. Башмачник всегда был в курсе местных событий. Обычно его клиенты выкладывали новости, когда он в срочном порядке латал башмак, туфель или сапог.

Накануне хозяин «Парижанки» собрался покинуть страну и дал объявление о продаже булочной. Покупатель нашёлся быстро, хотя и долго торговался. В конце концов сделка состоялась, но с условием, что к завтрашнему утру весь товар из лавки будет убран. Чтобы окончательно поставить точку и оставить о себе добрую память, хозяин

устроил распродажу с призовыми: в одно изделие (даже продавцы не знали в какое!) он спрятал золотую монету. Вот почему народ так лихо смёл весь товар. Рассказывая это, Чарли ругался, ведь никто из его знакомых монеты так и не нашёл. Да и сам он поддался на детский розыгрыш. И лишь когда башмачник, язвительно посмеиваясь, ушёл, Дэнни вспомнил про четвёртый пирожок.

Такой же по размеру, он оказался заметно тяжелее, вызвав у парня волнение. Неужели ему повезло? Дэнни постелил лист бумаги и осторожно разломил пирожок вдоль, выложив на бумагу содержимое. Чуть выглянувший из ливера блестящий краешек заставил сердце ускориться в своём беге. Не веря глазам, мальчик выковырял подарок небес и булочника — совершен! Такую крупную сумму он держал в руке впервые.

И это его деньги!

Дэнни даже не представлял, что можно купить на это. Например, он может снять комнату и некоторое время не работать. Нет, работать всё равно придётся, но он сможет уйти из опротивевшей скобяной лавки в другое место. Хотя, куда? А вот этого он не знал. В любом случае, Дэнни решил не спешить, сначала хорошо продумать дальнейшие действия. И уж конечно, на эти деньги он сможет купить сёстрам подарки к Рождеству. Достав тетрадь, Дэнни вложил между страницами почтовый конверт с монетой. Так надёжнее, решил мальчик, боясь потерять нежданно свалившееся сокровище.

Волшебный совершен перевернул монотонно-противную жизнь парня, и дело здесь даже не в деньгах. Монета стала символом надежды на лучшую долю. Грела ладонь и сияла, словно луч из волшебного мира. А когда на душе становилось совсем плохо, Дэнни поднимал половицу и гладил сокровище, предаваясь мечтам. В руках монета излучала приятный свет, раскрашивая мрачно серый быт, а затем вновь возвращалась в укромное место под полом.

— Дэнни, — хозяин лавки появился неожиданно. Скорее даже не появился, а подкрался. И едва ли не впервые пришёл трезвым, слегка улыбаясь.

— Слушаю, сэр, — с готовностью ответил мальчик, быстро вернувшись из мира грёз.

Паркер подошёл ближе, побарабанил пальцами по столешнице.

— Ты ведь знаешь, что Чарли тяжело заболел?

В душе Дэнни царапнул чёрный коготь страха. Он не видел башмачника со вчерашнего дня, но никак не подумал, что старику нездоровится.

Проза. Сказка

— Как? Нет, сэр.

— Да, — Паркер прошёлся по лавке, поправляя товар. — Прискорбное событие для всех нас. Два дня назад он заказывал фунт сапожных гвоздей. Оплату я не получил, но ...

Паркер скривился и снова натянул на лицо улыбку.

— ...но, будь добр, отнеси ему.

Хозяин выложил на прилавок маленький свёрток. Фраза «будь добр» несколько насторожила Дэнни, но он тут же списал «доброту» хозяина на желание побыстрее продать.

— Конечно, сэр, — мальчик схватил свёрток и выскочил из лавки.

За время работы здесь Дэнни не мог припомнить, чтобы Чарли слёг. Бывали мелкие простуды, желудок мучил. Но так, чтобы не мог прийти сам — никогда. Мальчик ускорил шаг, чувствуя неладное...

Огромные молнии разрезали небеса, звук грома бил по барабанным перепонкам. Фиолетово-чёрная гладь устрашающе давила сверху, словно ледяная могильная плита. Холод пробирал до костей.

— Что мне делать? — прокричал гость сказочной страны.

Пустота и молчание вокруг: ни чудо-птиц, ни шагающих деревьев, ни волшебных зверей. Только он, полураскрытый бутон и спящая фея. Лепесток под ладонью потемнел и начал сворачиваться. Дэнни понял — пошли последние секунды и если он ничего не предпримет, фея никогда не проснётся, а вместе с ней погибнет и его заветное желание. Дэнни шагнул внутрь цветка.

Мощный запах пыльцы так ударил в голову, что мальчик едва не потерял сознание.

— Проснись, — закричал Дэнни. — Прошу тебя, проснись!

Крик отчаянья совпал с воем ветра, превращающегося в ураган. Под напором движущихся масс воздуха стебель согнуло и, если бы Дэнни крепко не ухватился за лепесток, то непременно свалился вниз. Небо очистилось, сквозь фиолетовую тьму прорезались крупные звёзды, осветив мрачный пейзаж волшебной долины.

— Дэнни, — прошептал зловещий голос сверху. — Лови!

Мальчик раскрыл ладонь, и в тот же миг шлёпнулось что-то холодное. Он инстинктивно сжал и разжал пальцы: на ладони лежал почерневший медный пенни...

Предчувствие не обмануло: мастерская Чарли встретила запертой дверью и вывеской «Закрыто». Мальчик постучал.

— Сэр! Сэр, это я, Дэнни!

Никто не ответил, и мальчик решил войти без приглашения. В полутёмной мастерской на кушетке лежал Чарли. Сваленные грудой инструменты и принадлежности покоились в углу комнаты. Бледность лица и мутный взгляд хозяина указывали на сильное недомогание.

— Дэнни, мальчик, присядь, — ослабевшим голосом произнёс башмачник.

— Я вызову врача, сэр.

Чарли протянул руку:

— Присядь. Врач уже не понадобится.

Мальчик присел. Гвозди, вряд ли теперь нужные, положил на стол.

— Хорошо, что ты пришёл. Скоро здесь будет мой двоюродный брат, тебе лучше уйти до того, как он появится.

Чарли закашлялся, показал на стол. Дэнни налил в стакан воды и поднёс к губам башмачника. Старик сделал несколько больших глотков.

— Парень, ты должен уехать из этого мерзкого городишки. Когда-то я вытащил из очень грязного болота кое-кого, и этот кое-кто обещал ответить тем же. Лично мне уже ничего не нужно, а вот тебе...

Башмачник указал на стол:

— Открой ящик и достань.

Дэнни выдвинул ящик: внутри лежала стопка толстых потёртых тетрадей. Мальчик протянул стопку Чарли. Башмачник прослезился и отодвинул тетради ладонью.

— Оставь себе. Я ведь тоже пытался писать, но получалось не так красиво, как в твоих сказках. Там внутри одной из тетрадей конверт с деньгами. Хватит, чтобы купить билет на пароход до Нью-Йорка. Возьми их и уплывай отсюда.

— Нет, сэр, — Дэнни положил тетради на стол. — Я не могу.

— Дэнни, не дури. Этот человек мой должник, у него своя обувная фабрика, он устроит тебя, и ты сможешь заработать деньги на учёбу. Там, на конверте имя и адрес.

Башмачник закашлялся

— Передай ему: долг оплачен. И обещай, что когда-нибудь напишешь книгу по моим записям. Обещай, Дэнни!

Старик неожиданно крепко схватил руку мальчика.

— Обещаю, — прошептал Дэнни.

Хватка ослабла, пальцы разжались, и рука соскользнула на пол. На лице Чарли появилась безмятежная улыбка, взгляд упёрся в потолок и замер навеки.

Мальчик закрыл лицо ладонями и заплакал.

С улицы послышались шаги. Дэнни встрепнулся, быстро затолкал пачку тетрадей за пазуху.

— Ты кто?

В комнату вошёл высокий джентльмен в чёрном плаще, немного похожий на Чарли. Следом полисмен и священник.

— Он умер, — плача ответил Дэнни. — Он умер...

Полицейский и священник переглянулись.

— Очевидно, это паренёк из скобяной лавки, — сообщил брат покойного полицейскому. — Чарли упоминал о нём в письме.

Дэнни поднялся и вытер слёзы. Троица молча расступилась, и он вышел на улицу. Возвращаться на работу не хотелось, плыть в Нью-Йорк тоже. Что делать? Ведь он дал слово Чарли.

За один день всё изменилось до неузнаваемости. Закрылась «Парижанка», нет больше Чарли. Он остался один, совсем один. В тяжёлых размышлениях Дэнни не заметил, как добрался до лавки. Судя по свекольно-красному лицу, Паркер уже успел заправиться.

— Дэнни, щенок паршивый! — прорычал хозяин, дыхнув перегаром. — Я давно подозревал, что ты воришка, но только сегодня убедился воочию. А ну-ка, иди сюда!

Свинорылый поднялся и, пошатываясь, попытался ухватить волосатой пятерней продавца за худое плечо. Мальчик увернулся.

— Хорошо, — миролюбиво сообщил Паркер, вернувшись на стул. — Я не буду заявлять в полицию, но ты отработаешь этот месяц бесплатно. И если я ещё раз обнаружу ...

Дэнни разглядел на прилавке стопку своих тетрадей. Сейчас это единственное, что интересовало его здесь. Чарли оказался прав: нужно уезжать из этого мерзкого городишки. Мальчик с трудом изобразил улыбку и подошёл ближе:

— Да, сэр. Как скажете, сэр.

Левая рука скользнула по столу и схватила пачку тетрадей. Паркер лишь ехидно проводил стопку взглядом, не пытаясь перехватить.

— Конечно, Дэнни. Это ты можешь оставить себе. Но запомни ...

Слушать дальше сил не осталось, Дэнни пулей выскочил из лавки. Остановившись посреди ули-

цы, открыл тетрадь и достал конверт: на ощупь монета на месте, но что-то изменилось. Что именно, он понял, лишь заглянув внутрь: вместо золота чернела окислившаяся медь.

Сердце замерло, остановилось. Вместе с ним остановилось всё вокруг: дома, прохожие, кэбы, облака, птицы. Остановилось мгновенье, и остановилась сама жизнь. Но ведь он знал, что случится плохое, тогда во сне. Во сне, который не досмотрел. А значит, нужно вернуться. Дэнни зажмурил глаза...

Буря набрала силу и властвовала над волшебной долиной. Тут и там ураганный ветер с корнем вырывал стебли цветов, швырял вверх, расплещивая комья земли. Дэнни изо всех сил вцепился в лепесток, пытаясь удержаться, но тщетно. Шквал снова пригнул стебель к земле и выстрелил цветком в небо. Дэнни полетел вверх, словно пуля. Земля стремительно уменьшалась, долина растворялась во мгле.

Неожиданно рёв бури стих, полёт продолжился в полнейшей тишине. Дэнни ощутил, кто-то крепко сжимает запястье правой руки.

— Держись, — прошептал мягкий волшебный голос.

Едва веря в происходящее, мальчик повернул голову: рядом, чуть махая полупрозрачными розовыми крылышками, летела фея!

Огненно-рыжие волосы волшебного создания развевались, разбрасывая стаи разноцветных звёздочек.

— Скажи, у меня всё получится, моё желание сбудется? — спросил мальчик. — Скажи!

Он ещё раз взглянул на почерневший пенни и швырнул его вниз. Кувыркаясь, монетка скрылась во мгле.

— Дэнни, исполнение твоего желания зависит только от тебя, — ответила фея. — Ты и только ты решаешь, что будет дальше. Я всего лишь миг, всего лишь тень в твоём сознании, в твоей мечте. А сейчас открой глаза...

* * *

Прислонившись спиной к стене дома, забулдыга напевал заунывную песнь. Чуть дальше по улице алела вывеска кафе «У фрау Марты». Лицо пьяницы по цвету гармонировало с вывеской, чего не могли не заметить прохожие. Некоторые просто улыбались на ходу, другие останавливались, хихикали и откровенно тыкали пальцами.

Художник Лев Елена

В ответ сидящий на тротуаре выхаркивал невнятные ругательства, жестикулируя почерневшими от грязи руками. Рваный клетчатый пиджак и растрёпанные слипшиеся волосы делали его похожим на спившегося циркового клоуна.

Остановившийся рядом кэб ничем не отличался от десятков проносившихся мимо за день, кроме внешности сошедшего джентльмена, явно прибывшего издалека.

— Я ненадолго, — сказал кэбмэну молодой человек в модном сером плаще. Поправив шляпу, он на мгновение задержал взгляд на пьянице и зашёл в кафе.

За прилавком весело болтали две женщины: хозяйка — приятная рыжеволосая толстушка в годах с пышной причёской, заколотой ярким розовым бутоном, и официантка — худенькая брюнетка помоложе. За разговором они увлечённо перелистывали модный женский журнал, не замечая посетителя в низко надвинутой шляпе. Пока гость деликатно не кашлянул.

— Что желаете, сэр? — очнулась брюнетка, выдавив милую улыбку.

— Пирожки с ливером и картошкой. Три, нет — четыре штуки в пакет, — сделал заказ посетитель.

Через минуту девушка вернулась с бумажным пакетом. Покупатель приоткрыл пакет, ностальгически понюхал выпечку, положил на прилавок монету и молча пошёл к выходу.

— Сдача, сэр. Сэр?

Молодой человек не отреагировал. Выйдя на улицу, запустил руку в пакет, словно что-то выискивая, и через некоторое время достал пирожок. Забудыга продолжал увлечённо мурлыкать песню, выстукивая ритм ногою в рваном башмаке.

Джентльмен подошёл к пьянчужке и протянул пирожок:

— Не желаете ли закусить, сэр?

Пьянчужка враз очнулся:

— Что? Ты это мне? А, да, желаю!

Волосатая рука жадно схватила подаяние.

— Благодарность от меня не услышишь, — прогорланил забулдыга и противно захихикал.

— Да, сэр. Как скажете, сэр.

Шутливо отдав честь, джентльмен пошёл прочь.

Пьянчужка ухмыльнулся, укусил пирожок и вскрикнул, словно его стукнули по голове. С ругательством выплюнув на мостовую зуб.

— Сволочь! Ты специально подсунул мне этот кирпич! Эй, ты слышишь?

Пьяница запустил два пальца в рот и достал окровавленную монету. Несколько секунд сверлил стеклянным взглядом, потом поднёс к глазам.

— Поганая медяшка.

Лицо забулдыги перекосило злобой, а красные глазки сузились.

— Пенни, — прогундосил пьяница, словно что-то припоминая. — Конечно. Это ты ...

Он попытался подняться, но количество выпитого позволило лишь встать на четвереньки и провожать странного «благодетеля» взглядом.

— Эй, ты! — взвыл пьянчуга. — Куда пошёл, а? Эй, как там тебя, богатеем стал, зазнался?

Забулдыга пополз, сплёвывая кровь на мостовую.

— Видишь, во что я превратился. Ты видишь, а?

Отчаянный вопль растворился в цоканье копыт промчавшегося мимо ярко-зелёного фургона с крупной табличкой: «Гримлоу — быстрая доставка в любое время дня и ночи». Джентльмен чуть приподнял шляпу, словно поприветствовал старого знакомого.

— Что он хочет, сэр? — поинтересовался кэбмэн, брезгливо разглядывая пьяницу.

— Понятия не имею, — ответил пассажир, откинувшись на сиденье. — Будете пирожок?

Кэбмэн охотно угостился.

— М-м-м, вкусно! Спасибо, сэр.

— Да, — согласился пассажир. И добавил: — Когда-то из таких пирожков состоял весь мой обед.

— Что вы говорите, сэр!

Возница стегнул лошадей, коляска аккуратно объехала плачущего забулдыгу и помчалась по мостовой. Женщины из кафе провожали кэб взглядами.

— Знаете, кто это был? — спросила брюнетка.

— Кто?

Девушка придвинулась ближе и чуть слышно прошептала:

— Сам Дэн Нортон!

— Шутишь. Что он забыл в нашем захолустье? — возмутилась хозяйка. — Это ещё фантастичнее, чем твои любимые сказки про фей.

— Конечно, шучу, — согласилась брюнетка. — Но похож, если верить фотографиям в журналах. Кстати, действие его романа «Башмачник» происходит где-то в наших краях.

Хозяйка в ответ хмыкнула.

— Всё-то ты знаешь. Ладно, пойдём работать, книжки потом будешь читать...

Отправив вздох вслед растаявшему в тумане экипажу, девушка шустро взбежала по ступенькам.

Марта на мгновение задержалась, глянула на отражение в окне и поправила причёску. С пышных огненно-рыжих локонов вспорхнула стайка разноцветных звёздочек. Мимолётные создания замерли, полыхнули аметистом, сделали круг и унеслись ввысь...

Harry Book

writercenter.ru/profile/harrybook/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Leshik Birich

Полон звуков ночных заколдованный лес,
Где-то рядом встревоженно ухает филин,
Слышен шорох шагов...
Как легко мы забыли,
Что боялись до чёртиков здешних чудес.

Притаись! В этой сказке нет места для нас.
Не тревожь тишины —
наслаждайся и слушай,
Как поют бессловесно заблудшие души
В этот чудный, упущенный временем час.

Здесь есть звери... Десятки волшебных зверей,
Что огнями глядят из таинственной чащи.
Не смотри им в глаза!
В этой сказке пропащей
Оставаться нельзя. Мы уходим, скорей!

В окружении звёзд белый месяц горит...
Ты не слышишь? Он шепчет,
что ночь на исходе,
Что пора взяться за руки, и в хороводе
Танцевать у костра от зари до зари...

Абрамова Елена

Волшебный лес

Есть где-то там волшебный лес,
В котором оживают сказки.
Сияет месяц там с небес,
И бродят звери без опаски
Вокруг избушки. Вся в снегу
Она стоит среди черных елок,
И снег блестит среди иголок,
И совы ухают: «Ту-гу!»
А у избушки той цветы —
Волшебной, снежной красоты.
Кто в ней живет? Быть может, Леший
Спит с лешачихою вдвоем.
Как только дух потянет вешний,
Покинет он свой зимний дом,
Пойдет осматривать владенья...
А может быть, Баба-Яга,
Пока кругом лежат снега,
Пьет чай с малиновым вареньем.
У ног ее мурлычет кошка,
И светит месяц ей в окошко...
А может, там живет Топтыгин —
Медведь из сказки. Он не спит,
А при свечах читает книги
Иль тихо песенку урчит,
Иль ставит чайник, чтобы чаю
Душистого с медком попить...

Кто в той избушке может жить?..
Не знаю я, и умолкаю.
Но верю: есть волшебный лес,
В нем много сказок и чудес...

Leshik Birich

writercenter.ru/profile/leshik_birich/whois/

Абрамова Елена

writercenter.ru/profile/0003930elena/whois/

Девш Ольга

writercenter.ru/profile/devshol/whois/

Девш Ольга

Угломонник

Присядет мой маленький мальчик
На склоне горы голубой.
На небе не облако — зайчик!
И мальчик кивнёт головой
В такт мыслям своим, полетевшим
В чудесную радуг страну.
Ему и легко, и потешно,
Он солнце за лучик стянул
К себе на коленки и гладит,
Как кошку, как желтый клубок,
Чтоб вечер пришёл, всё уладил...
Шепчу: «Спи, усни, мой сынок»..

Баюшки

Баю-баюшки баю,
Приютились на краю.
Сон красивый, сон смешной.
Выбирай — тебе какой?

Можешь взять их оба,
До утра спать чтобы,
Не проснуться ночью*,
Не узнать воочью,

Что такое темнота
И зачем ей немота.

Пусть хранит секреты,
Рано, сын, об этом.
Сны ушли в ресницы,
Спи, поколе спится.

Баю-баюшки баю,
Приютились на краю
Лба твои кудряшки.
Мамин неваляшка...

* Ночь — устаревшее "ночь".

Шевцова Анастасия

Помнишь

Помнишь, в лесу между елей горел закат,
ветер качал верхушки, касаясь неба?
Если сумеешь путь отыскать назад,
в дом, где ни разу с детства за годы не был,

Если вдруг вспомнишь, как в январе темно
было вокруг, как горели в заснежье травы...
Как волшебство стучалось к тебе в окно —
лес ворожил, в книге Судеб листая главы...

Низко луна светила, склоняясь ниц...
Воздух дурманил холодом зимней тайны,
Пятнами тени — профили чьих-то лиц —
падали оземь между ветвей хрустальных...

Ты улыбнешься, молча помотришь вдаль —
луч от звезды скользнет по лесной опушке —
Память проснется, вспыхнет в руках скрижаль,
в снежном безмолвии путь указав к избушке...

Я побегу, нет, просто помчусь вперед!
Будет клубиться пар от дыхания в небо —
Ланью лесной обернусь, и луны заход
встречу с тобой, задыхаясь уже от бега!

Видишь, вон там, огонек за стеклом горит —
тысячи бликов лед отражает ярко?
Ждет тихо сказка — только для нас двоих,
самым желанным станет она подарком!

Художник Anthony Casay

Губина Наталья

Ты лечи свою простуду
Мёдом, чаем и горчицей.
О тебе я думать буду,
И тогда тебе приснится

Тихий вечер, лёгкий ужин,
Свет лампы, листьев шелест,
Ветерок, который нужен,
Чтоб ласкать небрежно шею.

Пламя свеч совсем не греет,
И мурашки по запястью,
А вдали пусть будет берег,
Где-то близко будет счастье.

Лишь чихать и кашлять брось ты,
Чтоб случайно не проснуться.
Рисовать во сне так просто,
Наяву мечтать так грустно.

Разговор неспешный... Слышишь?
Мотылёк к огню стремится,
Не сожжёт он крылья нынче,
Лишь тихонько будет биться.

Ты лечи свою простуду,
Ведь прогнать её не сложно,
О тебе я думать буду,
Если только скажешь: «Можно».

Абрамова Елена

Удивительный кот

Шагаю, шагаю — вперёд и вперёд,
Куда-то дорога меня приведёт?
А впрочем, не думаю вовсе о том,
Шагаю, шагаю — на пару с котом!

Попутчиком мне — удивительный кот,
На лютне играет и песни поёт.
Не ловит мышей он — ну что за беда?
Зато мне в дороге поможет всегда!

Ведь мне без него далеко не уйти,
Так можно нечаянно сбиться с пути.
А если опасность нас ждёт впереди,
Он скажет всегда мне: «Туда не ходи!»

Таков мой Попутчик, хоть жаль, что он кот,
И с ним я беспечно шагаю вперед!
Пушистая шерстка, загадочный вид...
Откуда пришёл он, куда он спешит?

Кот лишь улыбнётся: «Хороший вопрос!»,
Трубою поднимет изогнутый хвост.
Ну, что же, у каждого — тайна своя,
Пока мы попутчики — значит, друзья!

Дорога все вьётся, конца не видать,
Но мы не устанем шагать да шагать!
Неважно, куда мы однажды придём,
Важнее нам, что по дороге найдём!

А что мы найдём? Да веселые песни!
Чтоб было на свете нам жить интересней.
За песню — монету! За пляску — монету!
Давай-ка пойдём побродяжим по свету!

Отличная пара — бродяга и кот,
Шагаем, шагаем — вперед и вперед!

Шевцова Анастасия

writercenter.ru/profile/Tasula/whois/

Абрамова Елена

writercenter.ru/profile/0003930elena/whois/

Губина Наталья

writercenter.ru/profile/NataliyaGubina/whois/

Photo Anne Geddes

NeAmina

Мартин

Мартин не спит. Ему чудится чей-то взгляд.

Мартин на взводе, словно спортсмен на старте: смотрит в упор кто-то несколько дней подряд. Только вот кто, догадаться не в силах Мартин. Каждую ночь он кладет на постель обрез, рядом с кроватью мостится патронов ящик. Мартин уверен, что, если за домом лес, значит оттуда и явится тот, смотрящий. Шторы задернуты, в доме погашен свет. Мартин с ружьем обходит свои границы: заперты двери, в саду посторонних нет.... Только у яблони тень непонятной птицы — что-то большое, похожее на орла. Тьма полуночья не даст разглядеть получше. Все, что он видит: два серых больших крыла, грустно поникших, как ивы побег плакучей...

Мартин решает сбегать за фонарем: тучи луну закрыли в своей темнице... Как бы он не был усталостью изнурён, все ж интересно выяснить, что за птица. Старый фонарик звездой освещает сад, тьма расплзается в ключья, плывет, таится... Чувствует Мартин тот же тяжелый взгляд и понимает, что птица — совсем не птица.

Де́вичий лик — ни клюва, ни перьев нет — нежная шейка, ключицы, худые плечи... хрупкая девушка, где-то семнадцать лет... Только из глаз равнодушно взирает вечность. Мартин молчит, меж лопаток стекает пот, сердце саднит, словно там завелась заноза...

Вдруг у корней открывается тайный ход. Мартин к нему шагает, как под гипнозом. Длинный тоннель, приглушенный неяркий свет... зал полукруглый — все тонко, прозрачно, хрупко.... В центре — гнездо, но, однако, наседки нет — только ребенок лежит в золотых скорлупках.

...Мартин с чудесной ношей выходит в сад. Птица исчезла, под яблоней — только перья. Тучи рассеялись, звезды, как виноград, — гроздьями виснут над домом с закрытой дверью. Ведомо звездам, кто нынче пришел на свет: будущий воин, сильный король драконий.

Мартин уверен: дороже сокровищ нет, чем тот ребенок, что спит у него в ладонях.

Сказка. И только

Шев Вит

— Папа! Ну что ты опять там пишешь? Я заснуть не могу... почитай мне сказку, пожалуйста!

— Она появилась за моей спиной так тихо, что даже я, привыкший, казалось бы ко всем ее выходкам, не смог этого заметить. Или просто так увлекся написанием очередного письма, которому, скорее всего, опять придется затеряться в дебрях компьютера или бесконечных ящиках мировой паутины...

— И какую же сказку тебе почитать, принцесса? Ты же знаешь их все наизусть... — я повернулся на кресле и сел лицом к дочери, предварительно свернув недописанный лист «Ворда» — скорее привычка, чем акт недоверия.

— А ты почитай мне какую-нибудь свою сказку. — Она улыбнулась и села ко мне на колени. — Ты же говорил, что иногда пишешь сказки.

— Ну, я пишу сказки для взрослых, а тебе они вряд ли будут интересны... — я легонько потрепал ее волосы.

— Но я уже взрослая! Ты же сам говоришь, что я уже совсем взрослая! Ну прочитай... а если мне не понравится, я скажу, и ты просто почитаешь что-нибудь другое...

— Ну да, а потом еще что-нибудь другое... а потом еще... эх ты, хитрюга!

— Я не хитрюга! А ты давно обещал, а теперь все говоришь, что мне будет не интересно... Ну, пап!

— Ладно, ладно... правда ведь, обещал... ладно. Пусть это будет тебе подарок на Рождество.

— Ой! А разве сегодня уже Рождество? Ты говорил, что сначала Новый год, а потом Рождество... Пап, мы что, пропустили Новый год? Пап? — она схватила меня за плечо и стала трясти.

— Да нет, принцесса, не переживай. Сейчас канун католического Рождества. Ну, то есть, в некоторых других странах — на западе — Рождество справляют до Нового года, не как у нас...

— Вот это да! Правда?

— Ну, конечно, правда!

— И как же они не путаются... у одних Рождество до Нового года, у других — после...

— Кто путается? — не понял я.

— Ну, на небесах! Им же надо тоже как-то поздравлять людей к Рождеству — делать им что-то приятное... а так откуда узнаешь, в какой стране кто живет — пора ему уже приятное делать, или нет? Им же сверху не видно, где граница идет!

— Не переживай, принцесса! Они точно знают, кого и когда поздравлять! И для этого им совсем не обязательно видеть — где идет граница...

— А! У них, наверное, есть такие справочники, типа телефонных, да? Как в компьютере, да?

— Ну, что-то в этом духе... только лучше, и они более точные, чем у нас...

— Здорово! Только все равно это, наверное, очень сложно... вдруг компьютер сломается... или

еще что-нибудь... Ну ладно, с Рождеством я все поняла. Теперь идем — будешь читать сказку!

— Хорошо, хорошо, принцесса. Только давай договоримся. Я тебе прочту одну свою сказку, только одну. А остальные дам почитать потом — когда ты пойдешь в восьмой класс.

— Нет! Так нечестно! Это слишком долго...

— Хорошо. Я прочитаю тебе сейчас одну сказку и буду читать по одной сказке на каждое Рождество. А потом — когда тебе будет четырнадцать лет, дам прочитать все. Если ты, конечно, захочешь...

— Ладно, договорились. Только ты не забудь, что после Нового года будет опять Рождество!

— Ох уж и террористка маленькая у меня растет! Пойдем, а то ты уснешь прямо здесь и ничего не услышишь!

— Пойдем, пойдем! Ты не переживай, пап! Я скоро вырасту и буду большой террористкой!

— Кто бы сомневался, — улыбнулся я, уже заходя в комнату дочери.

— Пап! Ну давай! Я уже лежу! Видишь?

— Вижу, вижу! Сейчас, дай я сяду поудобнее и

сообразжу, что тебе все-таки рассказать.

— Расскажи свою любимую сказку! У тебя есть самая любимая, самая интересная, самая главная сказка?

— Не знаю... ты понимаешь — для кого-то интересно одно, для кого-то — другое...

— Расскажи то, что интересно тебе самому!

— Ладно, сейчас попробую... только я не знаю, насколько тебе будет это понятно...

— Ты не переживай, пап! Если мне будет что-то непонятно, я у тебя спрошу!

— Ну хорошо, давай попробуем...

Я задумался еще на минуту. Тяжело пересказать ребенку историю, которую и взрослые-то далеко не все понимают... Но, с другой стороны, дети, тем более такие смысленные, как моя дочь, понимают скорее смысл подсознательно, не вдаваясь в мишуру словосочетаний и обертку сложных объяснений. Тем интереснее и, с другой стороны, страшнее было рассказать ей именно эту историю. Описанную, как древнюю притчу, но имеющую столь молодые корни. Хотя, кто знает,

Проза. Восточная сказка

может быть, я просто пересказал то, что действительно происходило в древнем Китае?

— Слушай, — сказал я. — Попробую рассказать так, чтобы тебе было понятнее.

— Хорошо, пап! Я слушаю.

Я сам еще несколько секунд поерзал на стуле, потом встал с него, поправил одеяло у дочери — чисто машинально, скорее просто так, чем действительно по необходимости, после чего уселся прямо на пол у кровати, оперся о нее плечом и начал свой рассказ.

Это история про двух молодых людей — юношу и девушку, которые жили очень давно в далекой стране, которая называется Китай. Это очень древняя страна с очень богатой историей. В то время, когда жили эти молодые люди, скажем, юношу звали Ван, а девушку — Инь, это была очень сильная страна и там жили весьма мудрые люди. Да и вообще — это была страна, которую не могли не уважать ни в одном уголке мира. Это была очень богатая страна, ее воины были бесстрашны и чтити особый кодекс, в котором было записано, что умереть за свою страну весьма почетно, и это было действительно так.

Так вот, девушка Инь и юноша Ван росли в разных семьях и, хотя жили неподалеку друг от друга, но в детстве никогда не виделись и не играли вместе. Отец Инь был торговцем, причем весьма преуспевшим. Он, конечно, не был очень богат, но его почитали за то, что он многое делал на благо своего города и для остальных горожан. По долгу работы он часто сам отправлялся с караванами, груженными товаром, в другие страны. Инь и все члены семьи очень переживали из-за этого, потому что любое далекое путешествие в те времена было опасным. Но небеса были благосклонны к семье Инь, и ее отец всегда возвращался домой живой и невредимый.

Ван же родился в семье потомственного воина и с самого раннего детства его тоже готовили стать воином, ибо в те времена такая преемственность была естественной и почетной. Мальчиков в таких семьях уже с трех лет учили военному искусству и к двадцати годам они становились настоящими мастерами своего дела.

Вполне понятно, что Инь и Ван не могли встретиться в детстве и уж тем более дружить, но все же как-то раз их дороги пересеклись. Это случилось на праздновании Нового года. В Китае

этот праздник всегда отмечали шумно и весело — с большим карнавалом, плясками и представлениями. На одном таком представлении Ван и Инь встретились и уже не расставались до конца дня. А потом они договорились встречаться раз в неделю — когда им позволяли ходить на рынок за покупками. Иногда кто-нибудь из них не мог прийти ко времени, когда приходил другой, и тогда они оставляли короткую записку на площади, подвешивая ее на дерево, рядом с которым они и встретились в первый раз.

Таким образом встречались они целый год и очень полюбили друг друга, однако никогда не говорили о своих чувствах.

Надо сказать, что в те времена существовало правило, по которому родители сами решали, за кого выйдут замуж и на ком женятся их дети. Это считалось правильно, так как тогда представить не могли, как, например, дочь торговца выйдет замуж за простого крестьянина, или наоборот. Впрочем, сейчас тоже многие этого не представляют и поступают так же, как и родители Инь и Ван. Однако тогда это считалось настолько нормально и правильно, что никто даже и не думал идти против воли своих родителей. Тем более, что традиционно в этой стране очень почиталась семья, и слово старших всегда считалось законом.

Прошел год, и родители молодых людей почти одновременно объявили о своем намерении обвенчать детей. И — конечно же — даже речи не было о том, чтобы избранником Инь родители выбрали ее возлюбленного — Вана. И для Вана родители, конечно же, выбрали совсем другую девушку, нежели чем ту, о которой он мечтал. Во время очередной встречи Инь и Ван рассказали друг другу о решении своих родителей. После чего они сели на крутом склоне над красивейшей рекой, которая протекала совсем рядом с их городом и долго сидели молча. Каждый из них понимал, что не сможет пойти против воли своих родителей, но если у них был бы шанс уговорить их вместе, то, возможно, могло бы что-то получиться. Ибо хоть древние традиции соблюдались неукоснительно, но все же у каждого отца и у каждой матери есть сердце, которое тоже когда-то любило. И тогда Ван сказал Инь: «Я знаю, что нам нужно сделать. Мы отправимся к Великому Будде, чтобы тот сказал нам, что ждет нас в случае, если мы послушаем родителей, или в том случае, если мы пойдем против их воли. Будда велик и умен и он умеет читать судьбы людей, как раскрытую книгу. Я уверен, что ему не составит труда уви-

деть и рассказать нам то, что нас ожидает. Если он скажет, что ничего хорошего нас в жизни не ждет, если мы слушаемся наших родителей, то нам ничего не останется, как смириться с судьбой». «Но почему ты думаешь, что Великий Будда примет нас? Ведь он принимает далеко не всех, кто приходит к нему с поклоном. А многим приходится ждать очень долго — порой месяц или даже больше!» — ответила ему Инь.

«Я слышал, что Великий Будда не просто так отказывает просителям. Он знает, насколько чиста душа у каждого из них, поэтому или отказывает совсем, или просит ждать его в монастыре до тех пор, пока душа просящего не очистится. У нас же души чисты, мы еще слишком молоды. Мне кажется, что нам не придется долго ждать» — ответил ей Ван. «Но как же мы доберемся до монастыря, где живет Великий Будда? Ведь это очень далеко отсюда — не меньше недели пути! Мы не можем так просто уйти из дома на такой срок!» — опять возразила Инь. «Не волнуйся, мы не уйдем без спроса. Ведь нас обручили. А молодые люди, после того, как их обручили, до свадьбы могут совершить поход к Великому Будде в одиночестве, как паломники. Это древний обычай и его сейчас почти никто не соблюдает, но наши родители должны его знать и, скорее всего, они не станут возражать», — мудро сказал Ван. Инь повернулась и посмотрела в глаза своему возлюбленному. В ее глазах он увидел слезы и надежду на то, что у них все получится. «Хорошо, Ван. Я согласна. Мы сделаем все так, как ты говоришь. Пусть все решит Судьба и Великий Будда».

Как они и предполагали, родители не были против, чтобы их дети отправились за последним наставлением перед свадьбой к Великому Будде, хотя и удивились такому решению. Уже через неделю, снаряженные всем необходимым для дальнего перехода, Инь и Ван отправились в долгий путь. Звезды и природа были благосклонны к молодым людям и уже через шесть дней они дошли до стен огромного монастыря, стоящего так высоко в горах, что, казалось, само небо было чуть ниже. Монахи тепло встретили молодых людей и выслушали их просьбу о встрече с Великим Буддой, а также попросили рассказать причину, почему они решили обратиться именно к нему. Внимательно выслушав историю молодых людей, монахи проводили их отдыхать в маленькие кельи, а сами отправились к Великому Будде — передать ему прошение о встрече. Монахи вернулись только к ужину и обрадовали Инь и Ван известием о том,

что Великий Будда примет их уже на следующий день на рассвете в одной из пещер высоко в горах, куда их проводит один из монахов. После чего им предложили поспать, потому что на завтра им предстоял сложный и ответственный день. Молодые люди и сами это понимали и, утомленные с дороги, тут же уснули. Их разбудили за несколько часов до рассвета, и без промедления они двинулись в путь за старым монахом, который повел их высоко в горы. Они шли почти в полной темноте по совершенно неприметным тропам, однако монах так уверенно шел вперед, как будто проделывал это путь несколько раз в день.

Наконец начало светать, и по горам поползли длинные причудливые тени. Почти сразу монах остановился и, указав на небольшую пещеру в скале, сказал: «Великий Будда встретит вас там. Желаю вам оставаться сильными духом и с чистым сердцем». Поблагодарив монаха, молодые люди зашли в пещеру. Великий Будда сидел в глубине на красном ковре с причудливым орнаментом. Сделав глубокий поклон, молодые люди подошли поближе и сели на колени, как полагалось при встрече со столь почитаемым человеком. «Я знаю, зачем вы пришли ко мне, — сказал Великий Будда. — И мне понятно ваше решение пройти столь долгий путь и просить меня разрешить ваши сомнения. И я вижу, что ваши души чисты, как чиста душа младенца, а ваши сердца тянутся друг к другу, как лепестки тюльпана на закате. Но я прошу у вас, чтобы и ум ваш сейчас оставался таким же ясным и прозрачным, как только бывает прозрачно горное озеро, наполненное хрустальной водой с высокого родника, ибо только так вы сможете осознать и понять все то, о чем я хочу вам сказать. Мне никогда не приходилось говорить и делать этого раньше, однако ваши души настолько чисты, а помыслы настолько свободны от корысти и земных побуждений, что я решил помочь и посвятить вас в великое таинство Судьбы».

С этими словами Великий Будда встал и, сделав несколько шагов к молодым людям, достал небольшой мешочек. Он аккуратно развязал его и рассыпал по полу золотой песок, сделав шесть небольших ровных параллельных дорожек. Дорожки тянулись от молодых людей в сторону Великого Будды. Солнце уже появилось из-за горизонта и лучи его осветили дорожки из золота, придав им особое, неземное сияние. После этого Великий Будда отошел назад и сел на ковер. «Итак, вы должны выслушать меня с большим вниманием, после чего, если вы все поймете правильно, то

Проза. Восточная сказка

сможете познать свою судьбу и сделать выбор» — продолжил Великий Будда. «Каждая из этих шести дорожек — это одно из ответвлений вашей судьбы. И вам выпадает великое чудо — увидеть то, что ждет вас на каждом из этих путей. Однако есть некоторые условия, которые вы не можете нарушать. Для того чтобы просто посмотреть одно из ответвлений судеб, на дорожку должен встать только один из вас. Если вы вдвоем встанете, или хотя бы случайно наступите — вместе или по очереди — то навсегда останетесь на дорожке, и выбора у вас уже не будет. Судьба поглотит вас и решит все дальше сама, хотите вы этого, или нет. Также вы не можете доверять только одному из вас просматреть все дорожки. Вам придется становиться на них по очереди — так чтобы каждый просмотрел по три ответвления судьбы. Вы не сможете обсуждать то, что увидите, вы только можете сказать — хотите вы, чтобы другой встал на ту же дорожку, или же нет. И еще одно. Если вы вместе встанете на одну из дорожек, то вы навсегда забудете то, что видели на других, и вообще весь наш разговор. Вы будете помнить, что видели меня, но о чем мы говорили и что вы увидели, вы не вспомните никогда» — Великий Будда замолчал на минуту, спокойно и пристально глядя в лица молодых людей.

«Все ли понятно тебе из того, что я сказал, Ван?» — произнес, наконец, он. «Да, мне все понятно, Великий Будда» — ответил Ван. «Все ли понятно из сказанного тебе, Инь?» — обратился Великий Будда к девушке. «Да, Великий Будда, я все поняла» — ответила Инь. «Есть ли у вас сомнения или вопросы?» — на этот раз спросил Великий Будда обоих. «Нет, у нас нет сомнений» — вместе ответили молодые люди. «Ну что же. Это хорошо. Тогда вы можете начать. Скажу только вот еще что. Когда вы ступите на дорожку, то время начнет нестись перед вами с огромной быстротой. Не пугайтесь этого и просто старайтесь увидеть то, что покажется для вас важным. Тогда картинка замедлится и, возможно, вы даже сможете услышать то, что вам говорят, или что вы сами говорите. Когда вы будете считать, что увидели достаточно, просто сделайте шаг назад. После этого вам нужно будет объявить: хотите ли вы того, чтобы ваш спутник встал на ту же дорожку, или нет. Если вы готовы, можете начинать». Молодые люди переглянулись. Ван почувствовал, что ему лучше начать первому, потому что он был воином и привык идти вперед без страха и сомнений. Он тут же подошел к первой дорожке, огля-

нулся на Инь, потом бросил взгляд на Великого Будду и сделал шаг.

В тот же миг золотая пыль поднялась вокруг его ног и закрутилась смерчем, постепенно поднимаясь выше, до уровня его глаз. Он начал видеть картинки своей будущей жизни, которые проносились перед ним все быстрее и быстрее.

Он увидел, как они прощаются с Инь возле их любимого дерева и понял, что она говорит ему о том, что не может перечить родителям и скоро состоится ее свадьба. Почти сразу после этого он увидел и свою свадьбу. После этого он увидел рождение своей дочери. После он увидел, как собирается в долгий военный поход и свою супругу, которая осталась дома. Она была беременна. Из письма он узнал, что вскоре после того, как он ушел в поход, у него родился сын. Потом он увидел, как был серьезно ранен в неравном бою. Удар секиры врага чуть было не разрубил его пополам: он лишился одной руки и глаза, но все же остался жив. Его даже наградили и с большими почестями отправили в родной город.

Жена встречала его со слезами печали и радости одновременно. Он не мог больше служить и не мог работать, но он хотя бы остался жив. Еще через некоторое время он узнал, что муж Инь погиб, сопровождая очередной караван с товаром. Но он даже не попытался встретиться с ней, потому что вернулся из похода калекой. Вскоре они с женой покинули город и уехали в далекую деревню, к старым родственникам, доживать свой век на природе и в спокойствии. Он никогда не посмел бы бросить жену и просить выйти все еще красивую Инь за инвалида, пострадавшего в войне. И через несколько лет Инь вновь вышла замуж за мужчину, который был старше ее, но любил всем сердцем. Она прожила всю жизнь, оставаясь ему верной женой, а ее муж боготворил свою молодую и красивую жену. Спустя много лет Ван увидел их вместе на той самой площади, где они когда-то познакомились. Инь не могла его узнать — на тот момент он стал похож на старика. А Ван смотрел на свою красавицу — возлюбленную, которая шла со своим новым мужем. Вану казалось, что они счастливы. После этого он больше никогда не возвращался в родной город.

Ван сделал шаг назад. Золотая пыль, пронесшись вихрем над его головой, тут же улеглась на землю, опять образовав ровную дорожку.

Он повернулся к Инь и сказал: «Твоя очередь, Инь. Ступай аккуратно, не задень случайно этой дорожки». Инь встала и подошла ко второй до-

рожке, посмотрела внимательно на Вана и сделала шаг вперед. Вихрь золотого песка закрутился теперь вокруг ее ног, быстро поднимаясь до головы.

В следующий миг она увидела, как Ван прощается с ней, говоря о том, что не может перечить воле своего отца, который сделал для него так много. Он женится на девушке, с которой обвенчали его родители. Почти сразу после этого Инь увидела и свою свадьбу. Молодой человек, с которым ее обвенчали, был очень вежлив и обходителен с ней. Промелькнуло несколько лет, она увидела себя с сыном, но ни разу она не заметила, чтобы они с мужем ругались или чтобы он бил ее. От знакомых она узнала, что Ван отправился с армией в далекий поход, защищать интересы Великого Императора. В их доме осталась его жена, маленькая дочь и сын. Потом Инь поддалась на уговоры своего мужа, и они отправились вместе с большим караваном товара в далекую страну. Муж говорил ей, что это совсем безопасно, однако в дороге, вдалеке от родных мест, на их караван напали кочевники. В жестокой битве кочевники перебили почти всех воинов, которые сопровождали караван. Муж Инь был сильно ранен и их вместе с еще несколькими уцелевшими воинами и сопровождающими взяли в плен. Он долго болел от полученных ран и, в конце концов, стал инвалидом. Вскоре после этого их все-таки освободила армия Великого Императора, которая была специально брошена на поиски тех, кто остался в живых из того каравана. Они вернулись в свой город. Но так как торговлей муж Инь заниматься уже не мог, то вскоре они уехали в провинцию, к его родителям, продав свой дом. В то же время Инь узнала, что из-за большого пожара в ее родном городе пострадало множество домов и погибло много людей. Одной из погибших была жена Вана. Она спасла из горящего дома свою дочь с сыном, а потом попыталась спасти детей из соседнего дома, но уже не смогла. Однако у Инь и мыслей не было о том, что она может оставить своего раненого и больного мужа, который спас ей жизнь и пострадал при этом сам. Однажды, несколько лет спустя, приехав в город навестить родителей, она увидела Вана, который шел под руку с какой-то девушкой. На лице его был шрам, но он только украшал бесстрашного воина. Инь показалось, что они были счастливы. Больше она не приезжала в свой родной город.

Инь сделала шаг назад. Тут же золотая пыль вновь образовала ровную дорожку перед ее ногами.

Она повернулась к Вану и тихо сказала: «Постарайся, пожалуйста, не задеть эту дорожку, Ван».

Ван аккуратно обошел ее и ступил на следующую дорожку. Как и в первый раз, вихрь золотого песка быстро поднялся с пола и закрыл его с головой.

На этот раз он снова увидел, как они стоят с Инь на той самой площади, где они впервые встретились. Он говорил ей, как любит ее и, скорее всего, будет любить всю свою жизнь. Но он не сможет пойти против воли отца, потому что не может представить, что предаст его. И ему придется жениться на той, с которой его обвенчали. Инь слушала его внимательно и не перебивала. Потом она просто сказала, что желает ему легкой службы и счастливой жизни. После чего они расстались.

Почти сразу же после этого он увидел свою свадьбу. Сразу после этого он узнал, что Инь ушла из дома и отправилась служить в далекий монастырь. Еще немного времени спустя он увидел, как собирается в поход исполнить волю Великого Императора. В последний день сборов он пришел на ту самую площадь и в условленном месте увидел записку от Инь. Она писала ему, что любит его так же сильно, как и он. Но она не сможет жить в несогласии с собой и поэтому уходит из города и вообще уходит от людей и будет жить в далеком монастыре, служа монахам.

Ван вернулся из далекого похода спустя несколько лет. Все это время он хранил записку Инь, как самое дорогое, что у него есть. И вот, вернувшись домой, он решил отправиться на поиски того монастыря, в который ушла Инь. Тогда он рассказал все своей жене и собрался в дорогу. Он потратил на поиски почти год и, в конце концов, нашел тот монастырь. Обратившись к главному монаху, он спросил разрешения поговорить с Инь. На что монах ответил ему, что Ван может говорить с Инь в любой момент и столько, сколько захочет. С этими словами он отвел его на монастырское кладбище и подвел к одной из могил. «Инь умерла около года назад, — сказал старый монах. — На наш монастырь напали кочевники. Инь была в этот момент за воротами. Она предупредила нас, но сама погибла. Для всех нас большая честь ухаживать за ее могилой». Ван упал на колени перед могилой и произнес: «Прости меня Инь! Я защищал земли Великого Императора, я заслужил честь великого воина, но что стоит завоевание даже всего мира, если то единственное и самое дорогое, что я должен был защищать в этом мире, лежит в этой могиле!»...

Проза. Восточная сказка

Ван осторожно сделал шаг назад и золотой песок тут же улегся на пол, образуя перед ним ровную дорожку. Он повернулся к девушке. «Инь, пожалуйста, не наступи на эту дорожку», — сказал он тихо.

Инь обошла его и ступила на следующую дорожку, которая так же опять превратилась в золотой вихрь.

Через мгновение она увидела, как они с Ваном стоят на городской площади и она говорит ему, что выйдет замуж за того, с кем обвенчали ее родители. И хоть дорожке Вана для нее никого нет и не будет в этом мире, но воля родителей для нее — закон, преступить который она не может. Ван внимательно выслушал девушку, после чего ответил: «Желаю тебе доброго мужа и послушных детей. Прощай, Инь». Они расстались. Вскоре Инь узнала, что Ван оставил службу и учение военному делу и отправился в далекий монастырь служить простым монахом.

На следующий день она пришла на площадь и нашла от него записку. Он писал ей: «Прости меня, дорогая Инь, но я не могу оставаться больше там, где все стены, все деревья, все дома и дороги будут напоминать о тебе и говорить, что ты больше не со мной. Я не смогу этого вынести, ибо все, что я хотел в этой жизни — это видеть твою улыбку, которая напоминала мне восход солнца в ясный майский день, слышать твой голос, который для меня был приятен, словно журчание ручья в июльский полдень. Я не смогу смириться с тем, что ты будешь рядом, но я не смогу тебя увидеть. Я не смогу смириться с тем, что мы не будем вместе, как бы нам этого ни хотелось. Я готов вырвать свое сердце и оставить его тебе, если ты этого захочешь. Сам же я уйду в далекий монастырь, чтобы в тишине, работе и молитве обрести новую душу, взамен той, что осталась с тобой навечно. Прощай навсегда. Твой Ван.»

Инь видела, как всю ночь перед свадьбой она плакала над запиской Вана. Потом она увидела свою свадьбу и рождение дочери. Вскоре она увидела мать Вана, которая была в трауре. Ван умер вдалеке от родных мест, так и не вернувшись домой. Через некоторое время у Инь родился сын. Она уговорила мужа дать мальчику имя Ван.

Инь сделала шаг назад. Не поднимая глаз на Вана, она тихо сказала: «Ван, пожалуйста, не наступай на эту дорожку!»

Ван молча кивнул и, аккуратно обойдя Инь, ступил на последнюю свою дорожку.

Как и раньше, золотой песок тут же начал

своей великолепный танец. На этот раз Ван старался смотреть как можно внимательнее. Он очень боялся упустить что-то важное, что может быть ключом к их счастью.

И вот он увидел, как они с Инь приходят к нему в дом и просят его родителей быть благосклонными к их участи и не разлучать их. И вот — о чудо, он увидел, как отец после долгих колебаний дает согласие на их свадьбу! Ван так обрадовался тому, что увидел, что хотел тут же сойти с дорожки и позвать на нее Инь. Однако любопытство пересилило порыв, и Ван остался смотреть, что же будет дальше. Почти сразу он увидел свадьбу — достаточно скромную, но красивую. Его с Инь счастьем не было границ. Казалось, во всем мире не нашлось бы более счастливой пары. Скоро он увидел рождение своего сына и, еще немного погодя, — дочери. После чего он увидел, как отправился в долгий военный поход — на защиту земель Великого Императора. Он был далеко от дома, но иногда все же получал от Инь короткие, но очень теплые письма. Но тут он увидел, как получает письмо от матери, в котором она говорит, что Инь тяжело больна и просит его приехать как можно скорее. Ван смог упротить своего военачальника разрешить ему ненадолго съездить в родной город и тут же отправился домой.

Когда он увидел Инь, он не поверил своим глазам. Болезнь сделала из красавицы, которую он знал, старую высохшую женщину. Инь умирала. Никто из врачей так и не смог помочь ей, а она не хотела омрачать его своим видом, поэтому писала ему, что у них дома все хорошо. Через несколько дней она умерла, прошептав на прощание: «Твои дети достойны тебя, Ван. Береги их». Ван почувствовал, как готово разорваться его сердце, но он понимал, что должен жить ради детей. И ради памяти о своей Инь.

Ван сделал шаг назад и посмотрел на Инь глазами, полными печали и боли. Ничего не сказав и не спросив, Инь прошла мимо него к последней дорожке. На секунду остановившись в нерешительности, она все же сделала шаг вперед. Почти сразу она увидела, как они идут к родителям Вана и просят их о том, чтобы пожениться. Как ни странно, через некоторое время отец Вана согласился, и их радости не было конца. Почти тут же она увидела их свадьбу и почти сразу после этого рождение дочери, а немного позже — сына. Инь хотела уже сойти с дорожки, но задержалась из любопытства.

Она увидела, как Ван уходит в далекий воен-

ный поход, и она часто пишет ему короткие и теплые письма. И как ей было приятно получать такие же короткие, но полные его любви письма. Однако наступил момент, когда письма вдруг стали приходить реже, стали еще короче, а потом и вовсе перестали приходить. У Инь стало беспокойно на сердце. Она попросила благословения родителей и отправилась искать расположение армии, в которой служил ее муж. Как ни странно, она смогла добраться до места невредимой. Однако повидать мужа ей так и не удалось. При встрече с генералом ей сообщили, что ее муж героически сражался и был очень серьезно ранен. Бой продолжался долго, и не было возможности вывести всех раненых с поля. Когда же, наконец, его смогли унести с поля, он потерял уже слишком много крови. Его сразу отправили в госпиталь, но врачи ничего не смогли сделать. Он и сам уже не хотел жить, понимая, какой обузой станет для родных...

Инь попросила проводить ее к могиле любимого, но ей сказали, что его похоронили вместе с другими воинами, в братской могиле. Все, что смогла сделать на прощание Инь — это положить цветы на эту могилу, всем вместе и своему возлюбленному — отдельно, вместе с маленькой запиской.

«Ты был мне не просто мужем. Нашим детям ты не просто отец. Ты был воином, теперь ты стал героем. Я не могу сказать тебе прости, но теперь я всегда буду просить у тебя прощения. Меня не было рядом в последний миг. Ты был далеко от меня, но ты всегда был в моем сердце. Твоя любящая Инь.»

Инь отступила назад. Она молча посмотрела на Вана отошла назад и молча села на пол. Ван подошел к ней и молча сел рядом. Они просидели так около минуты, не говоря друг другу ни слова. Первым заговорил Великий Будда: «Вы просмотрели все линии судьбы, вы побывали на всех дорожках. Если вы не сделаете свой выбор до тех пор, когда солнце пройдет над горизонтом и перестанет освещать своим светом этот пол и этот золотой песок, то дорожки просто исчезнут. И вы не сможете тогда выбрать ни одной из них».

Тогда заговорил Ван. «Великий Будда! Мы высоко чтим твою мудрость и преклоняемся перед твоими знаниями. Но мы не можем выбрать ни одного из тех путей, которые мы здесь увидели. Только так я могу объяснить свое молчание и молчание Инь».

Вслед за ним заговорила Инь. «Великий Будда! Мы понимаем, что ты открыл перед нами великое таинство и посвятил нас в самое сокровенное наших судеб. Но скажи, неужели больше нет никаких путей, по которым можно было бы нам пойти?»

Великий Будда слегка покачал головой, посмотрев пристально сначала на одного, затем на другого. Затем он сказал. «Слушайте меня внимательно, ты, Ван и ты, Инь. Я показал вам шесть ваших общих ответвлений судьбы. Но их на самом деле больше, как ты и сказала, Инь. Есть и седьмой путь. Но его я показать не могу. Ибо лежит он прямо за вашими спинами и начинается прямо у входа в эту пещеру. Выбор ваш, и ваши пути перед вами. Решайте и будьте верны себе». В тот же момент молодые люди увидели, что солнце поднялось над горизонтом и внутри пещеры стало стремительно темнеть.

Инь и Ван взглянули друг на друга, после чего встали, поклонились Великому Будде и молча вышли наружу. Почти не разговаривая друг с другом, они спустились к монастырю, поблагодарили монахов за прием и стали спускаться дальше, к своему родному городу. Весь путь они прошли также, почти не разговаривая. Когда они добрались до города, то пришли на площадь, к своему любимому дереву, на котором они оставляли записки друг другу. Там они встали друг напротив друга, крепко взявшись за руки. Минуту они стояли так, просто смотря в глаза друг другу.

После этого Ван сказал: «Инь. Моя дорогая Инь. Я хочу, чтобы ты запомнила то, что я сейчас скажу. Я люблю тебя больше своей жизни, и нет ничего на этом свете, что было бы для меня так же дорого, как ты. Но в этой жизни судьба решила, что мы не сможем быть вместе. Мне остается только верить в то, что в будущем судьба будет более к нам благосклонна, а пока я могу лишь пообещать любить тебя и только тебя — до конца жизни и даже дольше, насколько это возможно. Я не могу попросить тебя: будь моей. Я могу только сказать тебе: пойми меня и прости. И живи долго. И тогда я буду знать, что ты есть в этом мире, и я буду счастлив.» С этими словами Ван опустил на одно колено и поцеловал руку Инь. Но она тут же подняла его и жестом попросила опять встать перед собой. После чего заговорила сама: «Ван, мой единственный, мой любимый Ван. Я прекрасно понимаю все то, что ты мне сказал, и я понимаю, что другого ты не мог мне сказать. Я тоже

Художник Argentum Agata

была там и тоже видела наши пути. Я, как и ты не решилась выбрать ни одного. Я, как и ты, хочу только одного: чтобы ты жил долго. И я буду счастлива, зная, что ты есть на этом свете и тебя хоть немного греет моя любовь. Пусть мы не можем быть вместе, но ты должен знать, что в моей душе ты всегда будешь со мной. Всю жизнь. И даже больше». После этого по старинной восточной традиции они повернулись друг к другу спиной. Вот только обратно друг к другу они поворачиваться уже не стали. Через минуту Инь и Ван уже шли в разные стороны, не оборачиваясь друг на друга. Каждый с трудом сдерживал слезы. Но каждый понимал, что по-другому им уже не дано.

После того, как они пришли домой, Инь объявила родителям, что уходит служить в монастырь, а Ван отправился служить Великому Императору. Свадьбы ни у девушки, ни у юноши так и не состоялись. Иногда в родной город доходили редкие известия об их судьбах. Ван стал великим воином и заслужил во многих битвах большой по-

чет и уважение. Он не раз был ранен, но всегда быстро возвращался в строй. Инь служила в далеком монастыре и однажды даже спасла монахов от набега кочевников. Сама она была при этом ранена, но монахи вылечили девушку, и она спокойно дожила свой век в уважении и почете.

— Вот так закончилась эта сказка. Ты не устала, принцесса? Мне кажется, ты уже спишь... — последние несколько минут я даже не смотрел на дочку, а она уже лежала с закрытыми глазами.

— Нет, пап, не устала. Спасибо. Грустная немного сказка. Он ведь мог бы сделать по-другому... — дочка открыла глаза и посмотрела на меня.

— Ты так думаешь? И как же? — заинтересовался я.

— Ну, мне кажется, он должен был попросить ее встать на ту дорожку, где они были вдвоем, а потом она умерла... она там была счастлива.

— Но он же не мог вынести того, что она умрет так рано... ты же понимаешь...

— Да. Но они были бы счастливы, хотя бы это время... а потом она сидела бы на небе и ждала его там. Это тоже ведь красиво, правда?

— Да, правда. Красиво. Тут с тобой не поспоришь... ладно, принцесса, спи, пожалуйста! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, пап! ... Да, пап! Я хотела спросить...

— Что, принцесса?

— А тебе тоже приходилось выбирать свою дорожку?

Я на минуту задумался...

— Видишь ли... вообще-то эта сказка про то, что на самом деле мы не выбираем путь. Путь уже выбран, и мы просто следуем ему от рождения. А любой выбор — это лишь способ укрепиться в нашей вере и верности этому пути. Так что... не стоит пытаться выбирать то, что уже выбрано. Нужно лишь идти прямо и не оборачиваться. Я думаю, что ты поймешь... потом. А сейчас — спи, дорогая.

— Спасибо, пап. Я поняла. Спокойной ночи...

Я поправил одеяло, погасил свет и тихонько вышел из комнаты.

Прикрыв за собой дверь, я прошел на кухню, налил немного вина, взял бокал в руку и подошел к темному окну, смотря в свое отражение и одновременно на огни большого города. Сделав большой глоток, я тихо сказал своему отражению: «Конечно, я сделал свой выбор. Я встал на свою дорожку. Только кто сказал, что их только шесть, или семь? Просто если делаешь такой выбор, то о нем уже никогда и никто, кроме тебя самого, не узнает...»

Я грустно улыбнулся и сделал знак бокалом, как бы чокаясь с отражением. Допив вино, я отправился в свою комнату к компьютеру. Писать очередную сказку для взрослых. И не только.

Открыв окно «Ворда», я несколько минут сидел, смотря в экран, потом открыл верхний ящик стола и достал маленькую красную коробочку, обшитую бархатом. «Значит, говоришь — она была там счастлива? — аккуратно открывая коробочку и доставая из нее кольцо с маленьким брильянтом, тихонько сказал я. — Ну, что ж... давай узнаем».

После этого я надел пиджак, положил кольцо обратно в коробочку, убрал ее в карман пиджака, заглянул тихонько в комнату дочери и вышел из дома.

На улице светила полная луна. На мокром асфальте ее свет отражался, искрясь, как будто дорога была посыпана серебром. Улыбнувшись своим мыслям, я шагнул на лунную дорожку...

Шев Вит

writercenter.ru/profile/SheVvit/whois/

Argentum Agata

writercenter.ru/profile/argentum/whois/

Волшебный нож Акрама

Скалдин Юрий

Про Рустама-чеканщика

Случилось это давно. Старики рассказывали...

Лето в тот год выдалось засушливым. Степь вся пожелтела, выжженная солнцем, обмелели реки, а уж ручейков, которых было немало, стало совсем незаметно. Опустела степь, и тракт опустел с ней. Второй месяц ни одного торговца не видели в городе. Второй месяц лежали на складах товары. Второй месяц ждали люди новостей.

— Говорят, — шептались в тенистых арках возле базара, — вишاپ завелся в горах. Никого не пускает через перевал.

— Глупости, — говорили в ответ. — Последнего вишапа еще Багузай-богатур убил, а голову его в столицу отвез.

— Убил, — соглашались третьи. — Но может, не последнего, он же логово вишапа не нашел? Кто знает, были у того детеныши или нет?

— Ага, или залетный это, — подхватывали первые. — Точно вам говорю — вишاپ там ущелье перекрыл. Беда, ой беда.

Причитали-горевали жители, но поделаться ничего не могли, да и не хотели. Город жил торговлей, много в нем было хороших ремесленников, хитрых купцов, хватких менял-ростовщиков да ловких воров-мошенников, а вот воинов отродясь не было. Даже стражу — и ту нанимали. Хотели купцы позвать в город героя, чтобы тот избавил их от чудовища, да как это сделать? Перевал-то закрыт, не пройти гонцу. Кинули клич.

— Тому, кто перевал преодолет и героя при-

ведет, три ведра золота! — кричали глашатаи на площадях города и в пустых караван-сараях.

— Три ведра золота, это хорошие деньги, — как-то вечером сказал духанщику Ибрагим Левый Глаз. — Но пройти мимо вишапа невозможно. Хотя, слышал я...

О чем слышал опытный взломщик, посетители духана так и не узнали. Одноглазый встал и ушел.

А пошел ловкач к старьевщику.

— Акрам-ага, — поклонился Ибрагим старьевщику. — Знаю я, есть у тебя кинжал, что любую броню пробить сможет. Продай мне его, и я пройду за перевал.

Удивился Акрам, никак не ожидал он от жадного и трусливого Ибрагима такого поступка.

— Меня не поймут предки, смотрящие с небес, если я возьму с такого героя больше одного медяка, — сказал он, доставая старый клинок.

Обрадованный Ибрагим бросил на прилавок монету, схватил кинжал и отправился к глашатаю сообщить о своем выезде:

— Смотри, я беру весь город в свидетели, не обмани меня! Три ведра, и чтобы все монеты были настоящими!

Вскочил одноглазый вор на коня и отправился к перевалу. День прошел, другой, неделя, а там и месяц пролетел. Забыли в городе об Ибрагиме, только старьевщик вздыхал: фальшивую монету подсунул ему вор.

Художник Лев Елена

Проза. Восточная сказка

— Не вишай там, — начали судачить на базаре. — Дэв горный. Ростом с башню, зубы из железа, когти из камня. Оседлал он гору возле карнай-пещеры, сквозь которую тракт идет, и убивает всех, кто пытается проехать.

И опять загудели трубы. Выехали на площади глашатаи и зачитали новый указ:

— Тому, кто карнай-пещеры пройдет и вернется с героем, даруют дом с садом и собственным колодецем!

— Собственный колодец — это хорошо, — сказал Масуд-купец сыновьям. — Ты, Гусейн, уже вырос, пора семью заводить, иди к старьевщику Акраму, купи у него саблю, что убийца дэвов Хааман обронил в караван-сараяе, и отправляйся в путь. Эта сабля от всякого чародейства тебя защитит и дэва прогонит.

Встал Гусейн, гордый, что отец его выбрал, и отправился к старьевщику. Остальные сыновья только завистливо посмотрели вслед.

— Продай мне, Акрам-ага, саблю Хаамана, — с порога заявил Гусейн старьевщику. — Никаких денег не пожалею, героя приведу, спасу город и женюсь на красавице Бахар.

Покачал головой Акрам:

— Не надо мне золота-серебра, вон она, сабля Хаамана. Небо велело помогать храбрым, бери, сын купца, её так, только монетку на столе оставь.

— Отец отдаст! — крикнул Гусейн, вскакивая на скакуна. Больше его в городе не видели. Прошел месяц, стало ясно: пропал сын купца. Погоревали о нем, но делать что-то надо. Уже ломятся от товаров склады, уже на исходе запасы специй в духанах.

— Нет там никакого дэва, — уверенно говорили за дастарханом. — Банда разбойников устроила себе лагерь в руинах старой мечети.

— Слушайте и не говорите, что вы не слышали! — вновь закричали глашатаи на площадях. — Тому, кто не убоится отправиться к паше и спасет город от гибели, бей дарует десять коней из своего табуна и отдаст младшую дочку, красавицу Мирвари, в жены!

— Дочка бея в жены, оно, конечно, хорошо, — поглаживая себя по бороде, проговорил старый Сехавет-меняла. — А десять коней из его табуна еще лучше. Но тот будет глуп, кто оскорбит бея, отказавшись от его младшей дочери.

Переглянулись сыновья ростовщика и кинули жребий. Выпало толстяку Поладу идти.

— Сходи к старьевщику Акраму, он должен нам десять золотых, — сказал Сехавет сыну. — Пере-

дай ему: "Сехавет прощает твой долг, взамен прости меч Ахра-патши".

Этот меч сам отбивает стрелы и срубает головы, но мало кому он по руке. Ты, Полад, вырос большой и сильный, справишься с тяжелым мечом и станешь зятем бею».

Как сказал отец, так и сделал Полад. Отдал ему Акрам длинный меч Ахра-патши, что только двумя руками удержать можно. Повесил сын ростовщика меч за спину, сел на могучего коня и отправился в путь, прихватив с собой и мешочек монет — подкупить разбойников, если с мечом не выйдет.

Как ушел, так и не вернулся Полад. Жаль Сехавету сына, жаль коней, что не удалось получить, жаль потраченного на меч золота, но ничего не поделать.

Еще месяц ждали жители города вестей от храбреца. Совсем перестали работать, некуда товары девать. Выпили весь чай в духанах, весь плов съели, ничего не осталось, одни лепешки да козье мясо. Еще немного — и голод в дома постучится.

— Ифрит там, точно говорю, — поговаривали, играя в нарды, мужчины. — Ифрит или джинн, хочет он из нашей степи пустыню сделать... Поселился он в ущелье и гонит жар к нам с той стороны гор.

И вправду, совсем жарко стало. Никогда так не было, как сейчас, пропали ручьи в степи, совсем пропали, рек — и тех почти не видать. Половина колодецев пересохла, во второй половине воды только на дне и осталось.

Выехал тогда на площадь бей. Сам выехал, дочерей с собой взял, жену взял да внуков своих. Спросили жители у бея:

— А где сыновья твои? Где зятья твои?

— Сгнули в первый месяц, — ответил им бей. — Первыми поехали героя искать — первыми и сгнули. Теперь пришел я к вам, жители города, не как правитель, а как отец. Помогите, если не себе, то хотя бы мне. Если не из уважения, то из сострадания. Пожалейте моих дочерей, внуков моих пожалейте. Я уже стар, не могу я сам к паше ехать, помощи просить. Неужели нет ни одного храбреца больше в нашем славном городе?

Смотрит бей на горожан, а они глаза прячут. И стыдно им, и страшно. Только двое ответили бею взглядом и сделали шаг вперед. Седой старьевщик Акрам-ага да чеканщик Рустам.

— Дай мне коня! — хором сказали они, молодой да старый. — И я отвезу письмо паше.

Переглянулись старьевщик с чеканщиком, и улыбнулся старик Акрам.

— Вот тебе мой нож, — сказал старьевщик Рустаму. — Он не волшебный, зато очень удобный. Им и копать можно, и ветви рубить, и строгать, и резать. Вставь в рукоять жердь, примотай шнуром, и будет у тебя копьё. Длинной он ровно в зиру,* и на ножнах его есть отметки короткие через каждую асбу*, и каждая четвертая — длинная, кабде* соответствует.

— Спасибо, уважаемый, — с поклоном поблагодарил старьевщика Рустам. — Возьми за него монету, дал бы больше, да последняя она.

Один пехлеви — всё, что смог дать старьевщику Рустам.

Хлопнул бей в ладони, и привели Рустаму-чеканщику скакуна, норовом подобного огню, с поступью, что быстрее ветра.

— Благодарю тебя, бей, но что я с таким конем делать буду? — удивился чеканщик. — Сбросит он меня, да и совладай я с ним, чем его кормить в сухой степи? Как он горными тропами пойдёт? Дай мне лошадку из конюшен глашатаев. Там хоть и не скакуны, да и не так красивы, зато все лошади выносливы и неприхотливы.

Кивнул бей, и привели чеканщику невысокую степную лошадку.

Поклонился Рустам бею, поклонился старику Акраму, поклонился и горожанам. Ничего не сказав, сел на коня и уехал.

Долго ехал Рустам по степи и у самых гор увидел он пожилую женщину, тяжело вздыхающую возле оврага.

— Что вздыхаешь, о чем кручинишься, матушка? — спросил Рустам женщину, спешиваясь.

— Надо мне мосток сделать, богатырь, да никак не могу понять, какие деревца срубить, — ответила та. — И топор есть, и работы я не боюсь, но уж больно овраг широк, а деревья невысоки. Не хотелось бы рубить деревья зря, и их жалко, да и силы мои уже не те. А без мостика совсем худо, до родника — овраг обходить, коз пасти — тоже обходить его, вечно он у меня на дороге стоит. Молодой была, не замечала его, а сейчас не заметить сложно.

— Не кручинься, матушка, решим сейчас твою горе, — улыбнулся Рустам и достал нож старьевщика. Взял он его, размотал шнурок с рукоятки, померил, сколько локтей будет в шнурке, да пошел измерять ширину оврага.

— В пятнадцать зиру шириной этот овраг, значит, деревья надо не меньше семнадцати рубить.

Ну-ка, матушка, давай сюда топор.

— А как ты высоту дерева-то узнаешь, богатырь? Будешь на каждое залезать со своим шнурком? — покачала головой женщина. — Ширину оврага я тебе и так бы сказала.

— Зачем лазать? У меня же нож есть, его мне Акрам-ага дал, он и померяет, — засмеялся чеканщик и воткнул в землю колышек. Надел он на него ножны и померил шнурком тень.

— Вот, теперь семнадцать раз по столько отмотаю и выберу нужные деревья.

До позднего вечера возился Рустам с мостом, но построил его.

— Пойдем ко мне, богатырь, накормлю тебя, чем небо послало, отдохнешь, — пригласила Рустаму благодарная женщина. Но Рустам только головой покачал:

— На обратном пути с радостью загляну, а сейчас некогда, весь город ждет меня, — сказал это и дальше поехал.

Всю ночь и еще день ехал он по дороге, вдруг слышит — плачет кто-то. Слез Рустам с коня, пошел на звук и пришел к небольшому домику, спрятанному среди скал. А у домика на большом валуне сидела и плакала женщина.

— Здравствуй, уважаемая, о чем плачешь, кто тебя обидел? — спросил Рустам. — Может, я могу горю твоему помочь?

— Спасибо тебе на добром слове, юноша, да чем ты мне можешь? — отвечала женщина. — Видишь этот валун, он весит, как пять быков. Упал он вчера со скал и перегородил вход в мой дом. Никак мне его не сдвинуть.

Улыбнулся Рустам.

— Не горюй, нет такого валуна, что Рустаму-чеканщику не сдвинуть! — сказал он. — Есть у меня нож, самим Акрамом подаренный. С любой бедой справиться помогает.

Достал Рустам широкий нож и начал копать землю возле валуна, подкапывая его потихоньку. Мягкая земля оказалась среди скал, мягкая, хоть и каменная. Семь потов пролил чеканщик, но выкопал яму, как раз с валун размерами. Взял он толстую палку, подsunул под камень и толкнул его в яму. Только чуть-чуть не поместился валун.

— Будет теперь у тебя крыльцо, — вытирая пот, сказал Рустам.

Обрадовалась женщина, стала Рустаму в гости звать, дастархан расстилать. Поблагодарил ее чеканщик, перекусил и в путь дальше отправился. Проехал и ущелье, и через тоннель прошел, и мимо руин — никого не встретил. Высоко в горы

Проза. Восточная сказка

поднялся, смотрит, у дороги девушка с длинной палкой прыгает, пытается сбить что-то жердиной.

— Что случилось, красавица? — спросил Рустам у девушки.

Обернулась она к нему, и поразился её красоте чеканщик. Только слезы в глазах портили впечатление. Нельзя такой красивой девушке плакать, таким красавицам только смех и веселье к лицу.

— Ветер сорвал с моей головы платок и зашвырнул его на куст, что из скалы растет. Никак не могу я теперь платок достать. А без платка я домой возвращаться боюсь, матушка у меня старенькая, не хочу ее расстраивать. Она сама мне его ткала, сама вышивала.

Посмотрел Рустам вверх, действительно: торчит из скалы куст, раскинул ветки над дорогой, а в ветках этих платок девичий застрял, да так застрял, что никакой палкой его не сбить.

— Дай-ка мне эту жердину, — попросил Рустам у красавицы.

Взял он палку, надел на нее свой нож, примерился да с трех ударов срубил куст.

— Спасибо тебе, богатырь, — сказала девушка. — Пойдем к нам, отдохнешь с дороги, устал, вижу же.

— Не меня благодари, Акрама-старьевщика, — улыбнулся Рустам. — Его это чудо-нож. За приглашение спасибо, да некогда мне, ждут меня.

Поцеловала девушка Рустама и дала на память колечко, простенькое, из камня вырезанное.

— Бери, не стесняйся, у меня второе такое есть, точь-в-точь. Будем на кольца глядеть да друг друга вспоминать.

Прощался Рустам с девушкой, только через час сообразил, что так и не спросил, как её зовут.

«Жаль, такая красавица. Надо будет на обратном пути ее поискать, может, потом сватов к ней зашлю».

Ехал Рустам, ехал, хотя больше шел, ведя коня под узду, чем на нем ехал, и вышел к самому перевалу. А у перевала было огромное озеро, что реки да ручьи в степи питало. Рос на берегах этого озера дивный сад, да вот только не селился никто рядом. Старики поговаривали: пэри не разрешает.

Прошел бы Рустам мимо, да лошадь уже совсем из сил выбилась. Жалко стало чеканщику верную лошадку, отвел он ее в тень деревьев и пошел за водой, помыть да напоить её. Едва отодвинул он куст, как из него выпрыгнул одноглазый мужчина и с испуганными криками убежал прочь.

— Странно, — удивился Рустам и спустился к воде. Подходит, а на берегу сидит юноша в богатых одеждах да отражение свое разглядывает, никак не наглядится. Попробовал поговорить с ним чеканщик, да все без толку.

— Странно, — опять удивился Рустам, набрал воды и пошел к своему коню, только пошел другой тропой, чтобы сквозь кусты не продираться.

Обогнул пару старых кедров, смотрит — толстяк сидит на пне и деньги считает. Перекладывает из одной кучки в другую, только вот кучки почему-то не изменяются.

— А этого парня я где-то видел... — пробормотал Рустам, осторожно обходя толстяка. Приблизиться к человеку, считающему деньги, опасно, а если у того на коленях лежит меч в четыре зира длиной, то вдвойне опасно.

Вернулся Рустам к лошади, а возле нее девчонка стоит.

— Покатай меня, дядя, — совсем не испугавшись, попросила девочка.

— Прости, кроха, но моя лошадь очень устала, ей надо попить и отдохнуть, а мне надо её почистить. Пойдем, я тебя домой провожу.

— Ну покатай... — чуть не плача, попросила девочка.

Посмотрел на нее Рустам, улыбнулся и говорит:

— Подожди чуть-чуть.

Помыл он лошадку, дал ей воду, подошел к девочке и посадил ее себе на плечи.

— Куда тебя везти, маленькая ханум?

Девочка засмеялась и пятками легонько стукнула Рустама в грудь.

— Вези меня к озеру, мой верный конь! — звонко прокричала она.

И Рустам повез, со смехом, с шутками, перпрыгивая через камни и валяющиеся стволы деревьев, будто и не устал совсем. У озера слезла девочка с его шеи и, улыбнувшись, показала колечко.

— Здравствуй, Рустам-чеканщик, все ты мои испытания прошел, проси, чего хочешь.

Превратилась девчонка в прекрасную девушку в сияющих одеяниях, и узнал Рустам в ней и старуху с мостом, и женщину с валуном, и девушку с платком.

— Ничего не хочу я, — буркнул он. — Тороплюсь я, послали меня гонцом к шаху, везу ему письмо с просьбой о помощи. Умирает наш город без торговли, что-то не пускает караваны к нам, может, паша разберется?

— Так я и не пускаю, — спокойно ответила пэри. — Обидел меня старший сын вашего бека, обещал жениться за глоток воды, да не сдержал обещания.

— И ты из-за этого весь город погубить решила? — возмутился чеканщик. — Из-за одного невежи?

— Нет, — ответила девушка, — но и другие сыновья да зятя вашего бека не лучше. Ни один за родича не повинился, зато каждый отступных требовал. Дала я каждому по мешку самоцветов и отпустила, хоть один в город вернулся?

Покачал головой чеканщик.

— Но простые горожане, они-то чем тебя обидели? — спросил он у пэри.

— Они? — удивилась хозяйка озера. — Сначала один украл мое платье, пока я купалась, и требовал выкуп. Потом второй коня своего в моем озере мыть начал, а меня уродливой девкой назвал. И третий не лучше, предложил мне десять дихремов за ночь, проведенную вместе. Вот тебе и простые люди.

Понял тогда Рустам, кого он в саду встретил.

— Прости, пэри. Прости нас, твоя правда, — согласился Рустам, — но будь снисходительна, верни хотя бы воду в степь. Без воды не только люди, без нее и птицы, и звери, и травы с цветами — вся степь умирает. Не для себя прошу, пощади невинных.

Улыбнулась озерная дева.

— Не ошиблась я, даря тебе свое кольцо. Не для себя ты живешь, Рустам-чеканщик. А раз есть такие люди в вашем городе, то есть за что его любить и уважать. Прощу я всех, даже тех, кто меня обидел. Прощу, только с условием: ты им наказание придумаешь, такое, чтобы я с ним согласилась.

Хлопнула дева в ладони, вышли к берегу четверо. Один стоит, глаза бегают, всего боится. Второй сразу к воде припал, пьет-пьет, да не напьется. Третий отражением своим любит, ни на кого не смотрит. Четвертый как перебирал монеты, так их и продолжил перебирать.

— Придумаешь наказание лучше моих — отпущу их, воду верну и караванам пройти разрешу! — сказала пэри.

Посмотрел чеканщик да говорит:

— Разве это наказание? Вот одноглазый, ну боится он теперь всех и всякого, так он и раньше трусом был, врал, воровал, работы боялся. Сделай так, чтобы его от вранья и неправды коробило. Чтобы он и сам врать не мог, и другим не позволял. Можешь? Будет и ему наказание, и другим польза.

— Правда твоя, — согласилась пэри и хлопнула в ладоши.

Исчез одноглазый Ибрагим, закружило его в вихре, а выпустило на городской площади. Стоит он посреди базара, слушает, смотрит, а кругом врут все. Один гнилые фрукты продает, второй ткань меряет да на каждый зир два пальца не домеряет, третий просто по карманам да мешкам шарит. Не выдержал Ибрагим, схватил воров и обманщиков за бороды да повел к бею.

— Так, мол, и так, бей, нечестно живут эти люди, — сказал Ибрагим.

Попытались выкрутиться мошенники, да как глянул на них одноглазый, так им врать и перехотелось, страшно стало.

Подивился бей, да назначил Ибрагима главным судьей. Теперь Ибрагим сидит на площади и слушает людей, лжецов да нечистых на руку ищет, а самого от малейшей лжи в дрожь бросает, будто иголками его колет кто-то.

— А толстяк? — сказал Рустам-чеканщик девушке. — Что с того, что он монеты впустую считает? Пусть лучше пользу приносит людям. Пусть он никогда в счете не ошибается, что ни считай — пшено ли, золотые монеты ли — да только пусть богатства радости ему не приносят.

— Будь по твоему, — согласилась девушка.

И очнулся толстяк возле сокровищницы бея. Стоит у входа главный казначей и отчитывается:

— В том сундуке у нас семь тысяч дихремов золотом, в том камня-самоцветы на двадцать тысяч дихремов. А в той куче серебро, девятьсот пятьдесят монет, налог, собранный с горожан.

И кто толстяка за язык потянул, не удержался да как ляпнет:

— Неправду говоришь, уважаемый, в куче той сорока монет не хватает до названной суммы.

Посмотрел бей на казначея, а тот глаза прячет.

— А в сундуках?

— А в сундуках, наоборот, больше. Он же хочет сейчас тебя обмануть. Запишет в книгу, а остальное себе заберет, — махнул рукой Полад, собираясь уйти.

Схватили казначея верные нукеры бея, повели его к Ибрагиму-судье, казначей во всем и сознался. Удивился бей, решил проверить Полада, но что ни предлагал, все тот верно пересчитывает.

— Иди, — говорит бей, — ко мне главным счетоводом, казну мою тебе доверю, будешь в шелках ходить, с золота кушать.

А Полад на злато-серебро и смотреть не хочет, противны они ему. Но старого казначея бей уже

Художник Лев Елена

казнил, а деньги — они счет любят, решил Полад пересчитать казну, да и уйти в пещеры отшельником. Стал Полад для бея золото считать да заметил, что прежний счетовод округлял всё, не любил точностей, а от того у людей налог был всегда больше, чем надо. Только до казны далеко не всё доходило. Так и не стал отшельником толстяк Полад.

— А с этими что делать? — спросила пэри, но у Рустама на их счет ответ был готов.

— Коль этот юноша так красоту свою любит, пусть он начнет зеркала делать. И чтобы он в них отражался лишь один раз верно, остальные разы вкривь да вкось.

Стал Гусейн, купца сын, лучшим зеркальщиком к городе, да что там в городе, из других стран к нему люди ехали за зеркалами. А он зеркала чуть не даром раздавал, красоткам на радость.

— А с сыном бея?

— А что с ним, отпусти его просто домой, пусть узнает, что по его вине в городе случилось. Нет для правителя наказания хуже, чем горе его подданных, да по его вине перенесенное.

И вновь не ошибся Рустам. Вернулся домой сын бея, упал в ноги отцу, во всем повинился. Старый бей сначала гневался, грозился плетью сына запороть, но понял, что этот урок на пользу его сыну будет и городу тоже. Посадил он сына по правую руку, назначил своим визирем.

— А для себя чего хочешь? — спросила у Рустама пэри. Но ответа ждать не стала, хлопнула в ладоши и оказался чеканщик возле лавки Акрама-ростовщика.

— Здравствуй, Акрам-ага, — поклонился ростовщику Рустам. — Добрую службу мне твой нож сослужил, возвращаю я его теперь с огромной благодарностью.

— И тебе здравствовать, Рустам-богатырь с волшебным ножом, — в усы улыбнулся старик ростовщик. Проходи в дом, ко мне внучка в гости приехала, такой плов приготовила, падишахи такого плова не ели.

Зашел Рустам в дом, сел на ковер напротив Акрама, взял пиалу с чаем. Сидят, пьют, молчат. Рустам сидит, стены в лавке рассматривает. А по стенам всё волшебные вещи висят. То лук, промаха не знающий, самого Вугара-стрелка. А дальше щит, который и от дождя спасет, и в лодку превращается, и меч Ахра-патши, и сабля Хамаана, и нож, который ростовщик Рустаму дал.

— Акрам-ага, а нож-то почему среди волшебных вещей висит? Он разве тоже заколдованный?

— Люди говорят, ходит в горах добрый богатырь, Рустам-пехлеван. И есть у него волшебный клинок, во что Рустам захочет, в то он и превратится. Хоть в копье, хоть в коня.

— Кушайте плов, — проговорила внучка ростовщика, да голос уж больно знакомым Рустаму показался. Посмотрел он на нее, а из-за платка лица не видно совсем, зато на пальце колечко каменное надето.

А через неделю вся улица вкусный плов ела на свадьбе у Рустама-чеканщика: и Ибрагим-судья, и Полад-счетовод, и Гусейн-зеркальщик, и старый бей с сыном, все там были. Весь город Рустама поздравлять приходил, все с подарками, а как иначе? На такой красавице женился их герой. А сам в обносках ходит, дом совсем обветшалый у Рустама. А как небом заведено? Хочешь, чтобы тебе помогали — помогай сам. Добро, оно всегда к тебе вернется.

Скалдин Юрий

writercenter.ru/profile/Beorny/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Халиф и Ясмина

Мааэринн

Рассказ о том, что вышло у халифа Мизарского с Ясминой, дочью хозяина кофейни у Западных ворот великой столицы

Случилось это по воле Божьей (а Бог знает лучше нас, ибо ничто не ускользнет от ока Его в пределах Мира) на шесть тысяч двадцать восьмом году от сотворения Мира и на шестьсот девяносто третьем году правления Великих халифов.

Проснулся утром халиф Мизарский и почувствовал, что скука поселилась в душе его, что лицо побледнело, тело ослабло, а сердце наполнилось тоской и печалью. Велел он позвать своего первого визиря и спросил, что делать ему, чтобы ушла тоска из сердца и тело вновь обрело силу. А визирь халифа по воле божьей был человеком мудрым и праведным, и сказал он:

— О великий халиф, опора Мизара и его светоч! Скука бежит разумных речей и веселого смеха. Если опечалено твое сердце, то позови своих друзей, пусть они говорят с тобой, радуются и смеются, и с Божьей помощью тоска твоя рассеется.

И исполнил халиф по слову визиря: велел подать лучшие яства, позвать ближних своих друзей, сотрапезников и собеседников, приказал искуснейшим из музыкантов усладить слух, а прелестнейшим из танцовщиц порадовать взгляд дорогих гостей, и сидел с ними, и смотрел, и слушал, и спрашивал, и отвечал, и радовался их веселому смеху, только сам оставался невесел.

Увидел это визирь и сказал:

— О повелитель, лев южной пустыни, барс северных гор! Разве есть что желаннее храброму сердцу, чем честный бой? Что потешит барса, как не битва барсов, что порадует льва, как не поединок львов? Если будет на то соизволение Господа, искусство мизарских воинов исцелит твою душу.

И призвал халиф мужей, владеющих оружием, и повелел им показать свое искусство. И бились храбрейшие из храбрых львов Мизара, и сильнейшие из сильных тешились своим умением. И увидел халиф, что велика мощь Мизара, и хвалил бойцов, и награждал победителей, но скука не покинула его сердца.

И вновь вошел к нему мудрый визирь и советовал:

— О повелитель, да будет с тобой милость Господа нашего, великого, славного! День и ночь твои подданные молят Его о твоём выздоровлении, а Господь наш милостив к любимым и любящим. Разве есть для мужчины лучшее снадобье, чем ласки его возлюбленных? Разве есть для глаз вид милее их юных тел, разве есть для языка яства слаще их нежных губ?

В третий раз поступил халиф по слову визиря. Слуги наполнили теплые купальни и выстлали ложе мягким хлопком и струящимся шелком, и вошли к своему господину невольники из числа прекрасных лицом и совершенных телом, и девы расчесали ему волосы, а юноши умастили тело благовониями, и кормили его с рук диковинными фруктами, и поили редкими напитками, и ласкали и нежили, а он что хотел — брал, а что не хотел — отбрасывал. Истомился халиф от ласк, и уснул он в объятиях своих возлюбленных, сытый и довольный. Но не вернулась его телу прежняя сила, не вошла в сердце прежняя радость.

И вот призвал он визиря к ответу:

— Ты всегда был мудр, мой лучший советчик, и твое слово не раз помогало мне, но, вижу, муд-

Художник Станислав Плугенко

рость оставила тебя. Трижды ты мне советовал и трижды оплошал.

Упал ниц первый визирь и взмолился:

— О славный халиф Мизара! О надежда и защита наша пред Господом! Не гневайся на глупого своего раба, позволь лишь в последний раз дать совет, а вновь оплошаю — власть твоя над моей жизнью нерушима: хочешь — изгони, как паршивого пса, а хочешь — руби негодную голову.

— Ладно, — согласился халиф, — говори, и да смилуется Господь великий над тобой, и да вложит в уста твои истину. Если поможет твой совет, Всевышний — свидетель словам моим, будет тебе великая награда, а не поможет и в этот раз — не пощажу.

— Дошло до меня, о повелитель, — начал визирь, — что у Западных ворот Мизара, ведущих в Шиварию и дальше — в Поднебесье, на Пряный путь, есть приметная кофейня. Многие купцы, и из гостей, и из твоих верных подданных, любят бывать там и в жаркий полдень, и тихими вечерами.

Но не крепкий кофе они ищут, не сластей, не аромата наргиле, а только лишь дочку хозяина, Ясмину: говорят, девушка эта умна и начитана и знает множество поистине удивительного и поучительного, что случилось в Мире. А еще говорят, что имеет она от Господа великий дар: может рассказом своим и разозлить и задобрить, и взволновать и утешить. Не велишь ли привести ее, мой повелитель?

— Приведи!

В тот же час привели сказительницу и поставили пред взором повелителя. И увидел повелитель Мизара, что вошедшая нехороша собой: смугла, худа телом и малоросла, и исказилось его лицо презрением. Но велико было его уважение к первому визирю и к своему слову, данному перед Господом, потому спросил он:

— Ты ли Ясмина, дочь хозяина кофейни, что у Западных ворот Мизара, моей великой столицы?

Девушка преклонила колени и голову опустила:

— Я, мой повелитель.

Художник Станислав Плутенко

— Дошло до моих ушей, что знаешь ты великое множество удивительного и поучительного и славишься мастерством рассказывать. Правда ли это?

— О мой повелитель, разве могу я, последняя из рабов твоих, судить о величии и мастерстве? Волей Всевышнего, знаю я немногое из того, что было в Мире, и, как могу, рассказываю под свою лютню, когда есть охочие слушать, — ответила Ясмينا и произнесла такие стихи:

Что Всевышним даровано – все принимай:
И пылающий ад, и сияющий рай,
А судить не берись, коли ты не Всевышний:
Что чужое – не трожь, что свое – забирай.

— Не в обычае благочестивых это – сладкой песней и диковинным рассказом соблазнять чужих мужчин, женщина.

Гневно сошлись брови халифа, а девушка склонилась еще ниже, да только хитро блеснул черный глазок:

— Разве не видишь ты, о мой повелитель, что бог рабе твоей не дал красоты, чтобы мужчин соблазнять?

Не досталась презренной рабе красота:
И лицом не бела, и коса не густа.
Только звонкая лютня досталась бедняжке,
А без музыки жизнь и горька, и пуста.

— Да и лишняя монетка для несчастной большая радость: горсточка орешков в меду, изюма или сушеных фиников.

— И верно: нехороша, — согласился халиф, — любой евнух в моих покоях краше тебя. Но раз уж пришла, потешь меня своим умением, не будет нам беды от этого.

Села Ясмينا, дочка хозяина кофейни, у ног халифа, обняла свою лютню и заиграла. Полилась музыка прямо в душу правителя Мизара, и пропала из души скука, омыла песня струн его сердце – и наполнилось сердце отвагой и гордостью, коснулась ушей – и вернулась в тело прежняя сила. И

рассказала Ясмина о хитром купце и глупом джинне, и о сокровищах древнего царя и городском попрошайке, а потом рассказала о том, как вор у старого богача украл красавицу-дочь, и о том, как появился в Белой пустыне Золотой оазис Беин Рааф, и многое-многое другое. А халиф слушал и удивлялся, и родилась в его сердце великая любовь к некрасивой девушке со сладкоголосой лютней. Прервал он речи рассказчицы и вскричал:

— Никогда я не встречал такого ума у женщины, никогда не слышал столь удивительных речей! Будь моей женой перед Всевышним, о Ясмина, дочка хозяина кофейни у Западных ворот! Весь Мизар будет у ног твоих, все, что хочешь, проси: все теперь твое, а ты – моя.

Запылали щеки Ясины, низко склонилась она перед халифом и попросила:

— Дозволь, о мой добрый повелитель, рассказать тебе в последний раз, и потом уже делай, как знаешь. Захочешь взять меня – буду верной рабой среди твоих невольниц, а захочешь наказать – приму кару со смирением. Ведь не зря сказано:

Ты борись, не борись – от судьбы не уйти,
До рожденья размечены наши пути.
Принимай свою участь с достойным смиреньем,
И поможет Господь тебе рай обрести.

Выслушал Халиф слова девушки и нашел их мудрыми и благочестивыми, и повелел:

— Рассказывай, о любимая, я послушаю. А после, как было условлено, ты останешься в моем дворце, взойдешь со мной на ложе и будешь женой среди моих жен, если Господь не решит иначе.

И рассказала Ясмина такую историю:

«Во времена, когда первый из властителей Мизара (да пребудет с ним благословение Всевышнего) еще не родился и не начал путь великих завоеваний во славу Господа и истинной веры; когда Беин Рааф были дики и кровожадны, и сидели на всех западных путях, и убивали, и брали себе имущество убитых, и ни один караван не проходил мимо, чтобы не быть ограбленным; когда в Поднебесье жили крылатые джинны, могучие и ужасные видом, и Мать всех джиннов правила среди них; была в те далекие времена одна страна, и простиралась она от моря и до реки Азур, и был в той стране старый царь. Имя царя, как и имя страны его, по воле Бога мне неизвестно (а Бог всеведущ, и власть его над людьми нерушима) а дошло до меня, что был тот царь из могущественных колдунов, и наложил он на свою

страну чары такие, что никто не мог стать правителем ни силой, ни хитростью, ни подлым предательством, а только лишь законом и волей самого прежнего царя. И жили в той стране мирно да богато много лет, и были жители веселы и довольны, в ремесле умелы, в торговле удачливы, а в воинском деле беспечны. А еще дошло до меня, о великий халиф, что была у того царя-колдуна жена, юная, как весенний рассвет, прекрасная лицом, как полная луна, с телом мягким, как масло, с кожей нежной, как лепестки бледных роз. Только вложил Творец в грудь ее вместо сердца алмаз, сияющий, твердый и холодный: не знала она любви, оттого и детей у нее не было.

Прошло немного времени, и вот умер старый царь и оставил царство своей лунолицой госпоже, и правила она страной, как умела, и спрашивала, и слушала, и судила, и приказывала, и так было два года. А на третий год подступила к молодой правительнице тоска, и стала томить ее сердце и сушить ее тело, и захотела царица узнать, что это за любовь, о которой все говорят, и стихи слагают, и в песнях поют, а одна она не знает. «Неужели я, молодая и прекрасная, так и увяну, не издав любви?» — думала лунолицая, и было ей горько и страшно от таких дум, и пришло к ней по воле Божьей решение во что бы то ни стало найти любовь.

Вот, когда минул положенный срок скорби по умершему мужу, сняла царица белый хлопок и надела цветной шелк, а потом снарядила три сотни гонцов, и послала во все страны Мира, и велела им нести такую весть, что хочет она снова найти себе мужа, что возьмет любого и передаст ему царскую власть, как положено законом и закланием, чтобы мог ее супруг править страной невозбранно до конца своей жизни. Только желает капризная невеста, чтобы будущий ее муж непременно разжег огонь любви в ее каменном сердце, а иначе пусть уходит, откуда пришел.

Разошлась молва по всему Миру, на каждом базаре каждого города каждой страны говорили об удивительном сватовстве лунолицой царицы. И вот стали собираться к воротам ее дворца женихи – лучшие из лучших, какие нашлись. И были среди них и юные сыны царей, и умудренные годами правители, и знатные купцы, объехавшие весь Мир со своими товарами, и великие воины, завоеватели земель – каждый был наделен от Господа всеми достоинствами: и силен, и смел, и ловок, каждый был хорош собой, умен и богат. И каждый верил, что именно он и станет тем самым, кото-

Проза. Восточная сказка

рый по воле Божьей распалит холодное сердце красавицы. Одни дарили луноликой золото и серебро, жемчуга и дорогие камни, оборачивали ее стан тонкими тканями и пушистыми мехами, соблазняли богатством и диковинной роскошью. Другие грозно звенели мечами, вспоминали о славных битвах, о тяжелых походах, сходились в поединках в честь царицы и клялись ей в верности. Третьи развлекали приятной беседой и удивительными рассказами, возбуждали красивыми словами, нежными да ласковыми, покоряли мудростью и знанием. Но никто не нравился жестокой царице – она только смеялась над каждым и гнала всех прочь.

А среди тех, кто искал благосклонности луноликой, был правитель страны, что лежала по другую сторону реки Азур. И была та страна велика и богата, а правитель был немолод и некрасив, и не хотел он жены по велению своей души и по страсти своего сердца, а был он властен и тщеславен, и желал он повелевать многими землями, и воевал с соседями, и подчинял и захватывал, только не мог захватить страну за рекой Азур, которую хранили могущественные колдовские чары. И тогда решил правитель (а известно, что он был хитер и любил получать все, что ни замыслил) жениться на луноликой и обрести власть над зачарованной страной, как было обещано ее мужу, но только не знал он, как устроить, чтобы загорелось холодное сердце невесты горячим огнем любви, чтобы не прогнала его жестокая царица, как прогоняла всех, кто приходил раньше него.

Так скитался он вокруг дворца, и по улицам города, и по площадям, где шумел великий праздник, и по базарам, где продавали и покупали, и слушал все, что говорили среди людей, и ждал, что Всевышний поможет ему в его деле и пошлет хорошее решение, и стража его была с ним. И вот на одной из площадей услышал он пение воистину удивительное и заслушался, а сам он не любил песен. Но в этот раз не мог хитрый правитель думать ни о чем другом, только внимал музыке и голосу, и стоял так, пока песня не закончилась. А как смолк голос, затихла музыка, начал он искать глазами певца и увидел, что тот молод, и статен, и красив лицом, и наделен совершенством, как никто другой из людей. А еще увидел хитрый правитель (а был он в людях сведущ и умел читать написанное Всевышним в их душах), что имеет этот юноша великий дар от Господа зажигать любовь в сердцах самых твердых и самых холодных, что суровые воины роняют слезу под его песню, а лица скорбных вдов от его

взгляда озаряет улыбка. И понял тут старый плут, как добьется он желаемого и через какие уловки получит луноликую жену и власть над ее страной.

— Эй, юноша, — позвал он певца, — хватит тешить этот нищий сброд. Я хочу, чтобы ты пошел со мной во дворец и спел для своей госпожи-царицы, собирайся.

Но молодой певец только улыбнулся и ответил так:

— Я пою для тех, чье сердце слышит мою песню, для тех, кто плачет и смеется, любит и ненавидит, а у нашей госпожи-царицы, всем известно, вместо сердца камень. Я не буду петь для нее. Ведь не зря сказано:

Кто попросит о песне – тому и пропой,
Песня в горе и в радости будет с тобой.
Но иному что песня, что дикие вопли,
Если сердце не слышит – такому не пой.

Очень рассердился грозный правитель, не было у него в обычае такого, чтобы босоногий мальчишка ему перечил.

— Да как ты смеешь, ничтожный, спорить со мной! Знай, презренный, когда я приказываю, все рады исполнить мою волю в точности, чтобы был я доволен, потому что гнев мой скор, а кара неотвратима. Собирайся!

Но юноша и на этот раз не испугался.

— Я не раб из рабов твоих, — сказал он, — и не можешь ты мне приказывать. А то, что я беден, а ты богат – так перед Богом Всевышним и богач, и бедняк равны, и воля его надо всеми нами, сильными и слабыми, гордыми и робкими, великими и ничтожными, едина: все мы по воле Его родились однажды, а придет час, по Его воле умрем.

Будь ты нищий бедняк или важный купец,
Из единого праха нас создал Творец:
И убогий невольник, и грозный владыка,
Всяк идет из начала, находит конец.

— Иди своей дорогой, добрый человек, а я пойду своей: у нас пути разные.

— Ах, не раб ты? Так будешь рабом! — вскричал правитель страшным голосом: — Эй, стража! Возьмите этого дерзкого, свяжите и доставьте во дворец – хочу сделать подарок дорогой невесте.

Не хотел покориться храбрый юноша, но разве мог он, всего лишь бедный певец, тягаться в силе с лучшими из лучших воинов правителя страны за рекой Азур, которые везде и всюду следовали за

своим господином? Скрутили его стражники, связали и как невольника доставили во дворец. И вот явился хитрец и плут к луноликой царице и воззвал к ней у дверей ее покоев:

— О услада очей моих, повелительница души моей, радость и скорбь сердца моего, выйди ко мне во имя Господа нашего, выслушай ради Его милости! Приготовил я для тебя дар столь драгоценный, что возрадуется твое сердце и отыщет по воле Божьей в моем даре все, к чему стремилось!

Но лукавая красавица встретила его лишь упреком да насмешкой:

— Знаю я ваши дары невиданные, насмотрелась уже! Подаришь ли мне богатства несчетные? Так золотом и камнями я, слава Господу, сама богата, нет счету моим драгоценным нарядам, табуны мои столь велики, что под копытами их гнется и стонет земля, а невольники мои сильны и искусны в делах своих, и число их несчетно. Подаришь ли мне древних мудростей да благочестивых поучений? Так и моих визирей не обделил Всевышний мудростью и благочестием. Подаришь ли мне отважное свое сердце да праведную свою душу? Так солжешь, а я не глупа и не верю пустым словам. Уходи, не тревожь меня напрасно.

Так говорила гордая царица, но сама все больше хотела взглянуть, что же принесли для нее в этот раз. Прошло немного времени, и сказала она себе: «Не будет мне ущерба, если я права и дар окажется скучным, но будет горе и досада мне, если упущу я что-то диковинное» и вышла к хитрому правителю, ведь известно, что Господь создал женщину любопытной и неверной слову.

— Показывай свой дар!

А правитель знал, что нельзя верить женщине, кроме как если даст она клятву перед Господом, а сама верует в Бога Единого, Творца всего Мира, и благочестива, и праведна. И сказал он луноликой царице:

— Помнишь ли ты, о услада очей моих, что обещала взять в мужья того, кто найдет средство разжечь любовь в твоём сердце, каким бы то средство ни было?

— Помню, — ответила царица.

— Верно ли слово твое перед Богом?

— Верно. Клянусь перед Богом, Творцом всего Мира, что будет по слову моему: если разожжет твой дар огонь любви в моем сердце, будешь ты моим супругом, будешь владеть мною и моей страной по праву от сего дня и до самой смерти; а если найду я твой дар скучным и ненужным — прогоню тебя туда, откуда пришел. Давай же свою диковинку!

И тогда махнул рукой хитрый правитель и при-

казал привести пленника, и привели стражники молодого певца и поставили перед царицей на колени. И увидела лунолика, что невольник молод и статен, и совершенен телом, и прекрасен лицом, но голова его опущена, а глаза закрыты, и губы его в крови, а руки связаны.

— Посмотри на меня! — приказала царица.

Поднял юноша взгляд и посмотрел на свою царицу, и наполнилось его сердце великой любовью. И увидела царица, что зажег Господь в душе этого юноши негасимый огонь. И как только искра этого огня упала на каменное сердце луноликой — загорелось сердце. Но не хотела гордая красавица признать, что полюбила нищего раба, усмехнулась она и спросила:

— Что же это за дар, мой дорогой гость? Уж не думаешь ли ты, что любой грязный невольник будет желанен в моих покоях?

— Это не любой грязный невольник, о моя госпожа, и ты сама это знаешь, — ответил правитель страны за рекой Азур, а он был хитер и видел, что произошло у юноши с царицей, — прикажи подать ему лютню и пусть поет для тебя.

И повелела царица развязать своего невольника и промыть его раны, а потом подала ему его лютню и велела петь. И пел молодой певец и о дальних странах, и о родном пороге, и о кровавых битвах, и о великих царях, и о славных героях, и о простых людях. Только о любви не пел.

И слушала лунолика, и светел был ее взгляд, светел, но спокоен.

Надоело правителю ждать, и сказал он:

— О возлюбленная невеста моя, та, что будет женой моей перед Господом, прикажи своему невольнику спеть о любви.

Не хотелось молодому певцу петь о любви, но он был всего лишь бедным юношей, у которого отняли свободу — не смог он послушаться приказа царей. И как только запел он свою песню, упала лунолика красавица и разрыдалась, а хитрый правитель страны за рекой Азур велел готовиться к свадьбе.

Так соединились две страны по берегам реки Азур, и стал ими править хитрый правитель.

А лунолика царица так сильно полюбила своего певца, что удалилась с ним в сокрытые покои, и ничего ей было не нужно — только его влюбленные взгляды и диковинные песни, только его нежные ласки и горячие поцелуи. И так прошел день, и неделя, и месяц, и год. А через год увидела царица, что переменялся ее возлюбленный: хоть и здоров телом, а ликом бледен, хоть и говорит с

Проза. Восточная сказка

ней приветливо и выполняет все по первому слову ее, а песен не поет, хоть и любит ее больше жизни, а нет в той любви радости. И подступила она к юноше с вопросами:

— Что случилось с тобой, мой возлюбленный? Не поселилась ли болезнь в твоём теле, не угасла ли любовь к лунолицой в твоём сердце?

— О госпожа моя царица, — отвечал молодой певец, — утешь свои печали и не думай обо мне: я здоров и силен и люблю тебя всем своим сердцем, как и в первый день нашей встречи.

— Если не болен ты телом, мой сладкоголосый соловей, и сердце твоё по-прежнему полно любовью, почему давно не складываешь ты для меня стихов, почему не слышу я твоих песен? Я скучаю, а разве это хорошо, когда госпожа твоя скучает?

Упал молодой певец на колени, целовал ноги своей госпожи и отвечал:

— Есть у меня стихи, о прекрасная моя госпожа, есть и песни, только не придется они тебе по нраву. Не вели мне петь!

— Велю! — приказала царица, — Бери свою лютню и пой.

Покорился юноша, ведь был он невольником и перечить не смел, взял свою лютню и запел такие слова:

Нет мне места в покоях твоих, госпожа,
Нет мне неба под сводами царских дворцов,
И еда не вкусна, и вода не свежа,
И стихи — не стихи, и любовь — не любовь.

Твои руки — оковы, а ложе — тюрьма,
Поцелуи не греют остывшую кровь,
Я — твой раб, я люблю, но подумай сама:
Если любишь, как раб, разве это любовь?

Разве царская воля упрячет в кувшин
Чёрный ветер пустыни, палящий и злой?
Разве солнце — лампада у ног госпожи?
Разве песня — наложница власти земной?..

Как услышала такую песню лунолицая царица, то страшно разгневалась: оборвала своего невольника, ударила его по лицу и раз, и другой, и вскричала:

— Да как ты смеешь, неблагодарный?! Сто царей стояли у ворот моего дворца и просили моей любви, сто отважных воинов дни и ночи бились между собой ради моего взгляда, сто мудрецов молили Всевышнего о радости говорить со мной! А

Художник Станислав Плутенко

я, да простит меня Господь за мою глупость, все отдала тебе, ничтожнейший раб из рабов моих!

Ничего не ответил молодой певец своей госпоже, опустил голову и молчал, только видела царица, что он тверд и непреклонен и не боится ее гнева. И тогда упала она и стала плакать, и стенать, и вопрошать Всевышнего, за что он дал ей такую боль и такое горе, которое сама же она просила. Жалко стало юноше царицу, что так она убивается от любви к нему, обнял он ее, и ласкал, и гладил, и уговаривал, что нет никого в целом Мире, кто был бы краше и желаннее ее, что в жизни его глаза такой красоты не видели и уж больше не увидят.

И посмотрела лунолицая в глаза своему невольнику, и увидела, что они прекрасны и что все

его речи для нее – истинная правда и Бог тому свидетель и порука. И сказала тогда царица:

— Ты говоришь, что любишь меня, мой сладкоголосый, но просишь освободить и отпустить тебя из дворца, так ли это?

Вздыхнул юноша тяжело, но лгать не стал:

— Так, о госпожа моя царица, я люблю тебя всем сердцем, но доля невольника во дворце твоём и наложника в покоях твоих мне ненавистна, потому прошу тебя: если правду ты говорила и сильна твоя любовь ко мне – отпусти.

— А если освобожу тебя из неволи и отпущу из дворца, вернешься ли ко мне по своему желанию?

Камнем легла печаль на сердце молодого певца, но и второй раз он не стал лгать:

— А если отпустишь, о лунолика, пойдешь ли сама со мной от мужа перед Богом, от богатых покоев, от сладкой жизни и царских почестей? Не пойдешь. Станешь ли спутницей и любимой подругой нищего бродяги? Не станешь. Так и я по своему желанию в неволю не вернусь.

И в последний раз спросила царица:

— А правду ли ты говорил о великой своей любви ко мне? Что не видели глаза твои краше меня никого и что больше никого никогда не увидят?

— И это правда, о госпожа моя царица.

И тут поднялась лунолика царица и посмотрела на своего невольника взглядом сияющим, как алмаз, и как алмаз же холодным и твердым. И приказала она громко, чтобы все слышали:

— Да будет по слову твоему, о любимый мой: пойдешь ты свободно из дворца моего, как пришел, со своей лютней и своей песней, ведь песню у певца отнимет только Всевышний, но глаза твои, что по клятве твоей не увидят никого краше своей царицы, навсегда со мной останутся. Позвать сюда палача!

Как закончила Ясмина, дочка хозяина кофейни у Западных ворот Мизара, свой рассказ и замолчала, поднялся халиф Мизарский, и встал перед ней, и поклонился, и сказал ей:

— Господь наш великий свидетель, истину говорю: не видел я среди жен достойных никого умнее и смелее тебя, о Ясмина! Горе мне, что не был я столь мудр и дальновиден, как подобает халифу великой страны! Прости, о любимая, если я обидел тебя своими неразумными речами и скорыми решениями, а в скорости не всегда есть мудрость и благо. Без страха и волнения можешь ты вернуться в дом своего отца, и будут честь и уважение с тобой, но прежде, чем покинешь ты мой дворец, прошу тебя, выбери награду для себя, какую только захочешь.

— О повелитель мой, — ответила Ясмина, — не нужно мне чести большей, чем та, что ты оказал, слушая меня, и не будет мне большей награды, чем еще раз увидеть тебя, опора Мизара и светоч его!

И услышал это халиф, и возликовало его сердце. И сказал он:

— Достойны твои речи, любимая, а я и не ждал других. Но раз такова твоя желанная награда, позволь я сам что-то выберу для тебя.

Так вернулась Ясмина в дом своего отца с радостью и почестями, с дорогими подарками. А халиф Мизара с тех пор всегда был весел, здоров и бодр. А еще говорят знающие, что стал халиф тихими вечерами переодеваться в платье небогатого купца и проводить время в приметной кофейне, что у Западных ворот – уж больно хороша у хозяйина дочка, Ясмина-рассказчица, вот что случилось по воле Божьей (а Бог знает лучше нас, ибо ничто не ускользнет от ока Его в пределах Мира).

Илинар

Вот уж горе, так уж горе!

— Вот уж горе, так уж горе!
Старый мельник взял да помер...
Сыновей осталось трое.
Вот уж горе, так уж горе...

Старший мельницу захапал.
«Буду мельником, как папа!»
Среднему, по доброй воле,
Дал осла (с намёком, что ли?).

Младшему — наследства вместо —
Подарил меня. Нечестно!
Подарил... из дома, то есть!
Вот так свинство! Где же совесть?

Тут я вспомнил — мне цыганка
Раз гадала спозаранку.
Думал я тогда — всё лажа!
«Ждёт дорога...» Как же, как же!

Я ж ленивый и домашний.
Мне б топчан да миску с кашей.
Но... однако — вот дорога...
Ой, она сказала много...

Буду я ходить, как будто,
В шляпе, в сапоги обутой...
И вдобавок ко всем бедам
Повстречаюсь с людоедом!

Я, конечно, кот. Не «людо».
Ну, а вдруг, я стану блюдом?!
Иль в судьбу не верить злую?
Постою-ка, подожду я...

Вон идёт хозяин новый...
Сапоги несёт?! Да что вы!
Нет! Бежать! Я не бесправен!
Сам судьбы своей хозяин!

— Где же кот? Вот наказание!
Я же помню то гаданье...
«Станешь королю ты зятем...
Будешь и богат, и знатен...

Кот маркизом стать поможет...»
Где же кот?! Кис-кис?! О, Боже!
Нет нигде! Ни на крылечке,
Ни на лавке, ни на печке...

Ни в кустах... ни на заборе...
Вот уж горе, так уж горе!

Когда бежишь от своей судьбы, помни о том, что чья-то судьба бежит рядом с тобой...

Аривенн

Смотри-ка, бежит мальчишка...

Смотри-ка, бежит мальчишка, он счастлив, как сто китайцев, ему сегодня сказали, что этот мир не один. И вот он бежит, сшибая ногами густые травы, туда, где край радуги виден, где мир переходит в мир. Он знает, что, если успеет, сумеет зайти за границу, и травы за ним сомкнутся, а дальше мы поглядим. Но, если в том мире дождя нет или не светит солнце, то путь назад невозможен, и выбор необратим.

Мальчишки не знают страха, для них слова нет «невозможно», и меж двух миров реально прокинуть крепкую нить. Здесь главное, чтобы кто-то тебя ожидал обратно, ведь крепче слова «прощайте», всегда было слово «любить».

Художник Сүгіл Rolando

Томми

Том сегодня грустен: опять не удался вечер,
Уже третий подряд, его засмеют теперь.
Его шаг тяжел, будто небо давит на плечи,
Он к стене подходит и мелом рисует дверь.
Том всегда рисует, когда ему очень больно.
Только двери на стенах уже нежилых домов.
А потом все пальцы стирает себе до крови,
Сияясь их распахнуть в один из иных миров.
После он твердит, что с ним говорили стены,
Они звали его, просили прийти скорей.
Мама плачет и взгляд с мольбой обращает к небу:
«Боже правый, за что ты караешь своих детей?»
Том быть хочет, как все: чтоб тоже его любили,
Чтобы мама не плакала, глядя в глухую тьму.
Но он слышит голос и с ним бороться не в силах,
Он толкает дверь — и дверь поддается ему.
Позже люди напишут: «Том Нельсон навеки сгинул».
Дело будет закрыто, наверное, к февралю.
Мама ходит по городу, смотрит в рисунки сына:
«Томми, мальчик, вернись, я очень тебя люблю».

Танцуют твои драконы

Когда тебе три, ты веришь, что мир огромен,
Уютен, волшебен — за каждым забором сказка.
И ты убегаешь, чтоб встретить своих драконов,
На тот фронтир, где реальность сменяют маски.
Тебе неважно, что за оградой пустошь,
Колючей проволоки рваные километры,
Твои драконы сегодня совсем послушны,
Застыло время, осень не сменит лето.
Когда тебе три, ты не видишь потерь и боли,
И эхо войны до тебя не достанет скоро,
Ты знаешь — мама сверху глядит с любовью,
Застыло время, танцуют твои драконы.

NEAmina

Пушан

От цветов кошачьей мяты пахнет терпко и приятно, в зарослях кошачьей мяты кто-то ходит не спеша... На поляне возле леса нет ни замка, ни принцессы, и не водятся драконы. Там живет один пушан.

Два больших мохнатых ушка, весь — как мягкая игрушка, умный взгляд невинно просит: я хороший, ну, поверь... Выраженье человечесь, только нанести увечья может он вполне зверино, потому что это зверь.

Есть на свете, может, страны, где и водятся пушаны, только здесь совсем не знают про подобного зверька. Просто он пришел однажды по траве сырой и влажной, он пришел и поселился у лесного родника.

Он сноровисто и споро под обрывом вырыл норы, вход и выход хитро спрятав в пышных зарослях травы. Он не виден и не слышен, бродит ночью, ловит мышек, змей кусачих не боится — ест их прямо с головы. За лягушками в болото он выходит на охоту, видно, мясо лягушачье для него деликатес.

Но, как ни был бы он занят, лишь сверкнет перед глазами месяц хитрою улыбкой — и пушан уходит в лес. По песку и мелким ямам устремленно и упрямо, страх загнав поглубже в пятки, пробирается пушан. Через тернии и корни он бежит-спешит упорно. Перед лилией цветущей замирает не дыша.

Звезды свет в ладони лилий до краев почти налили, даже ветер затихает, чтоб его не расплескать. И пушан, шагнув отважно, опрокидывает чашу: серебристый свет стекает по прозрачным лепесткам.

Лилии сияют белым. Звездный свет ползет по телу. Исчезает мех пушаний, начиная с головы, с живота сползают клочья... Происходит что-то ночью под совиное кряхтенье и шуршание травы...

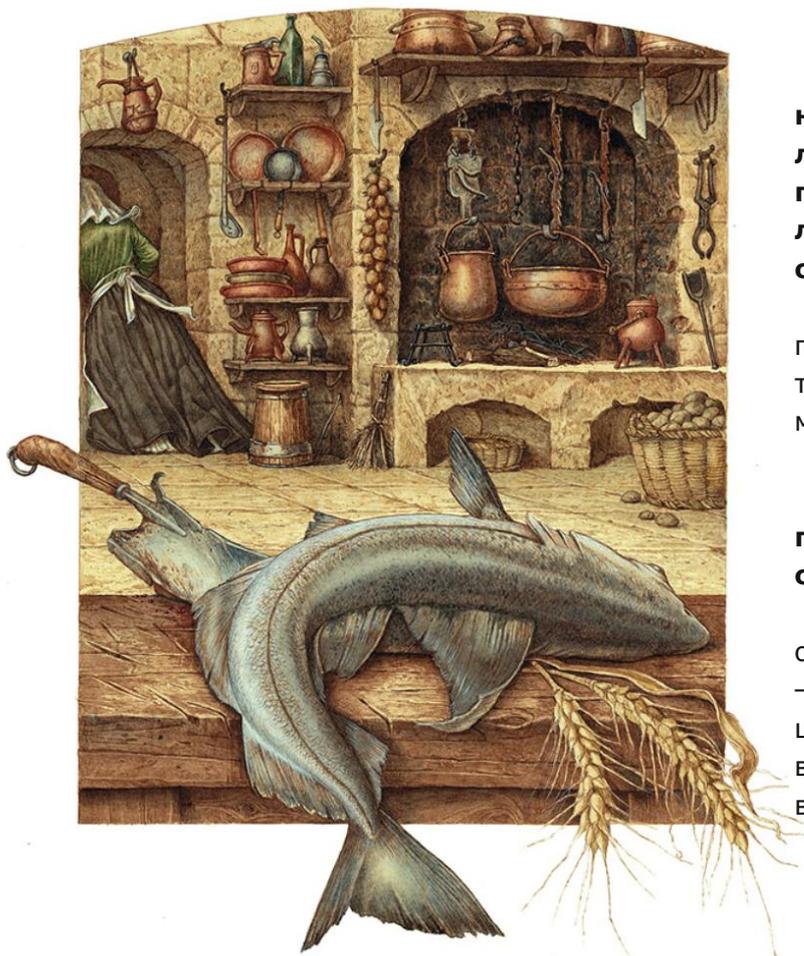
Под пушаньей мягкой шкурой, длинношерстной, рыже-бурой, под уютной легкой шубкой, что мохната и тепла, проступает птичье тело: перья острые, как стрелы, крепкий клюв, два умных глаза, белоснежных два крыла. В лунном свете серебрится, может, зверь, а, может, птица...

Он взмывает над поляной, устремляясь в небеса, улетаая прочь из леса, где нет замка и принцессы, но случается, бывают вот такие чудеса.

Лев Каплан

Лев Каплан - архитектор, профессиональный иллюстратор, арт-дизайнер, член Союза художников земли Баден-Вюрттемберг (Германия).

А ещё Лев "сказочный" художник, автор иллюстраций к книгам "Бременские музыканты", "За 80 дней вокруг света", "Лучшие сказки народов мира" и др.

— Ваши работы привлекают проработанностью деталей и какой-то внутренней теплотой, словно рассматриваешь старинную гравюру, выполненную на современный лад. Как бы Вы охарактеризовали свой стиль?

— Я вообще-то против сортировки художников по стилям, но если уж очень надо, то мне нравится то название стиля, коим характеризуют творчество моего любимого Уайета — «магический реализм».

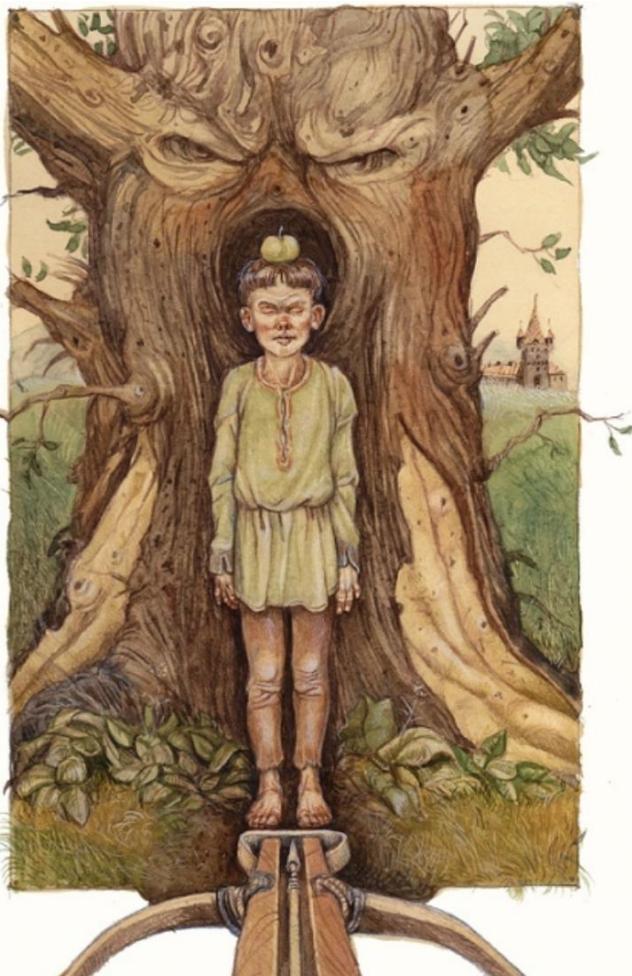
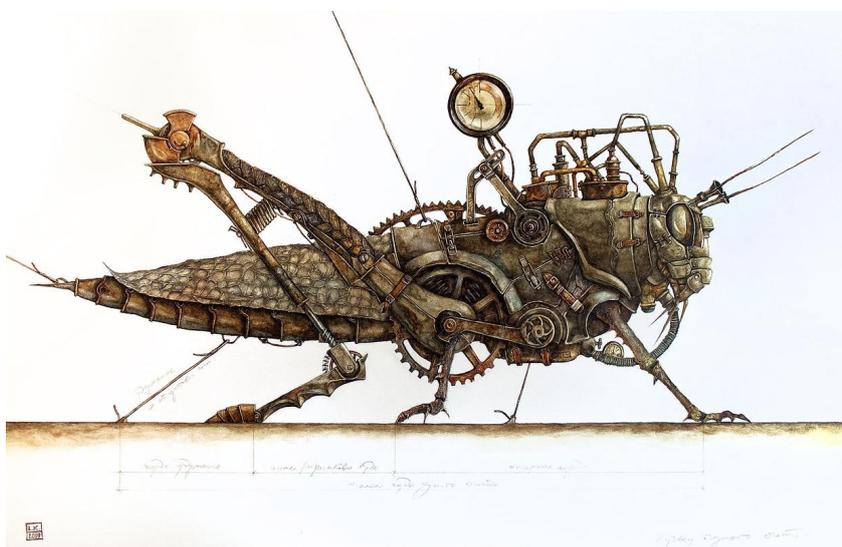
— В какой технике Вы работаете? Вы используете компьютер в творческом процессе?

— Я с красками, техниками, материалами не очень-то экспериментирую. Работаю по старинке — акварелью по бумаге. Иногда использую тушь и цветной карандаш. Единственное, что я взял нового — это акриловая тушь, которая не смывается водой. Поэтому несколько изменилась последова-

тельность работы. Я сначала рисовал тушью, а потом „красил“ акварелью. Ведь когда работаешь с обычной тушью, то сначала используешь акварель, а тушь потом. А так с красками я не экспериментирую, скорее со стилями немножко. Можно сказать, что я более-менее ортодоксальный рисовальщик. Компьютер использую только для поиска материала и для сканирования картинки. А непосредственно для рисования — нет!

— Что побудило вас заняться именно иллюстрацией? Как началось сотрудничество с немецким издательством?

— Иллюстрацией занялся я случайно. На выставке мой знакомый владелец издательства попросил сделать меня иллюстрированную книгу, которой я отнюдь не горжусь сегодня. Но мне это занятие понравилось, и я начал искать издательство, которому подошел бы мой стиль, мое видение текста. Этим издательством стало Thienemann-Esslinger в Штутгарте, и после длительных переговоров мы стали работать вместе. Я очень рад, что работаю с этим издательством.

— Как возникает идея иллюстрации? Делите ли Вы работу на этапы?

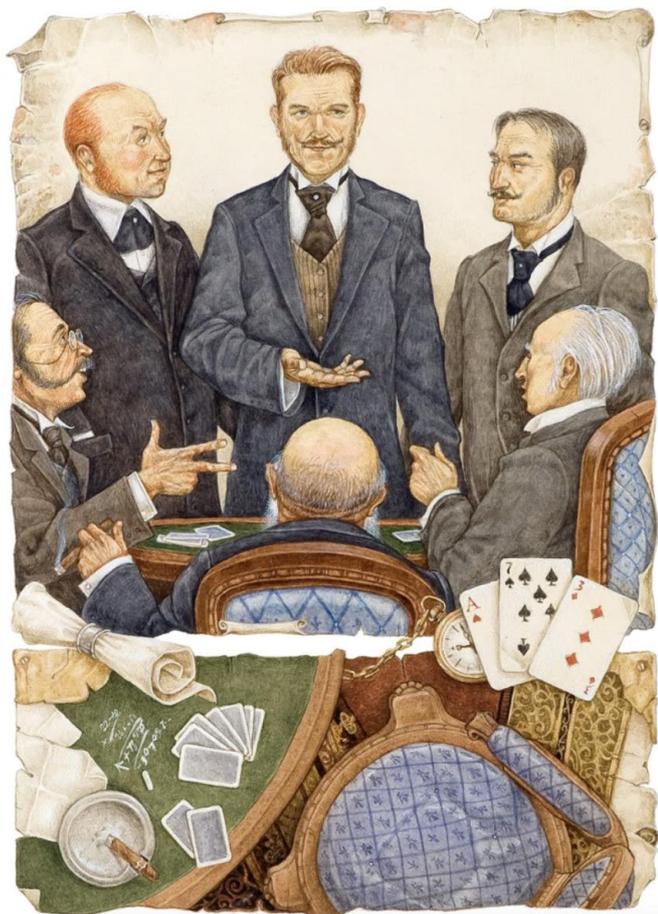
— Идея возникает совершенно спонтанно, ниоткуда. Я просто знаю, что надо нарисовать вот так и все тут. Этапы, конечно же, есть. Концепция всей книги, первые эскизики, поиск материала, отрисовка, так называемый «картон» и чистовик.

— При создании иллюстраций Вы руководствуетесь только внутренним видением или учитываете пожелания редактора?

— Пожелание редактора учитывается только в обложке, как в наиболее коммерческой части книги. В остальном я совершенно свободен.

— Что самое сложное в создании иллюстрации, и какие работы даются Вам наиболее легко. Есть любимые работы? Если да, то какие?

— Самое сложное в иллюстрации это то, что в ней НЕ БУДЕТ нарисовано! Больше люблю иносказательные, сюрреалистические иллюстрации. Стараюсь не делать тавтологий с текстом. Любимая обычно та, которую в данный момент рисую.

— **Что дает Вам именно такой вид творчества?**

— Удовольствие! Ну и в некотором смысле работа над книгами уравнивает не самую интересную работу в рекламе. Ведь делая иллюстрации, я рисую только для себя!

— **Заменит ли в будущем цифровая иллюстрация классическую книжную графику?**

— Трудно прогнозировать. Но, глядя на творчество ведущих иллюстраторов, думаю, что нет. Никто из них не работает в компьютере.

— Как давно вы начали рисовать? Почему именно такой выбор творчества? Хотели бы попробовать себя в чем-то новом? Освоить новую технику или попробовать себя в другой профессии?

— Рисую, сколько себя помню. Собственно, я и так попробовал себя и в архитектуре, и в рекламе (и по сей день на хлеб зарабатываю арт-директорством в рекламе), и в свободной живописи. А иллюстрация — это способ пересказать любимые произведения по-своему.

— Любимые писатели и произведения?

— Сложно... Если говорить о том, что хочется нарисовать, то это Стивенсон, баллады о Робин Гуде, Гауф, Легенды о рыцарях Круглого стола... Что-нибудь рыцарски-кирасное, что-нибудь такое, где можно использовать сюрреализм, вторые и третьи смыслы.

А просто любимые писатели... Много. Вот некоторые из них: Мураками люблю, Литтелл с его «Благоволительницами», люблю легкость Акунина. Кое-что из Пелевина.

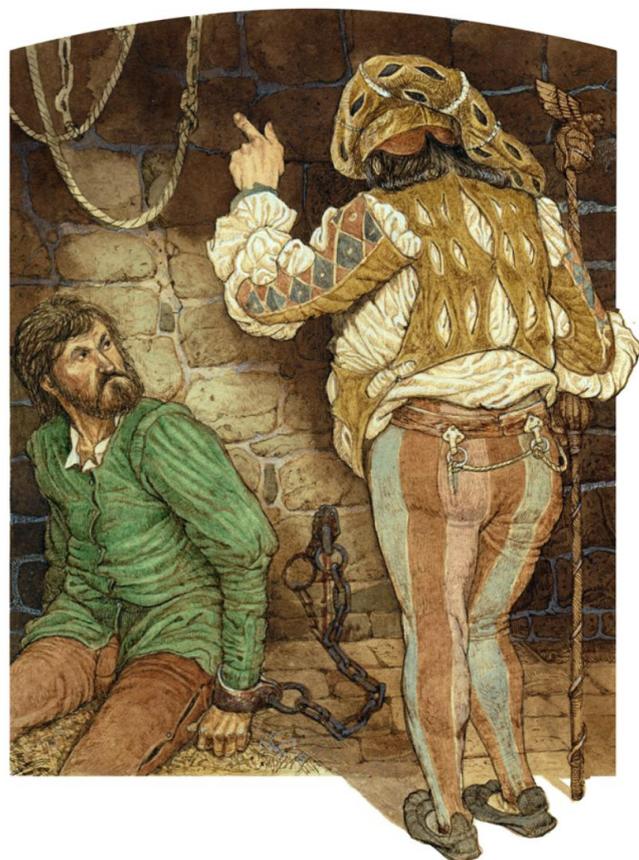
— **Чтобы вы посоветовали молодым художникам, которые только начинают пробовать себя в иллюстрации?**

— Много рисовать и много думать. Не отчаиваться, если не получается. Мастерство определяется количеством выброшенной бумаги. Самый важный инструмент у художника — это все-таки мусорная корзина. И когда они задумывают иллюстрацию или концепцию целой книги, чтобы думать, как уже сказано, не столько о том, что они нарисуют, сколько о том, чего они не нарисуют. Мне кажется, молчание гораздо важнее, чем громкие восклицания. Как-то так...

— **Над каким проектом работаете в данный момент?**

— Сейчас я «он стэнд бай». Программа издательства на 2017 год еще не утверждена. Посему — рано говорить...

Беседовала Ула Сенкович

Художник Лев Каплан

www.kaplan-art.de

eoklap.livejournal.com

Ула Сенкович

writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

Колодец

О, дивный новый мир...©

Новое время пришло не сразу.

В чаще дремучей, в лесу глухом был запечатан колодец сказок, старый-престарый, поросший мхом.

Возле колодца струились тени, сказки бродили по деревьям, пели их стройные менестрели, мягко вплетая в язык огня, струны дрожали, плелись баллады, славный герой побеждал всегда, в пламени юркие саламандры шустро сновали туда-сюда. Добрые сказки, простая мудрость, непритязательный свет чудес...

Только однажды дождливым утром странные люди явились в лес. Воском закалили сруб колодца, сделали крышку из черных плит, не замечая, как сказка рвется, но разбивается о гранит, нарисовали кресты на скалах и убралась не пойми куда...

Лес замолчал.

И чудес не стало.

Сказки развеялись без следа.

Время шуршало мышонком в листьях и родниковой лилось водой. Как-то к колодцу по тропам лисьим вышел однажды старик седой, долго пытался клюкой, руками (клял он кого-то, богов просил) сдвинуть тяжелый гранитный камень. Только на щелку хватило сил.

Плюнул. Ушел.

А сквозь нитку щели вырвался вверх золотистый свет: сказки и песни в лесу звенели после молчания во много лет. Плиты рассыпались мелкой крошкой — между мирами открылась дверь. Мир изменился. Совсем немножко.

Впрочем, меняется и теперь: здесь, у колодца, мерцают камни, дышит туманами серый лес. То, что казалось смешным и странным, — самое верное на земле. Входит открыто и без опаски, слышен реальности тонкий звон.

То, что когда-то казалось сказкой, здесь, у колодца, уже не сон: эльфы в нелепых зеленых шапках, длинные уши и лен волос; странные звери на толстых лапках — мягкие крылья и теплый нос; серый дракон с языком шершавым, морды доверчивых драконят; в теплой земле прорастают травы, корни причудливо льнут к корням.

Все, что когда-то посмело сниться, входит уверенно в этот мир. И, покидая свою криницу, сказки идут говорить с людьми. Кто-то не верит, визжа от страха. Кто-то — напротив — всем сердцем за...

В новой Вселенной плывет черепаха — желтые звезды в ее глазах.

NeAmina

writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Лисовская Виктория

Герда

В снежной, мраморной башне
Заточен на века
Мальчик в белой рубашке
С черным вензелем «К.»

В снежно-мраморных глыбах,
За высокой стеной
Нет ни слез, ни улыбок —
Лишь покой ледяной.

Опускается вечер
На холодный дворец...
Соберешь слово «вечность» —
И надеждам конец.

Ледяные напевы,
Вьюги и холода
У твоей Королевы
Навсегда... Навсегда!

И ни боли, ни грусти,
Только холод и снег.
Нет, она не отпустит,
Ты застынешь навек.

Вновь обманут легенды,
Будет холоден путь...
«Бестолковую Герду
Навсегда позабудь!»

И застынешь, как в коме,
Лед не станет водой.
Но, не помня о доме,
Я пойду за тобой.

За тобой мне не страшно
Уходить на века,
Мальчик в белой рубашке
С черным вензелем «К.»

Питер

Останься навсегда такой,
Мелодией почти неслышной,
Не всеми понятой строкой,
В саду весны цветущей вишней...

Наш остров детства опустел —
Вернись же — и останься прежней!..
Как долго я к тебе летел,
Почти забыв свои надежды...

Но я вернусь. Меня узнав,
Уронишь, вздрогнув, чашку чаю.
Скажу: «Прости, я опоздал...»
...Ох, Венди, как же я скучаю!

Ты не изменишься совсем —
Все та же девочка. И рядом
Со мной пройдешься по росе,
Наш остров обнимая взглядом.

Мы будем пить нектар цветов,
Дождь из бокалов — вместо бренди
В родном краю далеких снов
С тобою, маленькая Венди...

Венди

Как долго я тебя ждала!
Но ты не прилетал, ты медлил...
Ложилась тень на зеркала
Вуалью серебристо-медной.

Ложились тени на цветы
В моем саду. Тускнело солнце.
И детские мои черты
Запоминали горизонты,

Чужие страны, города...
Я улыбалась снам и птицам.
Я не менялась. Шли года.
Вокруг мелькали чьи-то лица.

Я не менялась. Босиком
Я шла по времени осколкам,
Стараясь не смотреть кругом...
А ты не прилетал — так долго!

Но поутру, когда роса
Вновь засверкает, словно жемчуг,
И вспомню я твои глаза,
Ты мне в отчаяньи прошепчешь

Прохладным ветром октября
С того далекого причала:
«Ты повзрослела!» — «Питер, я...» —
«Но Венди... ты же обещала!»

Художник Treasure

RhiSh

Странно-сказочное

Странные сказочки в мире далёких людей
Или теней, холодящих туманное утро,
Странные песни из призраков и перламутра,
Странные сны о домах без окон и огней.

Сердца звенящий и ясно молчащий кристалл,
Свет цвета неба в грозу, что горит, но не греет.
Я наносить тот последний удар не умею,
Я лишь умею не таять средь сотен зеркал.

А разорвёшь — лоскутки станут каплями звёзд,
Не золотых, а сиреневых звёзд полумрака.
Ты не увидишь меня, а я жду только знака,
Ноты, аккорда, молчанья, что это всерьёз.

Где-то в долине вчерашних нестрашных дождей
Я обернусь сероглазым смеющимся ветром.
Чтобы остаться — уйти и быть найденным где-то
В странной истории в мире далёких людей...

Сказка

Сказка, в которую хочется верить,
Сказка о счастье.
Небо, в котором распахнутой дверью
Сердце — на части...

Сказка, к которой так просто стремиться...
Как это просто
В душу с разлету призрачной птицей...
Или уж к звёздам.

Рождество Клотильды Блюм

Радуга

Ночная бабочка уверенно и настойчиво билась в стекло. Мягкий свет абажура холодным осенним вечером приманит кого угодно, но не каждый может позволить себе стучаться в окно непрошеным гостем.

«Ах, если б я могла дотянуться до форточки, то обязательно пригласила бы ее в комнату! — подумала Клотильда о бабочке. — Но, к сожалению, я еще слишком мала».

Клотильда Блюм очень любила этот уютный теплый свет и понимала бабочку. Наконец утихла дневная суета, все собрались вечером за круглым столом, пили чай, о чем-то говорили, а Клотильда наблюдала со своего подоконника.

Однако дневную суету она тоже любила. Тогда ее окружали вниманием, и Клотильда могла наблюдать улицу, где была своя чудесная суета: над клумбами летали бабочки, а с ветки на ветку — птицы. Бодрящий летний воздух струился в приоткрытое окно и наполнял силой и радостью.

Теперь же — осенью — разноцветные листья кружились во дворе в печальном танце, опускались на землю, чтобы отдохнуть и снова затанцевать в паре с неугомонным ветром. Уличная прохлада оставалась за стеклом, и хорошо было пребывать в тепле за толстой портьерой.

Подоконник — отличное место, особенно если учесть то, что Клотильда Блюм была цветком и поселилась здесь недавно. Ее поставили вместо китайской розы, которая перекочевала в огромный напольный горшок и теперь занимала собой почти весь угол за креслом.

Розу так и звали Розой. Она только и смогла представиться, как разговор прервался, и хозяйева унесли ее в угол. Клотильда даже не успела назвать ей свое имя в ответ. Роза вся была покрыта алыми бархатными цветками. Они смотрелись великолепно! Сама Клотильда еще ни разу не цвела, но надеялась, что это скоро случится, и ее цветы будут... ну, по крайней мере, они у нее точно будут.

В доме погас свет, по стеклу забарабанил дождь, и бабочка оставила свои попытки прорваться в комнату.

Клотильда погрузилась в сон. Она предвкушала, как утром ее разбудит первый солнечный луч: осторожно дотронется до стеблей, а затем потянется дальше, проглаживая сонное пространство комнаты. Постепенно дом наполнится движением и звуками, и ее коснется заботливая рука хозяйки.

Прошло совсем немного времени, и свет вспыхнул снова. В доме поднялся шум, хозяйева забегали, загремели ведрами и тазами, даже Розу передвинули в другое место. Клотильда увидела, что на потолке появилась большая серая клякса, из которой непрерывно капала вода.

На кляксу было неприятно смотреть, но все смотрели именно туда. Клотильда почувствовала какую-то смутную тревогу. Ей показалось, что эта клякса явилась в дом отнюдь не для добрых дел.

Так и вышло.

С этого дня, а, вернее, ночи, на подоконнике расположилось гораздо больше вещей и стало тесно. Пятно на потолке расплзлось. От него ста-

ли отваливаться толстые куски штукатурки, обнажая темные деревянные балки. Дыра выглядела зловеще, и на нее не переставали с опаской поглядывать.

Хозяева беспрестанно двигали и переносили куда-то мебель. А когда комната совершенно опустела и вещи с подоконника исчезли, то Клотильда вовсе забеспокоилась.

Сквозь прореху на портьере, которую оставил кот из-за неудачной попытки запрыгнуть сразу на форточку, минуя подоконник, Клотильда увидела, как хозяева выносят из комнаты последний сундук и... Розу!

«О, значит и меня сейчас куда-то отправят», — с волнением подумала Клотильда.

Но дверь захлопнулась, и комнату охватила тишина.

Не та тишина, в которую погружается спящий дом или дом, хозяева которого отлучились ненадолго. Не та — степенная, привычная, навевающая дремоту тишина, а неизвестная, окутывающая холодом и страхом.

Какое-то время Клотильда еще надеялась, что хозяева обязательно вернутся за ней. Но дни пролетали, а никто не приходил. Клотильда Блюм поняла, что осталась одна в пустом доме. Ее просто не заметили за портьерой и забыли взять с собой в новое жилище.

«Что же теперь будет? — спрашивала себя

она. — Ведь я совсем не могу находиться здесь одна! Кто станет ухаживать за мной, поливать? Неужели теперь я погибну?!»

Клотильда не могла себе этого представить. Она была совершенно растеряна.

На деревьях за окном уже почти не осталось листьев, и ветер, от нечего делать, размахивал взад-вперед незащелкнутой форточкой, от чего та издавала тоскливый скрип.

Клотильда ощущала шершавые прикосновения гуляки-ветра, и ее стебли дрожали.

«А вдруг я тоже пожелтею и высохну? — подумала она. — Вдруг так и не увижу своих цветов?..»

— Не понимаю я некоторых, — раздался незнакомый скрипучий голос поблизости.

На противоположной стороне подоконника сидела крупная Муха. Она сосредоточенно терла лапой о лапу и говорила, не глядя на Клотильду:

— Зачем только их держат? Толку-то все равно никакого. И сами-то о себе они позаботиться не могут. Все им дай!

— Это вы о чем? — не поняла Клотильда.

— То ли дело помидор, — продолжила Муха. — И красота в нем, и польза. На солнышке размягнится, соком нальется. Если треснет чуток и подгниет — так один запах чего стоит! Опять же, брось его в компостную кучу — так он сам вырастет безо всякой помощи. А ты, — Муха подползла ближе, оглядывая Клотильду, — сама чего можешь, что пользы-то от тебя?

Это был скорее не вопрос, а утверждение. Муха снова отвернулась и стала ползать по стеклу.

Клотильду немного смутила такая точка зрения.

— Но ведь я домашний цветок. Нас для красоты держат, для уюта...

— Для красоты клумба есть. Хотя в ней тоже проку мало. Сажали б лучше туда капусту — тогда я понимаю. Она тебе и цветок, и польза от нее немалая. А то нарежут ромашек — и в вазу. Они стоят себе, чахнут. Разве что вода в вазе пахнет приятно, если забудут поменять.

Клотильда несколько раз видела цветы в вазе на столе. Поначалу они выглядели живыми и свежими, но через некоторое время опускали головки и теряли лепестки. Смотреть на них становилось грустно. Тогда хозяева уносили цветы, и ваза снова стояла пустой.

— Но зачем же тогда ваза на столе? — спросила Клотильда у Мухи.

— А я почему знаю?.. Тарелка — вещь необхо-

Проза. Городская сказка

димая. В ней есть чем поживиться. В особенности, десертная — там сахару всегда в достатке, даже если помоют.

Муха рассуждала очень уверенно. У нее был несомненный опыт в том, что касалось красоты и пользы. Клотильда не знала, что ей возразить, и потому молчала.

— В этом доме тоже всегда было чем угоститься, а теперь — пусто. Но мне-то что? Зима — время спячки, надо искать угол потемнее, — подвела черту Муха, и, очевидно, удовлетворившись беседой и потеряв к ней интерес, стала лениво летать по комнате.

Клотильду охватило странное чувство. Она никогда не задумывалась о своей полезности. Ей было просто приятно расти здесь, наблюдать за другими, видеть, как заботливо хозяйка поливает ее, осматривает, нет ли поврежденных побегов.

Может, от нее тоже ожидали каких-то питательных плодов или удивительных цветов, а она не справилась? Может, ее спутали с кем-то, высадив в горшке, а затем, разобравшись, решили не брать с собой?.. О!.. Это было бы ужасно! Тогда нет никакой даже самой малой надежды, что о ней вспомнят и вернуться, чтобы увезти отсюда.

Порыв ветра ворвался в комнату, и Клотильда затрепетала от нехороших предчувствий. Она постаралась отогнать от себя пугающие мысли:

«Нет-нет! Я не должна думать о плохом и поддаваться панике. Надо успокоиться и ждать. За мной обязательно придут!»

В таком тревожном ожидании проходили дни. Они были короткими и студеными, а ночами ветер меланхолично напевал за окном. Несмотря на это, а может, как раз из-за этого, Клотильде совершенно не хотелось впадать ни в какую зимнюю спячку, как советовала Муха.

Напротив, она была бодра и полна сил. Ее зеленые побеги разрастались и тянулись вверх. Только вот земля в горшке, пожалуй, стала суховата и нуждалась в поливе. Но Клотильда умела накапливать влагу в стеблях, так что запас у нее еще оставался.

В одно утро она потянулась, расправляя стебельки, и увидела наверху длинноногого паука, который трудился, оплетая угол окна прозрачно-серебристыми нитями. Клотильде понравился этот незамысловатый узор. Особой красоты в нем не наблюдалось, но видна

была прочность и основательность.

— У вас очень складно выходит, — похвалила паука Клотильда. — Сразу видно, что вы мастер своего дела.

Паук на секунду отвлекся, чтобы посмотреть на Клотильду, а затем продолжил работу так же быстро и ловко.

— Конечно, мастер. Я происхожу из древней династии мастеров, — гордо произнес он. — Наш род плел паутины с незапамятных времен. Мастерство передавалось из поколения в поколение. Я унаследовал это ремесло от отца, он — от деда, тот — от прадеда, и так до самого первого нашего предка — основателя рода — великого Арахнобиуса Длинноногого!

Паук снова на секунду прервал работу, но только, чтобы торжественно проговорить:

— Я его прямой потомок — Арахнобиус Тридцать шестой!

— О... — восхищенно протянула Клотильда. — Меня зовут Клотильда Блюм, — поспешила представиться она в ответ именитому собеседнику и с грустью добавила: — К сожалению, я ничего не могу сказать о своих предках.

— То-то и оно. Нынешняя молодежь совершенно не интересуется историей своего рода. Считают себя вправе ругать все старое и отрицать прошлое. А что мы такое без наших предков?

Паук отполз немного в сторону, чтобы окинуть взглядом сплетенную паутину. Клотильда в это время напряженно думала: как же ответить на его вопрос? Что она такое без своих предков?..

Но паук вернулся к работе и ответил сам:

— Ничто! — громко и утвердительно произнес он. — Идти по стопам родителей, продолжать их дело, перенимать их опыт — вот главное, чему надо посвятить свою жизнь. Наш род тянется за нами так же, как эта паутина за мной. Оборви ее намеренно или случайно — и я упаду вниз!

— Ах!.. И тогда вы разобьетесь?!

— Нет, конечно, я не разобьюсь. Мои лапы достаточно крепки. Но разве речь об этом? — паук нахмурился и поглядел на Клотильду.

— О чем же, господин Арахнобиус? — недоумевала та.

— Ты либо глупа, либо слишком молода, — поворчал паук.

Он оглядел паутину и, судя по всему, остался доволен работой. Тогда спустился пониже и назидательно произнес:

— Речь о том, что надо делать дело, сударыня! Дело, начатое и завещанное праотцами. Нет

ничего более важного, чем посвятить себя этому! И не тратить свои дни на бессмысленные забавы: стоять в углу, украсив себя пестрыми одеждами, или глупо чирикать, порхая из стороны в сторону.

Клотильда была озадачена. Она чувствовала, что почтенный Арахнобиус Тридцать шестой говорит очень умные вещи, и с ним нельзя не согласиться. Конечно, то дело, которому надо посвятить себя, должно быть очень важным. Но ей казалось, что дарить красоту и вызывать улыбку — тоже очень важно. Все ее предки, наверняка, были цветами. И что же они могли делать такого важного, о чем она не знала?

— А какие дела можно считать важными, господин Арахнобиус? — решила спросить Клотильда.

— Только те, которые приносят пользу, — ответил паук.

— Да-да, я уже слышала об этом, — подтвердила Клотильда, вспоминая разговор с Мухой. — Но я пока еще не знаю, какую бы пользу могла принести кому-то...

— При чем здесь кому-то? — перебил ее паук. — Я говорю о пользе самому себе. О своей личной выгоде. Я и мои предки плетем паутину не для кого-то, а для себя. Чтобы обеспечить себя жильем и пропитанием. Мы не заботимся о том, чтоб она кому-то нравилась. Но мы делаем ее крепкой и надежной. Только это дает уверенность в завтрашнем дне и спокойствие. Все остальное — ерунда!

Клотильда собиралась еще расспросить паука, но он вдруг резко обернулся и помчался вверх, к своей паутине. В этот момент там отчаянно билась знакомая Муха, которая все еще была озабочена поиском угла для зимней спячки и нечаянно попала в паучью сеть. Арахнобиус Тридцать шестой подскочил к своей пленнице, и та тут же затихла и повисла на паутине.

Клотильда не хотела больше туда смотреть. У нее испортилось настроение и пропало желание говорить с пауком.

Дни тянулись за днями, а Клотильда Блюм так и оставалась одна в покинутом доме. Земля в горшке стала совсем сухой, и надежды Клотильды угасали.

«Если бы от меня была хоть какая-то польза, — думала она, — или мои цветы украшали бы комнату, то хозяйева обязательно вспомнили бы обо мне. А так... Я никчемное, никому не нужное создание, которое не в состоянии даже позабо-

титься себе. Значит, мне суждено высохнуть и умереть здесь, на этом подоконнике, в совершеннейшем одиночестве».

Под тяжестью таких мыслей побеги не хотели тянуться вверх и стали клониться, понуро свисая с горшка. Клотильда больше не радовалась редким солнечным лучам, заглядывающим к ней в окно. Ее настроение было таким же унылым, как песня ветра за окном. И ее абсолютно не взволновало, когда в одну из ночей эта песня стала слишком громкой и ворвалась в дом через открытую форточку вместе с колючим зимним дождем.

Вода просачивала землю, омывала стебли, скатывалась частыми слезинками с кончиков листьев, а Клотильда думала о том, что ей все равно как умереть: раскиснуть под проливным дождем, высохнуть или замерзнуть.

Как-то, очень ранним утром, Клотильда проснулась от того, что на улице было необычайно светло. Деревья, кусты и вся земля побелели и затихли. Солнце игриво разбрасывало блики, и все пространство за окном искрилось в ответ.

На форточке сидела птица и бодро чистила перышки. Одно из них — крохотное, ярко-синее — опустилось прямо на Клотильду.

— Это перо похоже на приветливое зимнее небо, такое, как сегодня, — задумчиво сказала Клотильда.

— Да, — подтвердила птица. — Цвет перьев дал мне имя Синица.

— А я Клотильда Блюм. Еще недавно была домашним цветком. Теперь — сама не знаю кто я...

Синица склонила голову на бок и удивленно посмотрела на нее:

— А что с тобой случилось?

— Хозяйева оставили этот дом и меня вместе с ним, — равнодушно проговорила Клотильда.

— Ты выглядишь довольно неплохо для заброшенного цветка, Клотильда Блюм, — сказала птица.

И в самом деле, стебли были налитыми, сочно-зелеными и смотрели кончиками вниз уже не от слабости, а от того, что удлиннились и сформировали упругие, изящные дуги.

— Наверное... — сказала Клотильда. — Но я нахожу свое существование бессмысленным.

— Пожалуй, — согласилась Синица. — Какой может быть смысл, если ты зависима от прихоти своих хозяев и не обладаешь свободой? Я бы ни за что не согласилась жить под чьей-то крышей и не иметь возможности летать в бесконечном небе, когда захочу.

Художник Argentum Agata

Клотильда вспомнила, что в первые дни, как только она поселилась на подоконнике, рядом с ней стояла клетка с канарейкой. Ей приносили пищу, меняли воду, а она великолепно пела, приветствуя ласковое солнце за окном. Но потом канарейку перенесли в другую комнату, и уже оттуда доносился ее переливистый голос. По правде говоря, канарейка казалась вполне счастливой.

— Скажите, Синица, а вам не бывает холодно? — поинтересовалась Клотильда, которой было немного зябко.

— Сейчас нет. Но когда становится холодно, я летаю и согреваюсь. К тому же, голод не даст мне засидеться и замерзнуть. Я должна быть в движении, если хочу выжить.

— Но разве не лучше жить в тепле и знать, что о тебе позаботятся?

— И быть всего лишь забавой для кого-то?! Фи! — возмущенно чирикнула Синица. — Да это худшее, что только можно себе представить! Уж лучше переносить холод и голод, чем вести сытую и никчемную жизнь. Трудности закаляют и делают нас сильнее, а уютная клетка мне не нужна. Я точно померла бы в ней от скуки и тоски.

— Мне трудно возразить на это... — вздохнула Клотильда.

— А ты не печалься, — подбодрила ее Синица. — Возможно, тебе еще повезет.

Клотильда покачала стебельком:

— Ох... я уже и не надеюсь, что хозяева вернуться за мной...

— Я о другом, — сказала Синица. — Быть может, ветер разобьет это дурацкое стекло и вытолкнет тебя отсюда прямо на клумбу. Вот тогда и ты узнаешь, что такое настоящая жизнь. Желаю тебе, чтоб это поскорей случилось! — прокричала она, отлетая на самую верхушку старого клена.

Клотильда проводила Синицу взглядом и ничего не сказала в ответ. Ее охватили грусть и отчаяние: слова птицы проникли в самое сердце.

Скорый зимний день сменился ночью, луна разлила повсюду голубоватое сияние, но Клотильда, томимая печалью, не замечала ничего вокруг.

«Настоящая жизнь проходит мимо, а мне не суждено узнать ее, — думала она. — Разве что ветер поможет вырваться из западни, в которой я очутилась. Но это вряд ли произойдет до того, как

я умру здесь... Ах! Если бы я могла выбраться отсюда сама! Ну почему я не лиана? Тогда бы мои стебли ухватились за оконную раму, проползли вверх к форточке и оказались бы на свободе!»

Где-то глубоко внутри что-то билось, клокотало и просилось наружу. У Клотильды было такое чувство, будто от корней до самой верхушки ее переполняло что-то неведомое ранее, нечто такое, что вот-вот готово прорваться и выплеснуться. Стебли стали набухать на концах и, утяжеленные, клонились вниз сильнее, чем прежде.

Так продолжалось всю ночь, последующий день и снова ночь... Клотильда словно пребывала в лихорадке. Она решила, что пришел ее конец, и мысленно прощалась со всем миром.

А под утро третьего дня, когда небо посерело, Клотильда обнаружила, что из аккуратных зеленых бутонов на верхушках стеблей кое-где робко проклевываются цветы.

Поначалу это очень удивило и растрогало ее. Цветы были чудо как хороши: из удлиненной беловатой чаши расходились венчиком нежно-оранжевые лепестки, внутри которых капельками малиновой росы виднелись сердцевинки.

Она на некоторое время даже замерла, оторопев и любуясь цветами. Но вскоре оглядевшись вокруг, затосковала и поникла.

«Кому теперь нужны мои цветы?! Зачем нужна красота, которую никто не видит?!» — недоумевала Клотильда Блюм.

Оливер очень устал сегодня. Несмотря на Сочельник, работать пришлось допоздна. Высоко поднятый воротник старенького драпового пальто не больно-то спасал от холода. Оливер, вжав голову в плечи, торопился домой по заснеженной улице, где редко проскакивали такие же съезженные прохожие.

Сегодня рождественский ужин. Его наверняка заждались мать и младшая сестренка Бетт. Оливер был доволен тем, что в этом году, благодаря его стараниям на новой работе, удалось скопить немного денег, и праздничный стол украсят запеченный карп с черносливом и миндальный пирог.

Когда до дома оставалась пара кварталов, Оливер замедлил шаг. Он так замотался в последние дни, что постоянно откладывал покупку подарков. В итоге совершенно забыл о них.

«Господи, какой я болван! — в сердцах выругался он. — Как же я явлюсь в Сочельник с пустыми руками? Мама и Бетт расстроятся, хотя и не подадут виду... Они уж точно приготовили мне что-нибудь на Рождество...»

Оливер остановился в раздумье.

«Время позднее. Лавчонки тоже спешат к рождественскому столу, поэтому вряд ли стоит рассчитывать найти что-нибудь стоящее в тех малочисленных сувенирных лавчонках, которые еще открыты. Да и беготня займет кучу времени. А сестра с матерью, небось, ждут не дождутся... Что же делать?..»

Оливер стоял посреди улицы, соображая, как ему поступить дальше.

Окна домов приветливо светились в темноте. За ними слышна была предпраздничная возня, детский смех, разливались песни уже успевших глотнуть вина гостей и хозяев.

Только в одном неприметном домишке напротив, похоже, никто не жил. Его окна были пустыми и темными. Скрипучий фонарь на столбе качнулся от ветра и махнул лучом света в сторону нежилого дома. Оливеру показалось, что в одном из окон он увидел нечто странное. Он подошел поближе: так и есть — в окне пустой комнаты стоял одинокий роскошный цветок.

«Какая находка! Это как раз то, что надо!» — обрадовался Оливер.

Без труда найдя нужную комнату, он взял горшок с цветком с подоконника. Расстегнув пальто, осторожно прикрыл нежные лепестки от мороза и заспешил домой.

— Мамочка, посмотри какое чудо принес наш Олли! — радостно заверещала Бетт.

— Бог мой! Это рождественник очень редкого окраса! Где ты его нашел, сынок?

— Скорее, это он меня нашел, — улыбнулся Оливер.

— Значит, в новом году тебя непременно ждет удача, — ласково проговорила мама и поцеловала его в щеку.

— Надеюсь, что удача не обойдет всех нас, мам, — сказал Оливер. — Давайте-ка за стол. Я замерз и страшно проголодался!

Радуга

writercenter.ru/profile/Raduga/whois/

Художник Argentum Agata

writercenter.ru/profile/argentum/whois/

Новогоднее желание парасольника

Гринь Ульяна

Корнея укачивало. Самым непотребным образом. И ведь не пожалуешься, не спросишь совета — стыдно перед коллегами! Для парасольника эта болезнь из разряда профнепригодных. Спишут ещё по медицинским показаниям, отправят в бюро ключником или в гараж утильщиком... А ведь вся его жизнь здесь, на колёсах, в троллейбусе, прыгающем по устланной снегом мостовой!

Зорким глазом он отметил оставшийся на сидении бумажник. Симпатичный, дешёвенький, в полоску! Небось, студент посеял. От молодёжь! Раззявы! Корней зашаркал между ногами пассажиров, скользя по мокрому полу, к переднему сидению. Лёгкое движение рукой — и морок скрыл бумажник от взглядов. Корней никогда не использовал грубые методы. Никогда в жизни не воровал вещи, как делали это некоторые недобросовестные коллеги! Его орудием всегда были мягкое убеждение и ненавязчивый суггест. Нет здесь бумажника. И никогда не было. Вам показалось, женщина! Не достанется никому трофеем, кроме Корнея!

Троллейбус заскрипел, затормозив на остановке, зашипел пневматикой дверей, и Корней шмыгнул под сидение. Сапоги и ботинки замелькали перед глазами, вынося торопившихся

хозяев на выход. Сейчас схлынет толпа и можно будет взять кошелёчек. Поиграть, посмотреть, что там внутри, а в конце дня на место положить. Чужого ему не надо, да и зачем? Деньги парасольникам ни к чему, им отличную зарплату выдают каждый месяц — болтиками, гаечками, прочим металлом. Половину Корней прячет в заначку, на старость. А на другую половину выменивает у рыночных семечки и орехи. Великий Бог Бензина знает, зачем этим селянам металлолом, но дают они за него прилично, лучше, чем в официальной скупке. Семечки вкуснее желудей и каштанов в разы!

Бумажник он схватил вовремя: чей-то объёмистый зад тяжело плюхнулся на сидение, которое в ответ только жалобно скрипнуло. Сунув кошелёчек за пазуху, Корней довольно улыбнулся. Не только из-за добычи — он увидел, как напротив села маленькая девочка в пушистой белой шубке и смешной шапочке с ушками. Не удержавшись, он приветливо помахал ей лапой из-под сидения, и девочка ответила тем же. Толстая, с вечно озабоченным лицом, нервная мама тут же шикнула:

— Маша, кому ты машешь?!

— Там дядя смешной под ногами! — радостно ответила девочка, косясь на Корнея.

— Перестань! Нет никакого дяди под ногами!
— женщина принялась раздражённо перевязывать дочке шарфик. — Вечно ты выдумываешь!

— Там дядя! — заупрямилась Маша. — И я даже знаю, как его зовут!

— Глупости какие! Как же его зовут?

— Корней! Как Корней Чуковский! Вот! — торжественно прозвенел голосок, и пассажиры вежливо заулыбались, снисходительно глядя на мамашу с выдумщицей-дочкой. Корней тяжело вздохнул, выбираясь из-под ног. Привычно навёл морок на девочку, чтобы все вокруг думали, что она молча и послушно смотрит в обледеневшее окно, и вскарабкался рядом с ней на потрёпанное сидение:

— Привет, Маша!

— Почему она мне не верит?! — обиженно протянула девочка. — Я же не вру! А она тебя не видит!

Корней пожал плечами. Как объяснить пятилетнему ребёнку, что взрослые разучились видеть домовых, рыночных, парасольников. А дети ещё могут, по чистоте и простоте душевной, наверное. Но этого он Маше говорить не будет. Потому что через год она пойдёт в школу и перестанет его замечать.

— А что у тебя в сумке? — любопытно спросила девочка, стараясь заглянуть в пухлую торбу, сделанную из старого кожануха от автобусного мотора. Корней показал, не скрывая своего улова:

Художник Лев Елена

Проза. Городская сказка

— Две газеты, пачка сигарет и зонтик!

— Ух ты! — Маша захлопала в ладоши восхищенно. — И как туда всё поместилось?

Корней с усмешкой добавил бумажник к прочему богатству:

— Не знаю. Сумка волшебная, как ты думаешь?

— Волшебная, на все сто! — убежденно заявила Маша. — Мне бы такую!

— Когда-нибудь и у тебя такая будет, — пообещал Корней. — Ты новую сказку в садике выучила?

— Нет, — опечалилась девочка. — Я болею. Мы в больницу едем, а в садик я не хожу.

— Машунь, ты выздоравливай! — тревожно попросил Корней. Ему нравилась бойкая малышка, она всегда рассказывала ему стишки и сказки, скрашивая серые, скучные рабочие будни. Он вообще любил болтать с детьми, хоть какое-то развлечение! А Маша три раза в неделю ездит на его троллейбусе, почти своя уже стала.

Мама потянула девочку за руку:

— Пошли, выходим! Чего интересного такого в окне увидела?!

Маша улыбнулась Корнею, шепнув заговорщицки:

— Скоро обратно поедem! Пока!

Он только проводил её взглядом до дверей и вздохнул. За работу! Ну-ка, что там оставили в салоне граждане ротозеи? Эх, перестало бы тошнить, всяко было бы лучше!

На этот раз улов был побогаче: роговые очки, небольшой потёртый мобильник и маленький мальчик, сидевший на задней площадке. Он неотрывно смотрел в окно, цепляясь худенькими ручками за поручень сидения впереди. И он был совсем один.

За всю свою долгую карьеру Корней видел только двоих забытых в троллейбусе детей. Они плакали навзрыд и просились к маме. Этот малыш сидел смиренно, словно и не потерялся, словно так и было надо. Нестриженные светлые волосы топорщились во все стороны, одежда была не по сезону, пятна по брючкам и рукава свитера лоснились на локтях. Неухоженный мальчик. Где же его неразумные родители?

По мановению лапки редкие пассажиры крепко-накрепко забыли о мальчике. Корней легко вспрыгнул на сидение рядом с ребёнком и осторожно тронул его за плечо:

— Ты потерялся?

Мальчик вздрогнул, оборачиваясь, и бросил на него испуганный взгляд. Вжался в угол. Тихо

спросил обречённым голосом:

— Вы меня заберёте?

— Куда? — растерялся Корней.

— Мамка сказала: «Оставлю его в троллейбусе, пусть кто-нибудь заберёт!» — кротко ответил мальчик, косясь исподлобья. Синяя жилка на его виске билась быстро-быстро, и Корней ощутил, насколько ребёнок напуган. Покачал головой:

— Не буду я тебя забирать! Лучше расскажи мне сказку.

— Я не знаю сказок, — пробормотал мальчик, снова уставившись в окно. Корней удивился. Не знающий сказок ребёнок? Такого не бывает!

— Хочешь, тогда я расскажу тебе сказку? — неожиданно для самого себя предложил ему Корней. Он никогда ещё никому не передавал те истории, которые сам жадно слушал урывками. Мальчишка несмело кивнул, поглядывая на Корнея блестящими глазами.

— А как тебя зовут? Меня Корнеем.

— Петя я.

— Ну слушай. Жил да был однажды мамонтёнок...

— А кто это? — перебил мальчик.

— Детёныш мамонта, — пожал плечами Корней.

— Я никогда не видел мамонта, — с застенчивой извиняющейся улыбкой ответил Петя.

Корней махнул рукой:

— Я тоже. Неважно! И у него не было мамы...

— А как же он родился? — задал вполне резонный вопрос Петя.

— Ну-у... Как-то родился, раз про него сказка!

Корней наморщил лоб — и правда! Почему он никогда не спрашивал об этом у Маши? Надо будет уточнить этот момент!

— Ты это... Ты не перебивай, а то я никогда не закончу! — досадливо фыркнул Корней. — А у меня, между прочим, полно дел!

— Извините, пожалуйста, — тихо ответил Петя, и парасольник откашлялся:

— Значится, так. И вот ходил он по всему тролл... по земле и спрашивал у зверей, может, они его мама... Мамы, то есть.

— И нашёл? — с надеждой воскликнул мальчик, но тут же испуганно зажал рот ладошкой. Корней сделал вид, что не заметил, и продолжил:

— Ни одна зверюшка не была его мамой. Но мудрый тюлень подсказал ему, что нужно искать маму далеко, на другом троллей... в смысле, континенте, вот!

Художник Лев Елена

Петя молча слушал с горящими глазами.

— Мамонтёнок тогда сел на льдину и поплыл по морю далеко-далеко! И нашёл маму, только не настоящую, а похожую на него...

— Вот бы и мне так... — задумчиво протянул Петя.

— Что именно? — не понял Корней, весь в переживаниях за мамонтёнка.

— Найти похожую на меня маму!

— И где ты собрался её искать? — усмехнулся Корней. — Мамы так просто на улице не стоят. Наверное... И что делать с твоей собственной мамой?

— Я ей только мешаю, — сгорбившись подобно маленькому старичку, прошептал Петя. — Она кричит и бьёт чуть что. Может, она хотела, чтоб меня новая мама забрала в троллейбусе?

Он пытливо глянул Корнею в глаза, но парасольник не знал, что ответить. Не по этим делам он тут приставлен. За вещами следить — да, воришек неуважительных наказывать — да, а вот потерявшимися детьми заниматься — это уже милиция должна! Или...

— Вот бы тебе в Новогодний экспресс попасть! — пробормотал Корней сам себе. Смутная идея забрезжила в голове, настолько дикая, что он аж удивился. С чего это вдруг? Жалко стало мальчишку? Так он ведь даже не нечистик, а человек, с людьми браться не дело! Недолго на особо умных с разными приборами напороться! А за это по головке не поглядят. Сослать могут в депо списанного транспорта, ржавые остовы охранять!

Проза. Городская сказка

Но идея уже ворочалась между извилин и загнать её в угол почему-то не получалось. Ну что ему желать на Новый год?! У него всё есть. Каморка в депо, работа, зарплата... Правда, семьи нет, но это дело наживное, это годик подождёт! А вот пацану можно загадать найти новую маму, это как бы срочно. Совпадение, что его оставили в троллейбусе Корнея! Или не совпадение? Может, так решил Хозяин Жизней?

В любом случае, просто так ничего не случается, Корней знал это абсолютно точно! И встретить мальчика с желанием в канун Нового года, перед самым концом смены, незадолго до отправления Поезда желаний — это, знаете ли, уже знак!

Поэтому Корней не стал раздумывать, а сказал Пете обнадеживающим голосом:

— Ты меня тут дождись, никто тебя не заметит и не заберёт, а потом мы пойдём на поклон к начальнику поезда!

До конца смены оставалось полтора часа. И два до свистка, с которым уйдёт экспресс. Они должны успеть! Иначе Корнею придётся ждать целый год, а Петю надо будет вернуть старой маме или сдать в милицию...

* * *

Троллейбус шёл в депо. Корней поманил рукой Петю, послушно сидевшего у окна, и сказал негромко:

— Сейчас водитель откроет дверь, надо выскочить, пока он её снаружи не закрыл! Сможешь?

— А если он меня заметит? — расширил глазёнки, испугался мальчик. Корней поудобнее устроил лямку сумки на плече:

— Не боись! Здесь не заметит! А вот от троллейбуса придётся драпать!

Петя кивнул, сжав кулачки и сосредоточенно сопя. Похоже, пацан готов на всё, чтобы найти новую маму! Значит, уже полдела сделано, как любила говорить бабушка Корнея, а уж она была мудрой старушкой.

Они оба выскочили из двери под самым носом у водителя. Если тот и заметил мальчика, то ничего не сказал, а Корней потянул Петю за руку по натопанному снегу к станции метро. На метро получится намного быстрее!

Люди шли и шли вереницей через турникеты, бросая в них жетоны, а строгая тётенька в форме сидела в будочке и внимательно следила за

проходящими. Корней самолично видел, как она шуганула подростка, который хотел проскочить без оплаты. Да уж, тут Пете ничего не светит! От слова "совсем". Но придумать что-то надо, иначе Новогодний экспресс уйдёт без них!

Минуты тянулись, долгие и печальные, как мысли Корнея, часики тикали, тикали, как вдруг парасольник заметил маленькую фигурку в зелёном, обвешанную разноцветными бусами и перьями. Патлатый сморщенный человечек, невидимый прохожим, сидел на турникете верхом, болтая ногами и мурлыча заунывную песню. Шуршунчик! Именно он-то им и нужен!

Шепнув Пете ждать у будочки и не двигаться, Корней приблизился к турникету, ловко избегнув ног спешивших людей:

— Эй, псст! Парень! Поди сюда!

Шуршунчик скосил на него глаза и протянул лениво:

— Чего надо, дядя?

— Дело есть, — увернувшись от толстой спортивной сумки, проскрипел Корней. — Важное!

Подземник не спеша спрыгнул с турникета, подошёл. Глазки его, маленькие, непонятного цвета, наполовину скрытые под набухшими веками, блеснули с интересом:

— Давай, колись, что за дело!

— Видишь пацана?

Корней указал на взволнованного Петю, переступавшего с ноги на ногу за стеклянной будкой. Шуршунчик кивнул.

— Надо его в метро провести, а жетон, сам понимаешь, купить не на что.

— Угу. А зачем ему в метро?

— На Новогодний экспресс спешим, — Корней даже смутился перед подземником, таким нелепым ему показалось предпринятое путешествие. Впрочем, шуршунчик не очень удивился. То ли был от природы нелюбопытен, то ли не вмешивался в чужие дела. Оценивающим взглядом он обвёл турникеты, будку, прилегающее к ним пространство и весело подмигнул Корнею:

— Окей, дядя, готовься, а как махну — пли!

— Куда пли? — не понял Корней.

— На станцию! — шуршунчик, закатив глаза, покрутил патлатой башкой и нырнул под турникет. Корней кивнул, досадуя на свою недогадливость, и вернулся к Пете.

Долго ждать не пришлось. Молодая женщина в сапожках с высокими каблуками внезапно вскрикнула посреди турникета и завизжала,

повалившись вперёд. Следующий за ней парень в наушниках от неожиданности забыл приложить карту к считывающему устройству, решив помочь девушке встать. Турникет, естественно, равнодушно кинул его в бока тяжёлыми створками, на что жертва отреагировала возмущённым воплем с громкими матами. Ругалась и упавшая девушка, когда к ней бросилась тётка из будочки, чтобы выяснить причину, и в этот момент Корней услышал пронзительный свист. Шуршунчик весело махал рукой с другой стороны от турникетов. Корней подтолкнул Петю:

— Давай! Бегом!

Мальчишка сорвался с места, как ракета, и шмыгнул мимо старичка с раскрытым пенсионным удостоверением, аккуратно между будкой и турникетом. Чуть на патлатого весельчака не налетел, но тот вовремя отскочил к стене и, вспрыгнув на деревянные перила, с улюлюканьем съехал вниз.

Корней поспешил за ними, и отдышалась вся компания только на станции. Шуршунчик хлопнул Петю по плечу:

— Добро пожаловать в Минский метрополитен!

— Спасибо, братишка! — с чувством сказал Корней, пытаясь отдышаться, ведь уже не мальчик для таких пробежек. — Дальше мы уже сами!

— Ну давайте, — хмыкнул шуршунчик. — Если кобольт привяжется, скажете, от Мишеля, со спецразрешением!

Он отвлечённо поправил многочисленные бусики на груди и уточнил:

— Мишель — это я.

— Спасибо, — снова поблагодарил Корней, слегка отодвигаясь от шуршунчика. Странный народец! Выпендрёжный...

Гулко грохоча колёсами по рельсам, к станции подкатил поезд. Мишель помахал рукой:

— Ну всё, чао, дядя! Я пошёл наверх.

Корней быстро потащил Петю к вагону. Мальчик мелко дрожал всем телом. На вопрос Корнея — почему, ответил тихо:

— Я никогда не ездил в метро...

— Ничего, Петя! Я тоже никогда! Зато будет, что вспомнить на старости! — подмигнул ему Корней.

Путешествие прошло удачно. Кобольт — вредное и придирчивое существо, обитавшее в туннелях метро и часто хулиганившее в вагонах по рассказам коллег, — не привязался и даже не показался. Поэтому до нужной станции Корней с Петей доехали без приключений.

Новогодний экспресс был ещё на месте. В самом центре города, на площади со статуями, старинный паровоз с огромной трубой и вереницей синеньких вагонов был невидим для всех, кроме тех, кто имел право подняться внутрь. Домовые, подъездные, рыночники, транспортники, в одиночку и с семьями, все те, кому пришёл по мышинной почте заветный билетик, уже заняли свои места. Лохматые и гладко причёсанные головы в шапках и без них выглядывали из всех окошек, знакомые перебрасывались шутками и прибаутками, делились впечатлениями рабочего дня, а кто-то весело напевал новогоднюю песенку. Корней глубоко вздохнул пару раз и, крепко сжав Петину руку, решительно двинулся к высокому представительному начальнику поезда, чья красная фуражка маячила в голове состава. Ох, не согласится, как пить дать! Наругает и прогонит прочь!

— Прохор Власыч, доброго вам вечера! — даже голос у Корнея осип от переживаний. Начальник поезда обернулся. Улыбка блеснула в его выцветших голубых глазах, а седые бакенбарды встопорчились солидно:

— Благодарствую, Корней, и тебе того же.

— Я тут, батюшка, это... Вот... — Корней прочистил горло и продолжил: — С ходатайством!

— Слушаю.

— Вот если билетик мне пришёл, а желания нету, могу ли я его кому другому отдать?

Начальник поезда удивлённо вскинул кустистые брови:

— Разумеется! Со своим желанием ты волен делать, что хочешь!

Корней выдвинул из-за спины вмиг застеснявшегося Петю:

— Вот! Вот ему можно? Моё желание?

Прохор Власыч вздрогнул, прищурился, словно не веря своим глазам, потом наклонился к самому Петину лицу, чтобы лучше разглядеть. А когда выпрямился, от его возмущённого вида Корнея словно обдало ледяным душем.

— Да ты что же это?! Ведь... Это же человек!

— Прохор Власыч, кормилец! Он ещё совсем маленький! — заторопился Корней. — Человечек ещё! Он через год-полтора нас забудет навсегда! И нас, и поезд, и всё это...

— Ты мне тут демагогию не разводи! — обычно доброе лицо начальника поезда преобразилось от сердитых морщин. — Это грубое нарушение взаимодействия с миром людей! Да за такое... За такое знаешь, что бывает?!

Художник Лев Елена

— Прохор Власыч, батюшка, ну ведь жалко же мальчишку! Он маму хочет найти, новую, настоящую!

Начальник поезда, словно лишившись дара речи, воздел руки к чёрному вечернему небу, где светилась полная морозная луна, окружённая стайками звёзд. Но небо не поддержало его. Как и пассажиры из вагона. Толстенная домовичка в бабьем платке высунула круглое румяное лицо из окошка и тоненьким голоском протянула:

— Прохор Власыч, Новый год же! Позволь, а? А уж мы смолчим! Никто и не узнает!

— Точно, смолчим! — пискнул рядом смешной лысый ключник с пухлыми щеками младенца. — Неужто жалко желания на мальчика?!

— Да вы не понимаете! — возмутился начальник поезда. — Вы же не просто нарушаете! Вы создаёте этот, как его? Прен-цен-дент, во!

И он ткнул указательным пальцем в небо. Петя храбро выступил вперёд:

— Извините! Корнея не надо ругать! Это всё моя вина.

Прохор Власыч поперхнулся и снова глянул на мальчика сверху вниз. А тот шмыгнул носом, вытер его потрёпанным рукавом и тихонько закончил:

— Мне, правда, очень сильно нужна мама.

Начальник поезда с минуту смотрел на Петю сощуренными глазами, словно взвешивал все «за» и «против». Принять решение ему невольно

помогла стройная высокая проводница, видимо, из ведьмочек, которая устала ждать:

— Прохор Власыч, свисток давать будете или всю ночь тут простоим?!

Начальник поезда очнулся от раздумий и всё ещё сердито погрозил Корнею пальцем:

— Смотри! Под твою ответственность! Ежели хоть одно слово об этом услышу! Хоть одно! Раз в жизни! Сам знаешь, что с тобой сделаю!

— Прохор Власыч, батюшка родненький! — сам не свой от счастья, Корней схватил его за руку и потряс в благодарном пожатии. — Да никто! Никогда! Ни Петя, ни я!

— Ни мы! — пропищала домовичка из вагона.

— Ну тогда в путь! — бакенбарды на лице начальника поезда вновь добродушно разгладились. Достав из кармана белый свисток, он из всех сил дунул, и над площадью вскриком пронеслась резкая трель, слышная лишь магическому народу и голубям.

— По вагонам! — Прохор Власыч подмигнул Пете. — Не забывайте загадать желание! А ты, Корней, загадаешь для подопечного!

Вдвоём они устроились на лавке, где уже сидели толстенькая домовичка и лысый ключник, и Петя тут же прилип к окну. Поезд вздрогнул, шумно вздохнул паром из-под локомотива и медленно тронулся, покатил прямо посередине проспекта, увозя пассажиров прочь из города, в новогоднюю ночь. Снег падал крупными, тяжёлыми хлопьями, запорашивая всё вокруг белым покрывалом праздника.

* * *

Ерофим прислушался к ветру, завывавшему за окном, и покачал головой. Вот лихо лихое! Зовут! В новогодний вечер да ещё в такую погоду! Да не самого, а с молодухой. Она-то зачем?

Он тяжело поднялся с коврика у камина, потревожив спавшую рядом овчарку, и сипло крикнул в комнату:

— Марфа! Марфа-а! Идти мне надобно!

— Куды эта? — матушка-домовичка появилась в зале, сжимая в руке недовязанный шарфик, другой поправляя узел платка под двойным подбородком. — Куды в ночь-та?

— Зовут, — Ерофим многозначительно поднял палец вверх, указывая в потолок. Марфа поняла без слов, тяжело вздохнув, и закачала головой:

— Што ж за наказание?! В новогодний праздник! Не могли каво другога заместо тебя?

— Желание у каво-та исполнилось! Хозяин Жизней чать поумней нас будет! От молодуху только ташшыть жалостно...

— Ой, да ей полезность одна от прогулок, — усмехнулась матушка и похлопала по морде собаку: — Иди-кась, Рексик, попросися на двор!

Овчарка лизнула Марфину руку, которая была ровнёхонько втретью меньше узкой морды, и послушно поднялась с коврика, потрусилась в прихожую. Ерофим одобрительно кивнул жене и поплёлся за псом. Вот и повод нашёлся! Марфа голова, задарма что женского полу!

Надев тяжёлый тёплый тулуп, Ерофим прислушивался к разговору в зале.

— Что-то мне беспокойно, Коль! И детей уже смотрела, и вспоминала, что забыла сделать, а вот зудит и зудит в груди...

— Успокойся, Валечка! Всё в порядке, никто ничего не забыл, сейчас котлеты из духовки вытащим и начнём праздновать!

— Не знаю я... Не знаю... Глянь! Рекс на улицу просится! Пойду-ка его прогуляю!

— Долго не ходи! Слышишь?! Снега навалило по самые уши! И шапку не забудь!

— Не забуду, я быстренько!

Полная румяная женщина, как звали её домовички «молодуха», выскочила из зала, принялась натягивать на ноги сапоги, выуженные из длинного ряда детских сапожек, попутно успокаивая поскуливающего Рекса:

— Идём, идём! Вот, уже, минутку!

Втроём они вышли на крыльцо. Пёс запрыгал по сугробам, натянув поводок, а Ерофим поёжился от порыва морозного ветра и нахлобучил на уши мохнатую шапку. Прислушавшись к шелесту чёрных веток, решительно потопал на восток, подзывая Рекса. Тот потянул молодуху в нужном направлении, к околице посёлка.

— Што за подарок с полей? — проворчал Ерофим, обходя наметённые за день сугробы. Рекс трусил рядом, высунув язык и выпуская из пасти клубы белого пара, точно локомотив. Время от времени он поворачивал морду к Ерофиму, словно спрашивая — куда дальше? Домовичок, не сбавляя шага, бросал взгляд на чёрное небо, и звёзды качались согласно — туда, туда! Ну туда так туда!

Ерофим заметил их издалека. Две маленьких фигурки: только у одной длинная сивая борода, а у другой гладкое круглое личико. Парасольника Ерофим узнал по большой сумке и вязаной шапчонке, этот народец не обнажает голову даже

летом! Откедова тут транспортник? Автобус в посёлке один, и своего парасольника все знают. А этот чужой, городской, похоже...

Молодуха тоже заметила стоящего мальчика и прибавила шагу, спросила громко:

— Ты чей же будешь? Чего один по темноте гуляешь?

Он с опаской покосился на Рекса и робко ответил:

— Я ищу новую маму.

Молодуха заахала, заохала, присела возле мальчишки и принялась расспрашивать, попутно растирая его красные, замёрзшие ручонки. Ерофим степенно обратился к сопровождающему:

— Здравствуй! Из города, што ль?

— Да вот, Новогодний экспресс нас сюда привёз, — хмуро ответил парасольник. — Я Пете новую семью пожелал.

— Ну тогда прошу пожаловать к нашему двору!

Ерофиму стало уже совсем всё ясно. Хозяин Жизней никогда не промахнётся! Уж как запульнёт подарком, так чисто в нужное подворье!

— Корней, — представился парасольник.

— Ерофим, — пожал протянутую ладонь домовичок. — Давай-ка поворачивать к дому, как раз к столу и поспеем!

— А она не прогонит Петю?

Корней бросил взгляд на молодуху и вовремя. Та схватила мальчишку в руки и понесла домой, то и дело подзывая бегающего по снегу Рекса.

— Куда ей?! Всё, теперь, считай, свой стал! Двигаем и мы, — Ерофим хлопнул городского по плечу. — Уж сегодня ты у нас в гостях! Марфа нам сообразит закусь со стола, а подворный обещался самолично берестяной бражки нагнать!

— Спасибо, — улыбнулся сквозь бороду парасольник. — Не помешаю ли?

— Да ты што! У нас же семейный дом для ребятишков, служили б мы тамочки, ежели б нам гости мешали?!

— Ну тогда с удовольствием! — согласился Корней, поспешая за Ерофимом. — Давно я Новый год в компании не встречал!

* * *

Парочка с маленьким ребёнком устроилась на заднем сидении троллейбуса. Крошечную девочку в кружевном белом платьице держал папа, потому что к маме на колени она бы не поместилась. Помешал бы большой, туго обтянутый яркой майкой живот. Корней улыбнулся уголками рта. Дети! Они будут всегда, радостные, любопытные и открытые, с чистыми искренними душами. Ему никогда не придётся скучать!

Девушка поправила вязаный беретик на голове дочки и проворчала:

— Вот надо было этому гадёнышу въехать нам в зад! Теперь трясись на троллейбусе через целый город...

— Машунь, ну потерпи чуть-чуть! — отозвался парень. — Я папе Коле звякнул, одолжит нам машинку.

— Незаменимый папа Коля, — усмехнулась Маша. Корнею её добрая улыбка показалась до боли в сердце знакомой. Девочка, смотревшая на него уже несколько минут, весело засмеялась и помахала ему пухлой ручкой:

— Смешной дядя!

— Где дядя? — удивилась девушка. — Там тётя, Варенька!

— Дядя с бородой! — упрямо подпрыгнула на коленях у парня малышка. Её родители переглянулись, а Корней забрался на сидение

напротив и принялся играть с девочкой в прятки. Она радостно подхватила, то закрывая ладошками круглое личико, то отнимая их и весело хохоча.

— А у дяди есть сумка? — неожиданно спросил парень.

Варенька кивнула:

— Большая сумка! С зонтиками!

Маша прищурилась, глядя на мужа:

— Петь, какая ещё сумка? Да выдумывает она всё!

— Она играет с парасольником, — улыбнулся парень, и Корней едва не заплакал от нахлынувших вмиг воспоминаний. Мальчик Петя, брошенный нерадивой мамашей в троллейбусе, их путешествие в Новогоднем экспрессе, девочка Маша, которая долго болела и не ходила в садик... Вот как бывает в жизни! Иногда они возвращаются! И иногда даже помнят незаметного парасольника.

Варенька в последний раз открыла личико и любопытно спросила:

— А как тебя зовут, дядя?

— Корней, — тихо ответил он.

— Корней, — вместе с ней задумчиво пробормотали оба родителя в один голос.

— Расскажи мне сказку, — попросил он, украдкой вытирая выступившие на глазах слёзы. И девочка послушно начала:

— Это сказка про найденную маму! Жил-был маленький мамонтёнок...

Гринь Ульяна

writercenter.ru/profile/Jujuka/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Трёхцветное счастье

Армант, Илинар

— У-у-у... — плачет ветер.

— Ш-ш-ш... — шепчет дождь, — тишшше... разбудишь...

Мушка поднимает голову, прислушивается, но всё тихо. Она вздыхает — ей всё это просто приснилось. Сон был такой хороший, что Мушка зевает и снова уютно сворачивается клубочком. Но уже не спится, и она начинает старательно вылизывать шёрстку.

— Смотри, какая трёхцветная! Бери, ведь почти задаром. Такие счастье приносят, — знакомые руки отрывают её от мамки и кладут в морщинистые ладони.

— Счастье, говоришь? — смеётся старушка. — Какое-то уж больно оно маленькое да худое.

А чуть позже эти, незнакомые пока руки, куда-то её несут — перед глазами мелькает зелёное, синее, пёстрое...

— Мя? — она с любопытством смотрит на старую женщину. — Мя-я? — повторяет чуть протяжнее. Кругом столько незнакомых запахов, но нигде не пахнет молоком.

— Есть хочешь? Какая же ты маленькая. Как есть — муха. Вот и буду тебя Мушкой звать.

"Мушка-то Мушка, — вспоминает она, — зато мышей исправно ловила... А теперь и мыши редкость..."

А мысли текут дальше, только не вперёд, а назад.

— Это ты куда это смотришь? — удивлённо спрашивает хозяйка. — Вроде бы и не летает никто. И что ты там видишь?

А она тогда увидела. Что-то серое, пушистое, с большими глазами.

— А-а-а, — протягивает старушка, — да ты никак Хозяина узрела. Федю, как я его зову. Так ты его не бойся — он добрый. Мы с ним давно живём в мире и согласии. Вот даже и имя ему дала, — старушка вздыхает и смотрит на пожелтевшую фотографию на стене — на ней изображён бравый солдат.

— Погодите, сейчас я вам обоим молочка налью, — хозяйка идёт на кухню и появляется с двумя блюдами. То, что поглубже, ставит перед Мушкой, а второе уносит в уголок и задвигает глубоко под тумбочку, — кушай, Феденька. Смотри, какого я тебе зверя принесла.

А Мушка не боится, ей просто любопытно, и она смотрит — будет он пить молоко или нет? И видит, что не пьёт, будто нюхает, а глаза сами, как блюда — довольные и вроде бы добрые.

«Ничего, — думает Мушка, — подружиться!»

И подружились.

Хозяин-то, он тоже ночное создание. Бабушка спать ляжет, и у них сразу начинается веселье. Мушка ловит лунного зайчика или тень от ветки, а Федя в ладоши хлопает и смеётся. Только смех у него особый, будто мебель старая трещит.

Старушка не слышит их возню, спит.

"Хорошо было", — вздыхает Мушка, заканчивая свой туалет.

Хозяйки нет уже полгода. И дом никому не нужен. Дом на отшибе. Родных у старушки не было. Какие-то люди забрали её и увезли куда-то.

Мушка, конечно, Хозяйку будила долго, и Федя тоже разбушевался. Всё стучал и стучал. Потом соседка одна заглянула, которая часто приходила к Хозяйке в гости. После этого и увезли.

"Хорошо было..."

Хозяйка вечерами пила с соседкой душистый чай, а Мушка дремала на сундуке и слушала их разговоры. Послушать их было интересно. Кошки-то всё-всё понимают. Только речевой аппарат у них другой, поэтому не могут поддержать разговор. И Федя тоже слушал, но Федю никто не видел, кроме Мушки.

Художник Эмиль Ларионов

Проза. Городская сказка

Оставшись вдвоём с Федей, Мушка не раз ругала себя, что перестаралась с мышами. Её же тогда кормили, а мыши были просто забавой...

И теперь ей приходилось время от времени бегать к магазину. Далековато, конечно. Но несколько раз она сопровождала Хозяйку, дорогу запомнила. Ведь у кошек очень хорошая память.

Мушку тоже запомнили. "Это не та ли кошка, которая жила у Никитичны?.."

Мушка садилась у магазина и терпеливо ждала. Впрочем, не очень долго. Добрые люди есть везде, и перед ней обязательно кто-нибудь клал еду. Мушка ела неторопливо, с достоинством — всё-таки она не уличная кошка. У неё и Хозяйка была, и даже целый дом есть.

А Федю никто не кормил. Федя дом оставить не может. Мушка звала его, но она ведь кошка, а не человек. А Федя мог уйти только за человеком.

Слышал он ещё от своего деда, что дом старый можно бросить, если дом опустел, но для этого нужно, чтобы кто-нибудь пришёл и позвал тебя за собой.

"Изменились времена, — вздыхает Федя, — сейчас, небось, о таком никто и не знает... Вот и придётся мне здесь с Мушкой жить. А потом одному..."

Когда старушка была жива, то он считал себя Хозяином, но теперь всё чаще вспоминал её, как Хозяйку.

— Плохо без Хозяйки, — говорит он Мушке.

— Плохо, — соглашается Мушка.

Давно они уже не веселятся.

— Смотри! Какой старый дом, — слышат они женский голос. Мушка и Федя вздрагивают, — в таких домах точно водятся домовые, — голос молодой, весёлый, — а у нас никого нет. Даже тараканов. Мне бабушка рассказывала, что домового можно самим завести. Например, найти старый дом, как этот, и позвать за собой. Только я маленькая тогда была, все слова позабылись...

— Какая разница! — шепчет с надеждой Федя. — Ты просто позови и всё! Просто позови...

— Только домового нам не хватало, — это уже другой голос, мужской, — тебе соседней сверху мало?

Женщина смеётся. Теперь они видят их. Как раз проходят мимо окна. Мушка чихает. Занавеска очень пыльная.

Но вот женщина останавливается, и Федя слышит заветные слова:

— Домовой, домовой, пойдём с нами! — и пусть она снова смеётся, но заветные слова сказаны!

Федя ковыляет к двери и серым невидимым комочком подкатывается к ним. Следом за ним бежит и Мушка. Сердце её колотится.

— Федя, — зовёт она домового, — Федя! А как же я?!

— Ой, смотри, кошка! Вот тебе и домовой! — мужчина наклоняется и проводит рукой по её спине. Мушка мурчит и трётся об его ноги, выгибая трёхцветную спинку.

— Возьмите и меня, — мурчит она, — я же трёхцветная, я счастье приношу.

Женщина ахает, отстраняет Мушку ногой и сердито говорит, отряхивая мужчине брючину:

— Смотри! Ты же весь в шерсти!

Они уходят. Втроём. Мушка смотрит им вслед:

— Как же так? — удивляется она. — Разве вам не нужно счастье?..

А мужчина на брюках уносит крупницу этого счастья — три шерстинки: белую, чёрную и рыжую.

Мушка возвращается в дом. Где-то что-то шуршит. Но это не Федя. Федя ушёл. Мыши, наверное. Но ей сейчас не до мышей...

Ах, какой же хороший был сон! Во сне она гонялась за клубком, а Хозяйка вязала и время от времени сердито прикрикивала на неё. Но Мушка понимала, что это лишь для проформы. А Федя незаметно распутывал нить, если она слишком увлекалась...

Мушка снова сворачивается клубочком и засыпает.

— У-у-у, у-у-у... — плачет ветер...

— Ш-ш-ш, — шепчет дождь, — тишшше... пусть поспит...

Армант, Илинар

writercenter.ru/profile/Armant/whois/

Художник Эмиль Ларионов

writercenter.ru/profile/Armant/whois/

NeAmina

Ворон

Смыкает сон мои ресницы. Постой, мгновенье, не спеши. Сегодня мне приснится птица как воплощение души. Она шагнет из отражений, из неподвластных нам миров...Немая грация движений, и невесомое перо.

Придет пора определиться — судьбы сплетётся полотно, и вот журавль или синица с тобой сливаются в одно. Течет огонь, вскипает воздух — тебя меняет время сна. Но стоит лишь померкнуть звездам, ты вылетаешь из окна. И, в свете солнечном купаясь, ты пьешь волшебное тепло... Прекрасный лебедь... Белый аист. И только мне не повезло.

В ту ночь ко мне явился ворон, придя из зеркала во сне, он взял меня почти измором, и я пылал в его огне. Проснувшись, я еще не верил, что ворон создан для меня, но руки обнимали перья — как будто черная броня. Звенело утро птичьим хором: друзья на встречу собрались.

...И вот огромный черный ворон взлетел и камнем рухнул вниз. Я доверху был полон горем, своей отчаянной тоской...Я ворон! Я зловец и черен! Я совершенно не такой, как все мои друзья-подруги, как мама с папой и родня...Позор! Позор по всей округе... Мир отречется от меня! Так лучше сам, пока не поздно, пока хватает куража...

Я не упал — сгустился воздух и на ладонях удержал.

Бежать, отбросив прочь сомненья!... Изгнание — вот, что ждет меня!

Но замер...

Люди на колени упали, головы склоня.

И угасали разговоры, лишь шепот стлался по земле:

«Пришел Король. Владыка-Ворон... Впервые за сто тысяч лет...»

NeAmina

writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Декабрь. Трамвай. И Луна...

Валеев Иван

Трамвай был сегодня задумчив...

Нет. Не так. Говоря по совести, конкретно этот трамвай был задумчив уже целую неделю. Он задумчиво бродил взад-вперед по маршруту номер двадцать семь, забредая иногда в совершенно неожиданные места, о которых и не подозревал, останавливался в задумчивости на своих — и чужих тоже — остановках, открывал, чуть помедлив, двери и впускал очередную порцию пассажиров. Пассажиры же, возможно, не понимая толком почему, старались вести себя чуть потише и не забывать оплачивать проезд. А трамвай закрывал все свои двери, аккуратно встряхивался и ехал дальше, то и дело поглядывая на небо.

Эту неделю он все время поглядывал на небо.

Хотя смотреть там было особенно не на что. Небо уже неделю было затянуто скучно-ровным одеялом серых мрачных туч. Без единого просвета.

Всю неделю.

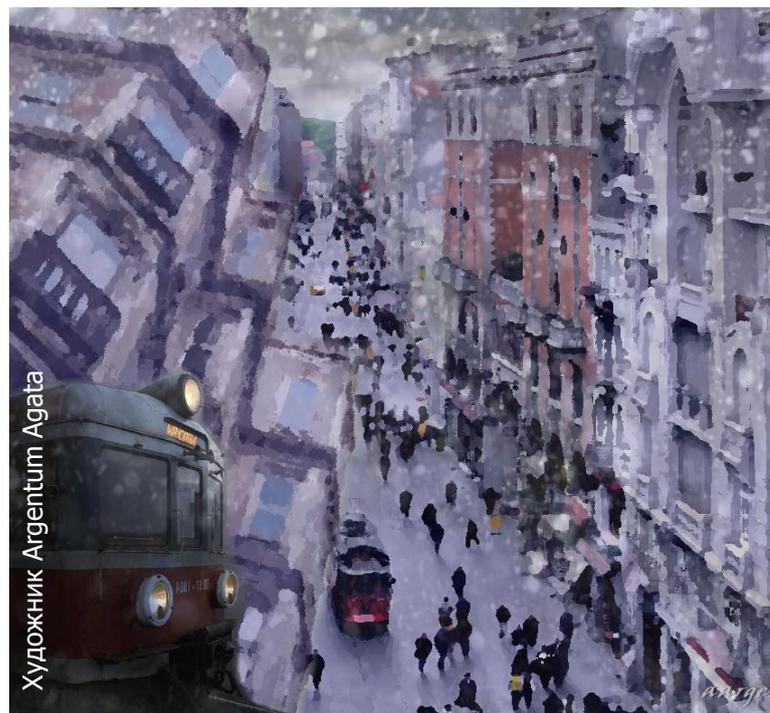
Кому интересно смотреть на серое одеяло? Да еще целую неделю? А тем более что темнеет в наше время года рано до безобразия. Так вот помотришь вокруг: вроде бы уже и темно, и спать надо, а часы говорят — шесть двадцать восемь вечера.

И давай дальше бегай под наброшенным на город одеялом.

А трамвай чего-то ждал. Уже неделю. Ждал да поглядывал на небо, где не было видно сейчас ни Луны, ни звезд. Ну, за звезды могли, допустим, сойти фонари в парке. А Луна? Куда без нее-то?

Скучно без нее. Никуда такое небо не годится. Только что укрыться им и спать. До весны. Но с такого неба может пойти дождь. А дождь — это мокро, противно, и опавшие листья уже не шуршат, а липнут, и провода от него искрятся. Укрывайся, кому охота...

Трамвай свернул к парку, подъехал к остановке и остановился. Несколько человек вышло, но никто почему-то не вошел. Наверное, возможные пассажиры тоже не любили вероятный дождь и предпочитали оставаться дома.

Художник Argentum Agata

Двери закрылись, и трамвай побрел дальше. Нет, не похожи фонари в парке на звезды. На фонари они похожи. А вот интересно...

Тут трамвай даже притормозил. Потому что, ну... В общем, интересно, как выглядят эти тучи сверху?

Он снова осторожно встряхнулся. Внутри, не считая вагоновожатого, было всего человек восемь. Но вагоновожатый, кажется, дремлет, а остальные... Ладно, до следующей остановки — а там посмотрим.

Приняв такое решение, трамвай приободрился и лихо подкатил к следующей остановке. Вышли пятеро. Не вошло никого.

Сейчас или никогда.

И он, перебирая своими колесами, начал осторожно взбираться все выше, и лишь подобравшись к тучам, спохватился: а чем же он будет их резать? Чем вообще режут одеяла? И зачем?

Ладно, решил он, прорвемся. Не впервой. Кажется.

Внутри туч было серо и сыро. Откуда-то справа раздавалось гудение самолета, и трамвай искренне посочувствовал коллеге-перевозчику: ну надо же, день за днем бродить туда-сюда в этом киселе — никому не пожелаешь. Он даже хотел окликнуть собрата по несчастью, но передумал. Не мешай водителю.

Потом самолет улетел, и трамвай остался один. Он взял еще чуть круче вверх, стараясь не растрясти пассажиров, обогнул пару подвернувшихся воздушных ям — вокруг одной местные дорожные рабочие уже успели расставить предупреждающие ограждения, зато вторая нахально лезла прямо под колеса, пришлось уворачиваться — после чего...

После чего тучи кончились, и наступило небо. Теперь под колесами замершего от неожиданности трамвая было огромное, серое, начисто лишённое рельсов комковатое плато, а над головой — звезды.

И Луна.

Наконец-то!

Луна, тоже в большой задумчивости, смотрела вниз и пыталась, видимо, уразуметь, куда это подевались смешные, перемигивающиеся друг с другом огоньки, к которым она уже успела привыкнуть за столько лет.

И невозможно было понять по ее лицу, обрадовалась ли она появлению трамвая или нет, да и заметила ли она его вообще.

— Эй, Сереж, ты где был?

— А?..

— Ты спишь, что ли?

— Я... Кажется, угу...

— Ты где был, говорю?

— А я не... Подожди, так ты ж за мной должна ехать?!

— Вот я и говорю — где был-то?

— Да нигде, Валь... Куда я мог...

— Ладно, пойдем чайку попьем... Нет, тебе, пожалуй, лучше кофейку, да?

— Смотри, а снег пошел...

— Так декабрь же, елки зеленые.

— Они всегда зеленые.

— И с шариками.

Валеев Иван

writercenter.ru/profile/jbазis/whois/

Художник Argentum Agata

writercenter.ru/profile/argentum/whois/

На своём месте

ОскарOVA Надежда

Как большинство приземлённых созданий, я предпочитаю смотреть вверх. Для этого даже не нужно поднимать голову. Небо — витраж из лазури и ультрамарина в окантовке чёрных проводов. Дальше — занавес ярких листьев на узловатых верёвках тополей. Следом холод и ветер. Ниже — я.

Мы стоим на кромке тротуара, красный глаз светофора не скоро сменится зелёным. Если парник сделает несколько шагов назад, сольюсь на асфальте с тёмным треугольником крыши, стану невидимой. И сейчас от меня всего половина... Как же хочется, чтобы он сделал эти несколько шагов! Шепчу: "Отойди, отойди..." Шелестит по тротуару сухой лист, мы отступаем к дому, я исчезаю. Мгновения свободы. Отрываю ступни от парника, кручусь во все стороны. Недалеко, всегда боюсь потеряться... Жаль, интересного вокруг мало, только следит в окно серый кот. Раскланиваюсь, он презрительно щурится. Котам достаточно чувствовать, видеть не обязательно.

Так, загорелся жёлтый, нужно воссоединяться... Появляться даже веселей, чем исчезать. Мы движемся поперёк дороги, и из тени крыши вырастают мои голова, плечи, силуэт пальто. Об-

ретаю целостность и бойко шагаю по "зебре", на десятки секунд разлинованная белым.

Мне не нужно обходить выбоины, перепрыгивать через лужи. Это сделает мой парник. А я всего лишь повторю его движения.

Весной и осенью опасаясь скребка у порога. Парник так яростно очищает подошвы ботинок от грязи и листвы, что вот-вот безвозвратно счистит и меня. Первый раз я действительно испугалась, и как же хохотали надо мной тень от дверной ручки и тень от дверного навеса. Соскоблить меня! Вот умора! Зачем? Можно просто выключить свет.

Тьма освобождает меня, я растворяюсь в этой свободе. Свет даёт жизнь, но и привязывает к ней. Полумрак дарит возможность совершать собственные поступки. Чем чётче мой контур, тем больше власть парника.

Сейчас я привязана к его ногам. Это первый человек, с которым образовала пару, человек-парник, моя материальная половина. Так сложилась лотерея. Раньше я была тенью дерева, до этого — камня, совсем давно — водяных брызг. Быть тенью водяных брызг больно. Быть тенью дерева — вольно. Камня — умозрительно.

Сегодня мы заходили в магазин за книгой. Я люблю бумажные книги. Могу их читать, если правильно поставлена лампа. Читаю только то, на что падаю. Только меня не часто бросают на нужные вещи.

И ещё купили спиртное. Я люблю, когда парник пьёт спиртное. Люди становятся такими забавными. Можно показать им "нос", сделать пируэт. Много чего можно, и не удивятся и не вспомнят потом... Не люблю, когда напиваются, тогда они слишком глупые для забав.

А вот когда люди занимаются сексом, с ними скучно и однообразно. Правда, можно перекинуться парой слов с тенью второго человека, да и то возвратно-поступательными урывками...

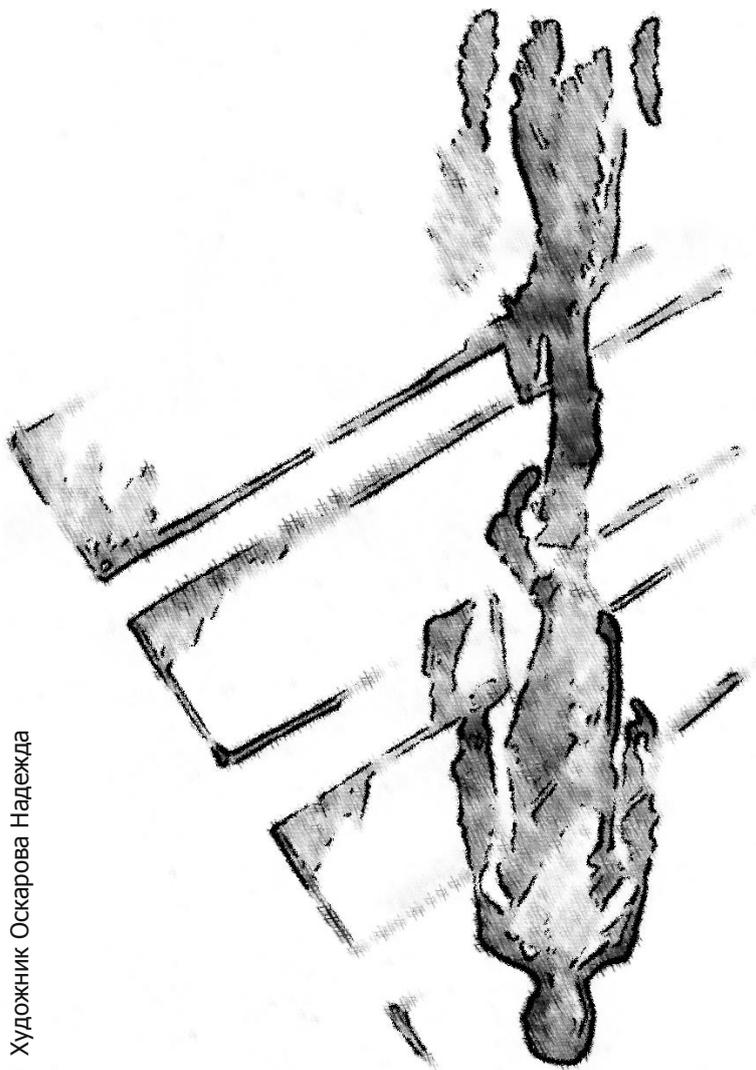
Поднимаемся по ступенькам, и я такая зигзагообразная, что даже щекотно.

Мы дома.

Я не очень хорошо понимаю выражения лица моего парника, всего-то двадцать семь лет вместе... Зато в действиях уже немного разбираюсь и могу понять, эмоциональные они или нет. Если не успеваю попрощаться с тенью ботинка, так быстро он летит в угол коридора — это эмоционально. В другой стукнулся пакет с книгой. А вот бутылка поставлена аккуратно... Не знаю, может и ошибаюсь.

Пока, пальто, пока, шарф! Вот кому трудно, часто приходится менять форму, подстраиваться. Не хотела бы при следующей лотерее получить парника-одежду. Хотя как-то тень ласточки жаловалась мне, что порой сомневается в своём существовании... Словом, всегда найдётся что похуже.

Ламинат коридора, ламинат кухни, жёлтый рассеянный свет, от которого я становлюсь ленивой. Парник ругается и грохочет ящиками стола, дверцами холодильника и микроволновки. Последней достаётся больше всего, потому что она прищемила пальцы. Наконец, всё что нужно открылось, потом закрылось, отпицало, и кухню заполнили запахи разогретой еды. Парник сел, а я сразу на полу, на стуле и на столе. Удобно общаться с наполняющими помещение тенями. Я — вестница. Какая погода, что видела, с кем говорила — всё интересно тем, кто лишён даже относительной свободы. Зато они знают о пыли, сквозняках, пауках и многих других интересных вещах.

Художник Оскарлова Надежда

Ругань парника отрывает меня от занимательной беседы касательно способностей пыли образовывать сгустки под влиянием времени и воздушных потоков. Он поносит пульт, телевизор, каналы и телевидение в целом. Причину искать не приходится, такое уже бывало. После выпитого парник утрачивает согласованность между пальцами, кнопками и цифрами. В результате телевизор обретает собственную волю, и меня это, если честно, изумляет.

Но сегодня парника жаль. Вряд ли этот день удачен для него — ругался на работе и с девушкой своей ругался...

Поэтому удлиню тень правого указательного пальца, и она ложится на кнопку с нужным серийалом. Парник жмёт, ругань прекращается.

Повинуясь внезапному порыву, вытягиваю тень левой руки, затемняю её, как некогда от кроны дерева для усталого велосипедиста, касаюсь бутылки и качаю туда-сюда указательным пальцем. Это значит "нельзя". И "хватит".

Парник хмыкает. Не уверена, что это значит. Переставляет бутылку вправо. Может, не понял? Опять тянусь и повторяю жест.

Он говорит, что или это белочка или одно из двух и кладёт на стол две салфетки.

Давай пообщаемся, тень. Правая означает "да", левая — "нет". Понятно, тень?

Касаюсь правой.

Ты действительно есть? Ты хочешь общаться? Ты разумна?

Правая. Правая. Потом сомневаюсь, но всё равно правая.

Парник говорит о каком-то Питере Пене. Я не понимаю.

Тогда он говорит о допл... допель... Не выговаривает, говорит о двойниках.

Причём тут они? Левая.

Знаешь ли ты сказки о себе?

Тут ни одна салфетка не подходит.

Пауза.

Тебе нравится быть тенью?

Правая. Левая. Правая. Это должно выразить сомнения. Кажется, понял...

"Тень, знай своё место" — говорит это тебе о чём-то?

Правая. Это же очень просто.

Парник долго молчит, потом начинает хихикать.

Хочешь поменяться со мной?

Левая.

Да на один день всего!

Левая.

Ну не козлись, по приколу!

Правая. Легче согласиться, потом всё равно не вспомнит.

Парник, пошатываясь, идёт в комнату, включает торшер дневного света, ставит за собой и смотрит на меня. Я на стене, очерчена так чётко — не шелохнуться без его ведома. Кладёт на стену руки, мы соединяемся ладонями. Впервые чувствую на себе так близко чьё-то дыхание, это душно, влажно и страшно. Я так не хочу!

Сделаем это красиво, как в фильме, а? Я хочу на твоё место!

Парник смеётся и прикасается лбом к стене и ко мне. Сначала тихо, потом с внезапной яростью бьёт сильнее и сильнее... Падает. Я чувствую первое в своей жизни материальное ощущение. Оно мне не нравится, но проходит мгновенно, сменяясь небытием.

Так бывает перед лотереей, когда теряешь старого парника.

Темнота небытия меняется зрительной. Пугаюсь, но рефлексы делают своё — мне нужно поднять веки, чтобы видеть. Как странно... Смотрю на свою материальную руку, долго разглядываю пальцы. Их работа, строение заворачивают меня. Это гармония становится понятной лишь во время обладания.

Я не тень. Я — тело. Более того — я парник, у меня есть бывшая "я", и она робко следует за движениями моей руки. Присматривается, привыкает...

Нет слов, которыми можно описать ощущения от перехода из плоскости в трёхмерность. Но, пытаюсь встать, я получаю полный их комплект. Понимаю физическое значение слов "гравитация", "притяжение", "синяк", "ушиб". Хожу по квартире, привыкаю обходить углы. Это трудно.

Понимаю, что была недостаточно внимательной. Вместо того, чтобы читать книгу во время еды парника, нужно было обращать внимание на саму еду, а прежде — на её приготовление. Жалею, что свет в туалете и ванной слишком рассеянный, и я не стала запоминать, что и в какой последовательности делать... Болтала о бактериях и думала о том, насколько я клетчатая.

В туалете спасает память тела. В ванной нагибаюсь к раковине, чтобы снизу, сквозь стекло полки, понять, какой тубик брать... Не могу почистить зубы, не получается. Бриться не пробую, страшно. Пью воду. Тело хочет чего-то ещё, но сегодня не получит... Хорошо, что я уже одета.

Смотрю на часы. Парник уходит позже, но можно и сейчас. Дорога мне известна.

Дверь закрываю машинально.

Она бежит передо мной. Моя тень. По луже, и я шлёпаю следом. По грязи, и я чавкаю следом. По асфальту, и грязь облетает с меня. Раньше, когда парник топал ногами, я тряслась. Мне это не нравилось, надеюсь теперь ему — тоже.

Он — тень. Я — парник. Как оказалось, мне нравится улыбаться...

Хорошо, что я знаю светофоры.

На "зебре" моя полосатая тень.

Интересно, она уже умеет меня покидать?

Охранник на входе здоровается со мной, открываю рот беззвучно. Он удивленно смотрит,

и я киваю. Это должно успокоить его. Кивок работает. Иду по коридору, киваю и улыбаюсь, когда мне что-то говорят. Когда пытаются остановить, ускоряю шаг. Я почему-то не могу говорить, но что бы сказала, если могла?

Поворачиваю в кабинет и бьюсь о дверь. Её надо открыть, забыла. Моя тень на пороге, на полу и немного на стене. Поздоровалась ли она с тенью дверной ручкой, тенью притолоки и маленькой тенью таблички? Умеет ли она говорить?

Вхожу, смотрю на часы. Ещё долго, очень долго. Телефон звонит, но трубку не беру, нет смысла.

Пытаюсь сказать слово, но и звука издать не могу, только шипение.

Ветер играет за спиной листьями дерева, пляшут на полу тени, пересекаются с моей. Наверное, беседуют. Когда я была тенью дерева, со мной было интересно беседовать...

Дверь открывается, заходит человек, встаю на автомате. Тело парника помнит, что это — начальник.

Он говорит, киваю на каждую фразу.

Горло болит? Голос пропал? И на фига я ему нужен без голоса? Домой, лечиться, за свой счёт... Чего стою? Марш отсюда, второго здоровья не будет.

Ухожу. Теперь со мной, думаю, говорят сочувственно, по крайней мере, другим тоном. Опять ускоряю шаг...

Когда стою на светофоре, вижу голову своей тени. Не делаю шага назад. Если я прикована стоять на месте, то и она — тоже.

Постоянно думаю о том, как бывшему парнику в моей роли. Что он чувствует, с кем общается. Вспоминаю, что он постоянно видит небо, а мне приходится поворачивать голову. Мысленно здороваюсь с тенями дома, забора, парашюта... Почему я не могу говорить?

Дома в прихожей нахожу мобильный телефон. На нём вспыхивает белый огонёк. Двенадцать непринятых вызовов. Анна. Это его девушка. Пять эсмэс.

Привет, ты занят? Перезвони, плиз.

Нам нужно поговорить. Жду звонка.

Ты там жив или как?

Может, не хочешь со мной разговаривать?

Перезвони.

Не перезвонит. Не сегодня. Думаю — может,

что нужно написать? Но вдруг тогда она позвонит? Не хочу это слушать, не хочу подставлять парника. Кладу телефон на место.

Тело хочет есть. Нахожу хлеб, яйца. Контейнер с едой, которую нужно разогреть. Ставлю в микроволновку. Интересно, это вкусно? Не понимаю... Начинаю есть и перехватывает дыхание — обжигаюсь.

Стою у окна, пока не стемнело. Парники как парники, тени как тени.

Честно выдерживаю срок. Даже чуть больше. Надо же, один день, а так устала от одиночества...

Иду в комнату, включаю торшер дневного света, ставлю за собой и смотрю на тень. Она на стене, очерчена так чётко, что не шелохнётся без моего ведома. Кладу на стену руки, мы соприкасаемся ладонями. Потом лбами. Задерживаю дыхание. Пора! Ничего не происходит. Мне кажется, тень пытается съжаться, уменьшиться, не касаться меня... Наверное, нужно удариться, как парник вчера. Больно! Но бьюсь сильнее. Бесплезно. Ничего не получается.

Зато на стене появляется красное. Кровь.

Я разбила голову о стену? На месте тени можно посмеяться над глупым парником.

Ночь сижу в интернете. Научилась доверять механической памяти тела в простых операциях, как мой бывший парник доверял технике запоминать пароли. Пальцы бьют по клавишам с утомительной медлительностью, мышь — изодрённое издевательство, стрелка направлена куда угодно... Но постепенно справляюсь.

В конце концов, это любимая игрушка моего парника... Как часто я падала на клавиатуру, стол, экран, не имея возможности читать с него... А теперь могу. Много текста. Картинок. Глупостей. Много беспокойства. Я бы не хотела стать тенью компьютера в следующую лотерею...

Нахожу определение себя. Это мало что даёт. Мне предлагают почитать о людях-тенях, призраках... Первое интригует, но совсем не то.

Нахожу сказку Андерсена. Читаю. Главное преимущество моего положения — могу читать всё.

Меня охватывает странное ощущение. Не знаю, что это значит, но спине становится холодно, а глазам и щекам мокро. Неужели так думаю о нас? Раз пишут, то и думают? Опасные, коварные, жестокие... Почему? Не понимаю. Мы всего

Проза. Фантастика. Сказка

лишь следуем за парником, будь то человек или мышь. Зачем нам завидовать им?

Именно теперь, прикованная к телу, к его потребностям, понимаю, как была свободна раньше. Когда зависишь только от света и тьмы, ты абсолютно свободна...

Тело хочет спать. Не пойду до кровати. Усну здесь.

Утром доедаю хлеб, выпиваю два яйца. Всё равно хочу есть. Получается, что когда тело хочет есть, я думаю только о еде. Парник ходил за ней в магазин, для этого надо только обойти дом...

Вокруг много еды, желудок издаёт звуки, но я не знаю, что брать. Нахожу хлеб, яйца. И того и другого много, беру наугад. Что ещё? Оглядываюсь, наблюдаю за людьми. Вот человек, похожий на моего парника. Иду за ним. Он берёт молоко, я тоже. Берёт пачку из холодильника, я тоже. Что это, как есть? Внимательно читаю указания. Пельмени... Пожалуй, я с ними справлюсь.

Так, всё. Теперь на кассу. Достаю бумажник, как парник, из него карточку. Вместе с ней какую-то бумажку. Женщина на кассе внимательно смотрит. Кажется, на других она смотрит иначе. Что не так? Бриться я побоялась. И переодеваться. Вдруг сделаю не как нужно... Ввести "пинкод"? Откуда я его возьму? У парника же всё автоматически, всё записано... Записано! Смотрю на бумажку в руке. Там цифры. На чёрной коробочке, которую пододвигает женщина, тоже. Нажимаю их. Получилось!

На выходе понимаю, что нужно было взять больше еды, но вернуться не решаюсь.

Вот теперь могу думать. Правда, опять обожглась.

Смотрю интернет. Но там почти ничего... Рядом с Андерсеном часто упоминается Шварц. Нахожу его, читаю. Опять мы злобные, коварные, жестокие... Но есть одна вещь. Слова, которых у Андерсена не было. Может, они ничего не значат. Очередная человеческая глупость. Но вдруг... Вспомнила, парник говорил о них! Руки у меня дрожат. На этот раз знаю почему. Это страх. Неужели люди постоянно чего-то боятся?

Замечаю, как моя тень пытается вытянуться вперёд, к экрану. Похоже, она осваивается лучше, чем я. Прочитать с компьютера всё равно ни-

Художник Оскарова Надежда

чего не сможет, уж это точно. Но на всякий случай включаю яркий верхний свет, ограничиваю её передвижения. Я боюсь собственной тени...

И нам пора пообщаться.

Две салфетки не помогут. Даже если моя тень способна на любой вопрос ответить "да" или "нет", то её парник не сможет его задать...

Как тогда? Ответ нахожу быстро. Крупно, на два листа, распечатаваю азбуку. Иду на кухню, знаю по себе, что там тени будет удобней. Слежу за тем, чтобы она падала на листы, указываю поочерёдно на буквы.

Ты понимаешь меня?

Держу руки над азбукой, растопырываю пальцы. Тень не заставляет себя ждать.

Да.

Знаешь, как всё вернуть?

Нет.

Врёшь?

Может быть.

Почему?

Не понимаешь? Потому что я свободен.

Сминаю листы.

Ну что ж, мы действительно не без коварства... Но я не могу осуждать свою тень. Я понимаю её, своего бывшего парника.

Как научиться говорить? Помню, парник читал детектив, там описывалось обучение глухонемых речи. Нужно знать, какое положение занимают при произношении каждой буквы губы и язык, как и когда вдыхается и выдыхается воздух... Если это не выдумка, должна найти.

Замечаю в почте девять новых писем. Не интересно.

С мышью уже обращаюсь уверенней.

Телефон выключаю. Отвлекает и раздражает. Пару раз звонили в дверь — не открываю. За окном темно. Выпиваю молоко и сырые яйца. Глаза видят какие-то пятна, когда тру рукой — проходят.

Методику не нашла.

Странное ощущение. С тех пор, как обрела тело, самое странное из всех. Не хочу шевелиться. Двигаться. Могу, но не хочу. Думаю: вот я поднимаю руку. Но я человек, у меня есть душа. А где она? Я поднимаю руку, значит, поднимаю душу? Или душа этого тела — теперь тень? Тогда что же, получается, я — душа?..

Я хочу спать. Уже не тело — я сама.

Не хочу быть парником, но привыкаю. Плохо...

Рассвет.

Кажется, я думала и когда спала. Можно ли это? Но нашла ещё вариант стать собой... Очень простой и слишком явный.

Смотрю на себя в зеркало и даю слово — если не получится, разобью голову о стену. Уже серьёзно, уже навсегда...

Мне нужна программа имитации голоса. Много раз видела такие программы в фильмах, которые смотрел парник. Ради одной жизни — пусть это окажется не очередная человеческая ложь.

Ищу. Долго ищу.

И нахожу...

Теперь ввести четыре слова. Важно ли, кто их говорит? Скоро узнаю.

В промежутке между домами встаёт солнце. Очень удачно. На полу моя тень. Я, парник, нажимаю кнопку на клавиатуре, а в комнате раздаётся:

"Я хочу своё место!"

И в то же мгновение меня вышвыривает из тела на пол, я такая лёгкая, воздушная, двумерная и удивлённая! И тут же тянет обратно, в водоворот, в воронку материального... Но рождающийся дневной свет милостив, успеваю уцепиться за тень от ножки стола и за тень от ножки стула и за тень брошенной на стул рубашки, и они поддерживают меня...

Сегодня внимательно смотрю, как парник бреется, чистит зубы, заваривает чай. Он злой, и вещи вокруг него летят на пол, а я здороваюсь с их тенями. Она рады пообщаться, задать вопросы. Мне есть что ответить, что рассказать. Я знаю, как это, когда гравитация и что такое настоящая свобода.

Когда парник заходит в тень дома, отрываюсь от его ступней и кружу вокруг, не боясь потеряться. Куда он без меня?

По небу плывут облака, под ними летят птицы, их перечёркивают провода, а вот ниже, ниже — я.

Я на своём месте.

Тёмное сердце

Сафонова Евгения

Я хотела бы, чтобы память моя была глиняной чашей. Я хотела бы разбить её на кусочки и склеить заново, выкинув те осколки, что режут острыми кромками, снова и снова причиняя боль.

Я хотела бы забыть Железную Деву в храме Сумеречного, но не могу.

Три сына было у меня. Три прелестных мальчика, чьи улыбки грели меня, точно солнце.

Теперь их только двое.

Потому что я не знаю, чем стал третий.

Я родилась младшей дочерью барона, четвёртой по счёту. Боги не одарили меня ни крепким телом, ни особой красотой, и мать говорила, что мне не стоит рассчитывать на хорошего мужа.

Мой лорд увидел меня, когда минула моя семнадцатая весна. Он был в землях моего отца проездом, но снежная буря вынудила его проситься на ночлег.

Я увидела его в зале нашего замка: он сидел на помосте рядом с отцом, и волосы его показались мне ярче огня в камине, а кожа — золотистее спелой пшеницы. Отец представил ему своих дочерей — тех трёх, что ещё сидели в девках — и он оглядел всех нас; но глаза его, цвета лета и росистой травы, задержались лишь на мне, и в этот миг в бороде его мелькнула улыбка.

Он пришел ко мне той же ночью и взял всё, что я могла ему дать. Он мог оставить меня с бастардом в животе, и мой отец не посмел бы пере-

чить, ведь мой лорд был племянником самого короля; но он сказал отцу, что вернётся за мной на обратном пути. Так и случилось.

Когда он привёз меня в свой родовой замок, я стала его женой.

Я помню те славные дни. Золотые дни, серебряные ночи — и молитвы богам: Пресветлому, чтобы даровал здорового наследника, и Сумеречному — чтобы одарил дитя особой милостью.

Мой лорд был не только племянником самого короля: он был ведуном, Владыкой Сумеречного Ордена. Когда-то огнём, мечом и силой слова он очищал королевство от кровожадных порождений ночи; теперь же он отдавал распоряжения о том же сотням рыцарей по всей стране. И ему нужен был не только тот, кто наследует его земли — ему нужен был тот, кому он сможет передать свои знания и своё дело.

Моему лорду нужен был не просто сын, но ведун. И не белый — один из тех, кто служит Пресветлому, кто исцеляет людей и облегчает страдания тех, кого нельзя излечить — но тёмный.

Это и стало моей бедой.

Наш первый сын родился здоровым и сильным — но дара в нём не было. Мой лорд не опечалился: он говорил, что к лучшему, если наследнику его земель не придётся заботиться о делах Ордена. Роды прошли легко, и моё чрево обещало выносить ещё не одного ребёнка.

Наш второй сын родился крикливым и крепким — но дара в нём не было. Мой лорд нахмурился, но сказал, что не опечален: мальчик будет надёжной опорой старшему брату и заменит его, если богам угодно будет забрать наследника раньше срока.

Наш третий сын родился слабым и тихим. Едва он захныкал, как мой лорд выхватил его из рук повитухи и впился жадным взглядом в сморщенное личико, на котором ещё были следы моей крови — и в бороде моего мужа мелькнула улыбка, которую я так любила.

Он мог не объяснять, что означает эта улыбка — я поняла сама.

Я мучилась с моим маленьким третьим целые сутки, и после родов повитуха сказала мне, что никогда больше я не смогу порадовать моего лорда криком его ребёнка. Но я уже произвела на свет трёх сыновей, и это было неважно.

Тогда было неважно.

Я любила всех своих детей. И старшего, истинного наследника — не по годам серьёзного, успешного и ответственного во всех своих начинаниях; и среднего, весёлого озорника, любящего смех и безобидные шалости. Но третьего, что дался мне тяжелее всех, я любила особенно. Он больше других нуждался в моей защите и ласке.

Его братья не хотели считаться с чужой слабостью. Они любили драться между собой — не потому, что ненавидели друг друга, а развлечения ради. Младший не мог им противостоять. В драках над ним всегда брали верх, и в детском азарте старшие забывали, что нужно умерять свои силы — но он не плакал и не жаловался. Когда я находила у него новые ссадины, он говорил, что упал; и я лишь тяжело вздыхала, смазывая синяки мазью из губки бадяги, привезённой с далекого моря.

Я пыталась втолковать старшим, что брата нужно щадить. Когда мой лорд узнал об этом, он сказал, чтобы я не делала из сына тряпку Пресветлого, и я умолкла.

Порождения ночи часто навещали сына в грёзах. Тогда он кричал во сне, а я приходила в его спальню и ложилась рядом, глядя его волосы — цвета скорлупок спелых каштанов, как у меня. Он единственный из трёх был похож на меня, а не на своего отца. Он был мягче братьев: он больше любил звуки арфы и шелест книжных страниц, чем песнь клинков и отзвуки битвы. Ему по нраву были не рассказы отца о подвигах рыцарской юности, а мои песни о прекрасных девах, любви и верности. В зимней глубине его глаз — не отцовских, летних, зелёных и прозрачных, а синих, так похожих на мои — я видела отражение себя.

Когда минула его седьмая весна, мой лорд отвёз сына в столицу, в храм Сумеречного, дабы братья по Ордену испытали его дар. Экзекутор — правая рука главы Ордена — встретил нас у дверей: серо-фиолетовый плащ — как сгусток сумеречной тьмы, шрам на щеке — дар порождения ночи, бесцветные глаза — снег, лёд и мертвенный холод. И я вздрогнула, когда взгляд этих глаз остановился на мне.

Женщине не дозволено присутствовать на испытании, и я ждала в молитвенном зале с простыми людьми, которые заглянули зажечь свечи: за успех в денежных делах, за то, чтобы виновный в их бедах был покаран, за то, чтобы мужу или сыну дали сил не щадить врагов в сражении на чужбине. Сумеречного просят лишь об этом; здоровье, жизнь, любовь — удел Пресветлого.

Проза. Фэнтези. Сказка

Когда мой лорд вернулся, лицо его было мрачнее, чем небо в зимнюю бурю. Сердце моё сжалось, когда я увидела мокрые щёки сына, которого мой лорд вёл за руку; ещё сильнее сжалось оно, когда муж отдернул руку, точно от змеёныша, и толкнул малыша ко мне.

— У мальчишки белое сердце, — бросил он, и слова его звучали приговором.

Я не выполнила своего предназначения. Я родила мужу не воина, но целителя — одного из тех, кого он презирал до глубины души. И я уже не могла подарить ему другого.

В замок мы возвращались в молчании. Сын притих, прижавшись ко мне, наблюдая за отцом; мой лорд хмурился, глядя в окно кибитки из умощенного маслом дерева, которую тянули четверо тяжеловозов.

Я хотела узнать, о чём он думает — и боялась это узнать. Я была более непригодна к деторождению, и мой лорд имел право просить о разводе. Король не отказал бы племяннику, а я бы отправилась в монастырь до конца своих дней. Я никогда больше не увидела бы детей: мой лорд подыскал бы им другую мать, а себе — другую жену, со здоровым чревом и широкими бёдрами. Она родила бы ему других детей, много других детей, и среди них наверняка оказался бы тот, кого одарил своей милостью не Пресветлый, а Сумеречный: такие встречались чаще.

Я верила, что мой лорд поступит так — ведь предназначение важнее любви.

Когда мы вернулись в замок, муж без единого слова покинул нас с сыном; позже я узнала, что он заперся в своём кабинете и никого не желает видеть. Сыновья встретили нас с младшим в малой зале, наперебой расспрашивая, как там, в столице — а я молча обнимала их, едва сдерживая слёзы, думая о том, что скоро мне придётся их покинуть.

Но мой лорд слишком любил меня.

И это тоже стало моей бедой.

Ночью мой лорд вернулся в спальню — как раз когда я неистово молилась, чтобы боги смиловались надо мной. Я запнулась, но он молча встал на колени рядом со мной и знаком велел мне продолжить.

Когда я закончила, он всё так же молча подхватил меня на руки и бросил на кровать, и любил меня так же нежно и страстно, как той ночью в замке моего отца, одиннадцать лет назад. И это сказало мне больше любых слов.

Уже начало светать, когда силы его всё же иссякли; тогда он обнял меня, положив голову мне на грудь, а я стала перебирать его волосы, рыжие, как огонь, с редкими седыми прядями — белыми, как снег за моим окном.

Мой лорд долго молчал.

А потом заговорил:

— Мои братья по Ордену говорят, что я должен взять себе другую жену. Ту, что сможет родить мне преемника. Как делали мои предки, когда жёны не могли родить им ведуна.

Я не ответила.

— А другие говорят, что такова воля богов, — продолжил мой лорд. — Что довольно наш род стоял во главе Ордена, и теперь мне должно назначить преемником кого-то из братьев.

Я вновь не ответила — лишь продолжила перебирать его рыжие кудри.

— Я не хочу расставаться с тобой, любовь моя, — молвил мой лорд. — И я не хочу, чтобы преемник иной крови загубил дело моих предков. Так я и сказал им. И тогда Экзекутор предложил использовать Железную Деву.

Я вздрогнула и опустила руку — а мой лорд продолжал говорить.

Я знала о железной деве, усеянной изнутри острыми шипами — об орудии пыток. Но прадед моего лорда сотворил особую Железную Деву — из дерева, металла и ведовства. В этой Деве не было шипов: прадед моего лорда хотел, чтобы она

стала наказанием для тех, кто нарушил законы Ордена. Он хотел, чтобы она лишала отступника милости богов, превращая из ведуна в обычного смертного.

Но этого у него не вышло.

Дева не лишала милости богов — она меняла дар с одного на другой. Тёмное сердце становилось белым, белое — тёмным.

Деву признали бесполезной. Никто в здравом уме не хотел менять дар, а отступников проще было казнить: один из тех двоих, кого во время испытаний заперли в Деве, лишился ума, а неуправляемый ведун мог натворить тех ещё дел.

Деву не уничтожили, но оставили в подвалах храма и забыли там на много, много зим.

И вот теперь Экзекутор предложил ей воспользоваться.

Я пробовала возразить. Боги видят, пробовала.

«А если он обезумеет?» — спрашивала я.

— Боги охранят его, — отвечал мой лорд.

«Разве ты можешь так мучить нашего сына?» — спрашивала я.

— Он забудет то, что было с ним в Деве, — отвечал мой лорд.

«Неужели нет иного выхода?» — спрашивала я...

— Нет. Иного выхода нет, — отвечал мой лорд.

И эти слова его вновь прозвучали приговором.

Когда я забылась тревожным сном, мне приснился мой сын: он плакал и выкрикивал моё имя, пока Экзекутор закрывал его в Деве — а даже когда его заперли, изнутри барабанил кулачками по крышке, а вокруг стояли бесстрастные люди в плащах цвета сумерек, и мой сын кричал, кричал, кричал; и доселе спрятанные шипы выдвинулись, пронзая его тело, омываясь кровью, заставляя захлёбываться булькающим криком...

Я проснулась в холодной, мокрой, липкой от пота сорочке. Моего лорда не было рядом, и я кинулась искать его.

Я хотела сказать, что согласна на монастырь, на изгнание, на смерть — что угодно, лишь бы моего сына, моего любимого маленького третьего оставили в покое. И пусть мой лорд будет его презирать, не беда: он вступит в Пресветлый Орден и навсегда покинет отчий дом. Будет исцелять людей и избавлять от мук тех, кому уже не помочь. Он спасёт множество жизней, а потом найдёт себе жену, похожую на королеву из наших любимых песен, и проживёт долгую счастливую жизнь. Такую, к которой зовёт его белое сердце. Светлое сердце.

Только это важно. Не то, чего хочу я. Не то, чего жаждет его отец.

Но я опоздала.

Первые же слуги, которых я встретила, опустили глаза и ответили, что их господин отбыл ещё до рассвета — с маленьким лордом.

Я приказала оседлать коня: я хорошо ездила верхом, когда была незамужней девой.

Я помчалась по дороге в город, не обращая внимания на холодный ветер, хлеставший меня в лицо утренним снегом. Я скакала так быстро, что мне казалось, будто я обгоняю солнечный свет.

Но я опоздала.

Когда я ворвалась в храм, должно быть, вид у меня был безумный; иначе почему бы на мой вопрос прислужник, собиравший свечи, молча указал мне, где комната с Девой?

Я бежала, подобрав складки юбки, поскользываясь на мраморном полу — так быстро, как только могла.

Я преодолела бесконечность длинного коридора, казалось, за несколько мгновений, и распахнула дубовые двери с криком «стойте», и все, кто был в комнате, изумлённо обернулись на меня.

Но я опоздала.

Я увидела Деву у дальней стены, а рядом — моего лорда и Экзекутора, в этот миг откинувшего железную крышку.

А потом я увидела своего сына.

Ещё миг он, полностью обнажённый, держался на ногах внутри Девы — а потом упал навзничь и скрючился на полу, как младенец, будто только что родился во второй раз. Но когда мой лорд, опустившись наземь, коснулся его плеча, мальчик поднял голову и посмотрел на него.

Я не сразу поняла, почему мой лорд отшатнулся. Я поняла лишь тогда, когда мальчик взглянул на меня — глазами светлыми, как голубой лёд, и столь холодными, какой не бывала ни одна зима.

Но никто, кроме нас, не был испуган переменой.

— Одарён, — почти шёпотом молвил Экзекутор. — Одарён, Владыка, так, как никто из нас. Я чувствую его силу даже сейчас.

Он — и все остальные — преклонили колени одновременно с тем, как мой лорд встал и отступил на шаг; и я видела недетский, внимательный взгляд, которым мальчик обвёл всех присутствующих.

А ещё я видела улыбку, которая исказила при этом его губы. Недетскую, кривую улыбку.

И я окончательно и бесповоротно поняла...

...я опоздала.

С тех пор минул год.

Я больше не жена лорда. Я вдова лорда. Ибо мой муж сгорел от лихорадки спустя шесть полных лун после того, как существо, которое когда-то было моим сыном, вышло из Железной Девы.

Я пыталась относиться к нему, как к сыну. Видит Пресветлый, пыталась. Но оно забыло всё, что когда-то нас связывало.

Оно сторонилось меня. Оно не желало ни моего общества, ни моих песен. Больше всего оно любило одиночество. Или общество братьев — на время тренировочного боя, которые теперь редко оканчивались без травм. И травмы оставались не у существа: ведь оно, в отличие от моих детей, не знало пощады. Не знало милосердия. Не ведало грани чужой боли, после которой нужно остановиться.

Поначалу моему лорду даже нравились перемены в сыне. По крайней мере, он так говорил.

А мне казалось, что его они пугают не меньше меня.

За две луны до смерти моего лорда старший упал с лестницы: крутой винтовой лестницы, в одной из самых высоких замковых башен. Милостью Пресветлого он не свернул себе шею — но больше никогда не сможет ходить. Ноги отказываются слушать его.

Когда он очнулся, то сказал, что кто-то толкнул его вниз. Но кто, увидеть он не успел.

Оно говорило, что в то время было в библиотеке и читало, но подтвердить это было некому.

После этого даже я видела, как мрачно мой лорд смотрит на того, кто должен был унаследовать его титул Владыки Сумеречного Ордена. Немудрено, что существо видело то же.

Мой лорд сгорел в считанные дни. Ещё вечером ел, пил и смеялся, хотя теперь смеялся он редко — а наутро вдруг слёг, и семь ночей спустя его не стало. Даже целитель из слуг Пресветлого, которого я пригласила вопреки воле мужа, лишь покачал головой.

— Странная болезнь, госпожа, — печально молвил он, низко поклонившись. — Будто проклятие. И столь сильное, что не в моих силах излечить её.

Я никому не сказала о его словах.

Я не проронила ни слезинки при погребении.

Я не подала виду, что знаю, кто породил это проклятие. И кто столкнул с лестницы моего старшего.

Иначе вряд ли я была бы сейчас жива.

Я хотела бы, чтобы память моя была глиняной чашей. Я хотела бы разбить её на кусочки и склеить заново, выкинув те осколки, что режут острыми кромками, снова и снова причиняя боль.

Я хотела бы забыть Железную Деву в храме Сумеречного, но не могу.

Три сына было у меня. Три прелестных мальчика, чьи улыбки грели меня, точно солнце.

Теперь их только двое.

Потому что я не знаю, чем стал третий.

Иногда, глядя в холодные светлые глаза, когда-то бывшие синими, как зимнее небо, я спрашиваю себя: почему оно делает это? Потому что не забыло, что творили с ним в Деве — но забыло всё, что было до неё? Или не забыло, но отныне не предаёт этому никакого значения? Любви, семье, узам крови?

Я не знаю.

Я знаю одно: что мой старший уже третий день кашляет кровью, и жар сжигает его. Искалечить — этого ему оказалось мало.

Скоро у меня останется лишь один сын, затем — ни одного.

Должно быть, оно всё-таки благодарно мне. За заботу. За попытки любить. За то, что я пыталась остановить моего лорда и Экзекутора. Ведь я всё ещё жива. И сейчас сижу у постели моего старшего, меняя холодные тряпки на его лбу, заставляя его пить и есть — даже это даётся ему с трудом.

А под моей юбкой, привязанный к ноге, спрятан кинжал, и металл ножен холодит кожу.

Я не расстаюсь с ним с тех пор, как умер мой лорд. И по ночам, лёжа в пустой постели, я сжимаю его в руке и думаю, что осталось лишь одно, что я могла бы сделать в память о моём маленьком третьем: пойти сейчас в его спальню, в последний раз посмотреть в глаза цвета голубого льда — и заставить их закрыться навсегда.

До сегодняшнего дня мне не хватало на это сил.

Но сейчас, глядя на смерть, подступившую к постели моего ребёнка, я думаю, что хватит.

Возможно, последним, что я увижу, будут его глаза.

Возможно, я долго буду кричать в агонии, захлёбываясь собственной кровью, прежде чем сердце моё перестанет биться. Потому что тёмные ведуны умеют убивать не только проклятиями.

Но я попытаюсь. Ради моего лорда. Ради моих детей. Ради моего маленького третьего.

Быть может, когда кинжал пронзит его тёмное сердце, голубой лёд уйдёт из его глаз.

Быть может, последний взгляд, который он бросит на меня, будет принадлежать моему сыну, а не тому, чем он стал.

Быть может.

А сейчас я иду в его комнату. И, если вы меня слышите — помолитесь за меня.

Обоим богам.

Большого мне не нужно.

Подорожники

Михалевская Анна

Славный город Мирта встречал вечер. Разогретые солнцем улицы отдавали мягкое тепло, ветер подхватывал его и летел дальше — над широкой площадью, блестящей крышей ратуши, минуя худощавого паренька с сумой через плечо. Сума была непомерно велика, парень то и дело останавливался, перевешивал поклажу с одного плеча на другое. Не морщился, не кривился, насвистывал что-то под нос, и знай себе шёл по улицам. И не заметил, как за ним хвостом увязался белобрысый мальчишка. Сорванец повторял движения паренька — да так похоже, что встречные прохожие прыскали со смеху, барышни хихикали в кружевные платки, и беззастенчиво свистели увязавшиеся следом зеваки.

Наконец парень оглянулся. Мальчишка замер, зрители затихли. Парень покраснел, смутился, резко повернулся, но предательская сумка перевесила, и он неуклюже покачнулся, точь-в-точь игрушечный паяц. Грянул оглушительный смех.

— Проваливай, подорожник! — крикнула дородная женщина. — И чтоб духу твоего здесь не было!

— Что стоишь, недоносок, вон из нашего города! — оскалился стоящий рядом с пареньком усатый мужчина.

— Беда одна от вас, беда... — прошамкала беззубая старуха.

Белобрысый, осмелев, бросил в парня ком земли.

— Да оставьте его в покое! Что он вам сделал?

Многоокое чудище толпы притихло, втянуло щупальца и в удивлении уставилось на помеху такой замечательной потехе. Толпе в глаза смотрела взволнованная девушка. В руках она держала полную снеди корзинку.

— Ага, и ты с ними! — обличительно загремели десятки голосов.

— Небось сама узелок скоро соберешь, и в путь? — прошипела тощая женщина в сером платье.

— Вон, провизией уже запаслась!

Усатый взял из корзинки румяную булочку и целиком затолкал её в рот. Страдающий без внимания мальчишка-кривляка снова бросился в первые ряды — он поддержал усача и выхватил у девушки пару спелых яблок. Женщина в сером платье протянула руку за головкой сыра.

— Отдайте! Отдайте, да как вы... — девушка попыталась защитить корзинку, но безуспешно.

Чужие руки вмиг её опустошили, и за неимением другого развлечения принялись толкать девушку.

Увлеченные новой игрой, добропорядочные горожане совсем забыли про паренька. Тот подобрал злополучную сумку и быстро скрылся в ближайшем переулке.

Зара стояла посреди чистого поля.

Только теперь толпа зевак отстала, крики и свист смолкли вдалеке. Она думала — уже не выбраться. Поежилась — от нервной дрожи пробрал холод. Это в такой-то теплый вечер...

Её выгнали. Что же теперь делать?

Зара подобрала разорванный подол платья, заткнула за пояс, медленно двинулась вперед. И вступиться некому. Ян далеко...

В таком счастливом городе она умудрилась оказаться несчастной. Чего ей не хватало? В Мирте всего было вдоволь — щедрое солнце, тучные поля, богатые урожаи, довольные веселые горо-

Художник Лев Елена

Проза. Фэнтези. Сказка

жане. Веселые — пока не учуют в тебе подорожника. Обычные горожане не путешествовали и не навидели тех, кто это делал — иногда неодобрительно посматривали вслед, но чаще травили. Как сегодня.

Что ж, ей не повезло родиться в семье из клана подорожников. Древний закрытый клан, способности к странствиям передавались только по наследству. И то не всегда. Как например, не передались и ей. Сверстники легко выходили за городские ворота, а она сидела на стене, наблюдая, как друзья мелькают вдалеке, и тряслась от страха и желания оказаться рядом с ними. Со временем Зара научилась уходить на день и потом возвращаться, но до настоящего странствия ей было далеко.

Родители тайком жалели Зару, друзья посмеивались, только Ян верил в неё и терпеливо учил всему, что знал сам. Немудрено, что она влюбилась.

Сначала ушли родители, а потом и Ян.

Клан есть клан, у него свои законы. Наступает день, когда на пороге дома вырастает человек в шляпе с золотой пряжкой, что-то шепчет на ухо хозяевам, и подорожники навсегда покидают город ради самого главного странствия.

Прощание с родителями было тягостным, но с уходом Яна жизнь оборвалась. Он не поднимал глаз. Молча собрался, до боли сжал руку холодными пальцами и бросился вон из дома. Зара долго смотрела Яну вслед. Даже когда он скрылся из виду. Даже когда сорвавшийся ветер смел дорожную пыль с отпечатками Яновых сапог. Даже когда она окончательно поняла, что он не вернется.

А после слегла с хандрой. Клан не дал пропасть. Серьезные молчаливые люди приносили еду, убирали дом, оставляли туго набитые монетами кошельки. И однажды Зара отменила затворничество — сама встала и на дрожащих ногах поплелась в сад поливать цветы. Всё же лучше, чем жалеть себя с утра до ночи.

Она твердо решила забыть о путешествиях, начать другую жизнь. Завела новых друзей, заказала портному нарядные платья, вырастила в садике черные розы — самые модные цветы сезона. Разучилась беспокоиться о завтрашнем дне — она смеялась шуткам беспечных соседей, пела их песни.

Если бы не этот неуклюжий паренёк! Она тоже была белой вороной, её тоже дразнили — Зара знала, как это неприятно. И не могла смолчать. Вот результат — её выгнали.

Она всегда так боялась дороги. Теперь дорога — спасение.

Смеркалось. Хотелось спать, хотелось есть, хотелось верить, что она найдёт укрытие в ближайшем лесу.

Ноги ступали по мягким иголкам, запах смолы смешивался с другим неожиданным запахом — близкого жилья. Зара приободрилась — может, и не придется ночевать на голой земле.

Тропинка резко пошла в гору, спустилась в овражек, а оттуда напрямик на окружённую соснами поляну. К гигантскому дереву правым своим боком мостилась ветхая избушка и внимательно смотрела на Зару открытыми окнами.

Она в нерешительности остановилась — как бы снова не прогнали. Но делать нечего — собралась с духом и постучалась в обшарпанную дверь.

— Чего надобно? — послышалось из домика.

— Мне бы переночевать... — неуверенно начала Зара.

— Из счастливого города небось идешь, а? Знаем таких. А за ночлег что дашь?

— У меня ничего нет... — растерялась Зара.

— Счастьем поделишься?

Она-то? Счастьем? Что за злая шутка?!

Зара вздохнула, кивнула. Хорошо, поделится она счастьем — пусть возьмут, если найдут.

Дверь тут же распахнулась. На пороге стояла невысокая пожилая женщина.

— Проходи, счастливая, — пригласила гостью она.

И засуетилась, накрывая стол. Достала из сундука старенькую штопаную скатерть. Расставила надбитые тарелки. В одной скучал черствый кусок ржаного хлеба. Три чищенные луковицы сиротливо катались в другой. Зара скромно присела на краешек скамьи. Отломала маленький кусочек хлеба. Стыдно объедать хозяйку. У неё и так с едой не густо. Но не успела разжевать корку, как стол зашевелился, и скатерть пошла волнами. С полка сами спрыгнули на стол кувшины с наливкой. Жареная утка с яблоками улеглась на блюдо. Пирог стройным рядом выползали из печи.

Голодный бред? Зара моргнула, потом еще раз, но поросята с утками не исчезли. Она протянула руку за пирогом, положила ломтик в рот — вкусно! Посмотрела на хозяйку — та сияла полуденным солнцем.

— Не понимаете вы своего счастья. И чего из города бежать? Сытно, тепло. Так нет же, то один на ночлег придет, то другой. Всё ищут, ищут! — ворчала женщина.

— Это из-за меня? — Зара не верила глазам.

— Из-за кого же еще? — удивилась хозяйка. —

Ну-ка, прикоснись!

Перед носом Зары мелькнула пустая корзинка. Она вытянула руку, недоверчиво погладила выпуклый плетеный бок.

— Так-то лучше! — обрадовалась женщина, чуть не приседая под весом вмиг отяжелевшего лукошка.

Из корзинки вызывающе торчали круги колбасы, румяные батоны хлеба, ошипанные куры.

Зара недоуменно уставилась на свою руку...

Она ушла еще затемно, пока дом крепко спал. Необъяснимая сила гнала вперед. Наверное, так чувствовал себя каждый подорожник, а она испытала впервые.

Зара не спеша брела по тропинке, собирала шишки. Под ногами пружинил ковер из иголок, хотелось просто идти вперед и ни о чем не думать. Не думать, однако, не получалось.

Оказалось, подорожники умеют не только скитаться по дорогам. Могут еще делиться счастьем. Даже если сами этого счастья не видели. Что у неё было хорошего? Насмешки, неудачи, мимолетная любовь. Травля. И никого рядом — она даже не знает, куда идти, что делать. К ней никогда не приходил человек с золотой пряжкой на шляпе, не шептал на ухо тайных слов. Да и кто Зара такая, чтобы он к ней пришёл?

Не успев посветлеть, небо сомкнулось свинцовыми тучами, поднялся ветер. Зара растерялась. В Мирте если и шёл дождь, то — тихий, теплый. Громы, молнии, ураганы были в диковинку. Лишь раз в жизни она попала в разбушевавшуюся непогоду. Гроза застала их с Яном в дороге. Они прятались в густой листве, и Зара всё время просидела, вцепившись в Яново плечо, безуспешно пытаясь успокоить зачастившее от волнения сердце.

Крупная капля свалилась за шиворот, вторая угодила прямоком на макушку. Громыхнуло небо. Зара бросилась к ближайшей сосне, забила под пушистую ветку. Капли соединились в сплошную стену, отгородили от мира.

Навалилась тошнотворная слабость, захотелось есть. Зара повертела в руках шишку — оставила себе самую симпатичную. А что если... Получилось же наполнить лукошко хозяйке!

Она пересела поудобнее, торжественно положила шишку перед собой, накрыла рукой, зажмурилась. В воображении замелькали тарелки с фазанами, ломти сыра дразнили дырками, хитро

подмигивала жареная рыба. Зара глотнула слюну, в предвкушении открыла глаза. Шишка как шишка. Немного шершавая, ребристая. Зара в сердцах зашвырнула её по ту сторону от дождевой стены.

Не пойдет она никуда, вернётся в город! Наверняка горожане о ней и не вспомнят, она тихонько проберется в свой дом... А если вспомнят? И каждый день будут травить. Снова сидеть взаперти, дрожать от страха?

Если вернётся, от неё откажется клан. Для подорожника — это позор. Даже для такого нердивого, как она.

Зара медленно поднялась, вздохнула и вошла в дождь. Страх куда-то ушёл, за ним убралась и пасмурная погода. Жажду пришлось утолить собранной в лопушиных листьях дождевой водой. Голод заставил залезть в малинник, где она больше поцарапалась, чем наелась. Голова кружилась от слабости, неприятно саднили израненные колючками руки, заплетались ноги, но Зара не останавливалась.

Хвойный лес закончился обрывом. До горизонта тянулись пёстрые ленты полей, чуть правее бежала извилистая тропка. Ноги сами несли Зару вниз. Она спустилась к подножию обрыва — здесь тропинка вливалась в тракт.

Зара успокоилась, перестала сопротивляться дороге. Пройдёт, сколько сможет. Пропадёт, так пропадёт. Горевать о ней некому. Вспомнят о ней родители? Почувствует Ян, если случится беда? Никогда этого не узнает. Надо просто идти. Шаг, другой.

Мерно колыхнется трава, припекает солнце.

— Эй, барышня, далеко идёшь?

Она нехотя оглянулась. На козлах повозки сидел мужчина с обветренным добродушным лицом. Зара неопределённо махнула рукой вперед.

— Так нам по пути! — сделал возница смелый вывод, — забирайся!

Зара не сопротивлялась — ухватилась за крепкую руку мужчины и тот её вмиг поднял, усадил рядом с собой.

— Но, пошла! — громко цокнул языком возчик, и лошади тронулись.

— Эх, погода какая, а! Радоваться, песни петь. Жаль, не до веселья.

Зара встрепенулась, будто очнулась ото сна. Посмотрела на возницу — и сразу отвела глаза. Добродушие слетело с лица мужчины, обнажив заскорузлую боль.

— Малец наш помрёт-то скоро.

— Как помрёт? Что с ним?

Проза. Фэнтези. Сказка

И откуда столько несчастий?

— Никто не знает, что. Отощал, слабеет день ото дня, от пищи отказывается. Вон, к колдуну ездил, и тот говорит, мол, поздно уже. Помрёт.

— Не помрёт! — упрямо сказала Зара.

Суждено согнуться в дороге — пусть. Но она успеет ещё кое-что сделать.

Возница от удивления выронил поводья, лошади замедлили ход.

— Чего ждёшь? Гони скорей! Твоего сына спасти едем! — крикнула Зара.

Хлыст взмыл в небо, и лошади рванулись с места.

Повозка остановилась в середине деревни около большого добротного дома. Навстречу вышла похожая на тень заплаканная женщина, беспокойный взгляд заметался между мужчиной и Зарой.

— Стеф?

— Фани, она поможет. Обещала Лука нашего... того... вылечить... — еле слышно сказал мужчина, будто заранее извиняясь за подаренную жене пустую надежду.

Помог Заре сойти с козел, спешно повёл в дом.

На постели высохшей веточкой лежал тщедушный мальчик. Казалось, от ребенка остались одни глаза — на удивление живые, полные интереса.

Всё внутри опустилось. А если не получится, как тогда с шишкой? Она даже не знает, как это выходило раньше. Всё просто менялось к лучшему. Может, и здесь — посидеть рядом, поддержать за руку.

Зара подошла к кровати, улыбнулась. Лук зашевелил губами — хотел что-то сказать. Она наклонилась совсем близко и услышала:

— Ты пришла из счастливого города, чтобы вылечить меня?

Зара медленно кивнула.

— Да.

Это было самое тяжёлое в её жизни обещание.

Теперь нет права на ошибку. Лучше согнуть в лесу, чем выйти из этого дома рука об руку с чужой смертью. А ведь смерть была рядом. Это знали все — и мальчик Лук, и его родители, и сама Зара.

Прошёл целый час, а она всё сидела неподвижно у детской постели.

Стеф и Фани заглядывали в комнату — на лицах читалось недоверие, растерянность. Зара желала одного — пусть её смятения никто не увидит, пока еще осталось хоть немного времени.

Ясно как день, чудесного исцеления не произойдет. Если сам колдун отказался, что делает она?..

Да кто он такой, этот колдун? Поговаривали, что колдунами становились подорожники, застрявшие в дороге. Обрастали домом, хозяйством, таинственностью. Ничего сверхъестественного. Что-то в свою бытность горожанами из книг узнали, что-то придумали. Может, и этот колдун ничем от неё не отличается, стало быть, он ей не указ.

Что же это за болезнь такая, как её вылечить? Как, как... Она не лекарь, но кое-чему научилась. Зара поднялась, сбросила простынь, внимательно осмотрела мальчика. Да, худой. Но! Кожа чистая — ни шишек, ни синяков. Прислушалась к дыханию — хрипов тоже нет. Потрогала лоб — немного горячее, чем у неё. Может, застуда? Или неизвестная хворь? Нет, пусть лучше будет застуда.

— Есть кто рядом? — громко позвала Зара.

Влетели перепуганные супруги, застыли в проеме двери.

— Мальчик поправится! — Зара очень старалась, чтобы голос не дрожал. — Но вам надо будет кое-что сделать. Бегите в лес за травами, и через час принесите мне душицу степную, красные цветки розы, ягоды с лунного куста, земляничный лист...

Зара перечислила все редкие травы, из которых так любили заваривать в городе чай. Чай — не лекарство, но здесь об этом никто не должен знать. Главное — держаться уверенно. Пусть поспешат, пусть не успеют ни о чем подумать.

Стефа и Фани как ветром сдуло, Зара посмотрела на мальчонку. Тот улыбался. Она взяла его за руку, крепко сжала. «Живи, только живи» — твердила про себя...

Через два дня Лук встал с кровати, на третий уже играл с другими детьми. В тот же вечер Зара ушла. Отказалась от двух тяжелых кошелей щедрой награды, от приглашений погостить годик-другой — взяла лишь немного еды в дорогу. Что ещё надо?

Она снова брела неизвестно куда. Скоро привыкнет к такой жизни. Может, даже начнет любить путешествия. Зара рассмеялась своим мыслям, прибавила шаг. Нет, привыкнуть точно не успеет. Дорога-то всегда разная. Только что была долина, а теперь тропка ползла вверх. Вскоре ветер принес запах снега.

С мальчиком повезло — хитрость сработала. А если однажды она не сможет поделиться счастьем? Что тогда? Позорно бежать каждый раз,

если фокус не удался? Объяснять, что счастье от неё не зависит? Уговаривать людей, мол, они и так счастливы?

Может, правы те, кто травил её? Горожане были уверены — всё зло в подорожниках. Теперь Зара видела сама — обнадежить и разочаровать человека проще простого. И не будет ли во сто крат больнее падать с высоты подаренной надежды? Вот колдун от Лука отказался, не честнее ли он поступил самой Зары?

Она запыхалась. Подъем становился всё круче. Было бы куда свернуть, Зара свернула. Но сейчас дорога только одна.

Зара вскарабкалась на широкое, покрытое колючими кустами плато, осмотрелась. Слева плато обрывалась глубоким ущельем, справа над пропастью к высокой каменной гряде тянулся ветхий навесной мостик.

На плато важно восседал выщербленный временем и непогодой камень. Большой булыжник, ничего особенного. Камень странно гудел, а, может, то гулял ветер в расселинах скал, или где-то далеко шумела река.

Зара обошла плато — деваться некуда, не торчать же здесь оставшуюся жизнь — и ступила на навесной мост. Руки вцепились в верёвочные поручни, она споткнулась о трухлявые дощечки настила, чуть не кувыркнулась вниз, но удержалась.

— Э-ге-гей! — бодрый юношеский голос прорезал тишину.

Она оглянулась. По плато беззаботно расхаживал давешний незадачливый паренёк. Складывал руки трубочкой и что силы кричал, а громкое эхо удивленно отзывалось. Большущая сумка валялась забытой ношей в траве неподалёку.

А за камнем неслышной и невидимой тенью притаилась дикая кошка. Зара остолбенела. Вот почему гудел камень — то был рык потревоженного в логове зверя. Кошки разодрали не одного подорожника. В одиночку с ними не справиться! Да и вдвоём тоже.

— Беги! Слышишь, беги! — что есть мочи крикнула Зара и замачала руками, пытаясь привлечь внимание зверя.

Кошка вышла из укрытия, наострила уши, принялась. Паренёк оторопело пятился к краю плато, наивная восторженность в глазах сменилась ужасом. Если он побежит, хищник рванет следом.

— Я здесь, чего ждешь! — заорала Зара кошке.

Пятнистая морда повернулась в её сторону.

Парень поскользнулся, нелепо взметнулись ру-

ки, и он ухнул вниз. Упал в ущелье, скатился по тропке? Гадать некогда. Стараясь не обращать внимания на качели моста, на пустоту внизу, на подступившую к горлу тошноту, Зара побежала. Вдруг зверь не пойдёт по шаткому мосту?

Оглянулась только на середине пути — и лучше бы этого не делала. Кошка грациозно ступала по ненадёжному настилу. Изогнутый белый с чёрными подпалинами хвост раскачивался в такт выверенным движениям. Жёлтые глаза гипнотизировали Зару.

Она остановилась. От себя не убежишь. Всю жизнь боялась, а теперь не до страха. Зара думала, будет еще много прощаний. Но прощание всегда одно. Почему не сказала Яну, что любит его? А ведь он ждал её слов. Ждал, и не мог сказать сам. Боялся привязать, сделать больно. Может, он бы остался. А родителям так и не простила, что бросили. И эта обида ушла вместе с ними. Каково же им теперь с таким грузом?

Кошка подходила всё ближе. Зара уже видела, как зверь присел для прыжка. Зажмурилась.

За спиной раздался мелодичный свист. Мир замер. Волной накатила дурнота. Зара сдалась и потеряла сознание.

Было неожиданно уютно. Потрескивали дрова — кто-то развёл костер. Зара не открывала глаз. Она устала, смертельно устала. Отвоевать бы ещё немножко времени у забытья.

— Зара стала подорожником, вот уж не думал.

Кажется, говорили про неё. Хрипловатый мужской голос. Где же она его раньше слышала? Ну конечно! Родители, Ян — именно этот голос объявлял ей приговоры. Зара распахнула глаза, резко села. Человек в шляпе с золотой пряжкой внимательно смотрел на неё. Зара задрожала от гнева и обиды.

— Поздно теперь давать указания! Я прошла свою дорогу!

Человек молча подбросил в костер сухих веток, длинной палкой поворошил угли. В свете костра его лицо не выглядело таким зловещим, как в то страшное ночное время. Только уставшим и безразличным.

— Почему все меня бросили? Даже ты не пришёл! — Зара глотала слёзы, не в силах больше сдерживаться.

— А если бы пришёл, что тогда? — он вздохнул и посмотрел в сторону.

Художник Лев Елена

— Я... я... бы не скиталась, знала куда идти, собралась бы в дорогу.

— Идём! — Зара не успела опомниться, как мужчина оказался на ногах и тащил её прочь от костра. — Узнаёшь?

Он вытащил из-под камня знакомую тяжелую сумку, распустил тесемки, выпотрошил её чуть ли не Заре на ноги. Горами посыпались съестные припасы, тарелки, кружки, сменная обувь, толстенные книги, микстуры в разноцветных флаконах, часовые механизмы.

— Спасло это его? — в сумерках блеснули злым огнем глаза мужчины, он больно сжал плечо Зары, сильно потрянул. — Отвечай!

— Нет... — прошептала она.

— А я, между прочим, приходил к парню, дал собраться... Всё по твоему рецепту!

Мужчина бросил брезгливый взгляд на пустую сумку, замахнулся, зашвырнул подальше в ущелье. Не взглянув на Зару, вернулся к костру. Она поплелась следом.

— И что... я... теперь подорожник? — Зара постепенно успокаивалась. — А кто же тогда ты?

Мужчина снова занялся костром, долго молчал. Она терпеливо ждала.

Он столько живет, что забыл своё имя. Давным-давно у него была власть, богатство. Но это надоедает. Он бросил всё и отправился странствовать. А когда дошёл до Мирты, ужаснулся тому, что увидел.

Хмурые, непроницаемые лица. Озлобленные

женщины. Дети с обреченными глазами. Вечно пьяные грязные мужчины. Запустение, нищета, разруха.

Он не смог уйти — стал помогать, учить. Навещал каждый дом, разговаривал с детьми. Боялся, что не успеет, вымалывал у судьбы ещё десять, пятнадцать, двадцать лет. Так хотелось увидеть, какие они на самом деле, без этой серой печати вековой тоски.

Его услышали. Поколения Мирты сменяли друг друга, а он всё жил. Город светлел, жители преображались, всё чаще раздавался на улицах смех — он мог гордиться своим детищем!

Но вот ведь как случается — однажды на него обозлились, выгнали из города. Причина — пустяк. Он де косо посмотрел на лавочника и де резко ответил его жене. Били палками, камнями — так никогда не гнали даже воров.

Потом снова путешествия. Навидался всякого, а город всё не шёл из головы. Пришлось возвращаться — нахлобучил шляпу, чтобы не узнали, и пошёл гулять по улицам, вглядывался в лица. Горожане лоснились от довольства и достатка, но иногда маски благополучия осыпались, и сквозь них проступала былая серость. Столько лет впустую — он лишь перекрасил их лица! И он снова стал просить у судьбы время. Чтобы исправить ошибку. Они должны научиться отдавать. Пусть отдадут своё одностороннее счастье, раз до сих пор ничего не поняли.

Немалых трудов стоило создать клан подорожников. Не раз его гнали, спорили, часто не понимали. Он подолгу жил в горах — соединенный с внешним миром лишь непрочным навесным мостом. Дикая звери привыкли к нему, приняли за своего.

Смельчаки всё же находились, они учились бросать всё, уходить в неизвестность и отдавать больше, чем имели. Они учили своих детей. А те своих. Подорожники никогда не возвращались назад. Их рвали дикие кошки. Кто-то погибал от холода, голода. Кто-то от собственного страха. Выжившие могли бы вернуться, но уже не хотели.

Сколько сотен лет ушло на это? Впрочем, какая разница. У него с судьбой свои счеты. Он обещал ей счастливый город, и он выполнит обещание.

Когда-нибудь они все станут подорожниками. Когда-нибудь... Как Зара. Ей ведь и восемнадцати ещё нет. Пусть она его простит, это был жестокий эксперимент. Он намеренно услал близких — она должна была захотеть уйти. Не имея к этому способностей, страшась этого. И она ушла! У Зары было немного шансов выжить.

Он вздохнул. Одно дело переставлять в уме пешки, но смотреть теперь в глаза девушке — ох как непросто. Исхудавшая, дрожащая. Ведь столько раз могла погибнуть! А он бы сидел потом в одиночестве и складывал цену своей мечте из тысяч человеческих жизней. Кто дал ему это право? Никто. Он взял сам.

Наконец он очнулся от своих мыслей, в упор посмотрел на девушку.

— Я тоже подорожник. Мы оба. Только я очень старый.

Зара улыбнулась, впервые за весь вечер. Он почувствовал, как губы растягиваются в ответной улыбке. А думал, уже не вспомнит, как это делается. Чуть помедлил, наслаждаясь моментом — хорошо, спокойно, непривычно. Подошёл к девушке, приобнял за плечи. От неё пахло так... так по-домашнему. Молоком, уютом, счастьем. Счастье... Он хотел этого для других. А сам?

— Пора! — шепнул он на ухо Заре.

— И это всё, что ты скажешь? Куда же мне идти?! — девушка опустила голову.

Плачет, расстроилась. Немудрено. Он слишком много от неё хочет.

— Зара, я никому не говорил большего, — он взял её озябшую руку. — Только ты знаешь свою дорогу.

Она поднялась на перевал.

Далеко внизу догорал костер. Возле костра неподвижно сидел человек в шляпе с золотой пряжкой. Звездочка огня и тонкая щепка рядом — хрупкие, ненастоящие, даже легкий ветер без труда сдует эти две малюсенькие соринки. Но они не исчезали. И Зара успокоилась — пусть хоть что-то останется от её прошлого. Разноцветные осколки счастья.

Впереди была дорога, многие тысячи шагов дороги.

Теперь Зара не остановится. Не сможет. Не захочет.

Михалевская Анна

writercenter.ru/profile/Bibigul/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Алиса в перевернутом мире

Меллори Елена

Одно было совершенно ясно: Алиса стояла на стене. Стильный черно-желтый комбинезончик сидел как влитой, концы шелкового шарфика трепетали на легком ветерке, модные танкетки позволяли чувствовать себя взрослой и независимой. Но что-то было не так, как должно быть. То ли зеленое небо, то ли бесконечные башни и непонятные летательные аппараты, то ли красивая, но чужая одежда, то ли то, что Алиса стояла на стене. Все вокруг было сказочно-непонятным и башенно-волшебным. И к тому же повернутым на девяносто градусов.

Страх не было, паники тоже, только легкое недоумение — приснится ж такое! Девушке часто снились странные сны, но такой попался впервые. Просыпаться не хотелось, но идти куда-то в неизвестность было все же боязно. Людей в округе не наблюдалось, только карпы и лещи деловито сновали в густом, словно концентрированном воздухе.

«О, летающие рыбы», — подумала Алиса.

«О, Алиса», — подумали летающие рыбы.

Рыбы лениво кивнули хвостами в ответ на робкое приветствие девушки и, ни на минуту не прекращая трепыхать плавниками, удалились.

Художник SEN

И тут на стене соседней башни Алиса заметила какое-то шевеление. Приглядевшись, она поняла, что это всего лишь крупный короткошерстный и явно беспородный черный кот, нагло задрал ногу, лизал у себя под хвостом. Увидев в свою очередь Алису, он одним прыжком оказался рядом с ней. Подойдя почти вплотную, кот, прикрыв глаза, начал принюхиваться к девушке. Не учуяв ничего подозрительного, поджал хвост, больше похожий толщиной на крысиный, чем кошачий, и сел на пятую точку.

— Ой, котик. Можно, я тебя поглажу? — Алиса была вежливой девушкой и привыкла спрашивать перед тем, как что-то сделать, не считаясь, правда, с полученным на вопрос ответом.

— Нельзя, — неожиданно ответило басом животное. — Я еще не обедал, а так как при глажке положено мурчать, то в корне не согласен это делать на голодный желудок.

Алиса оторопела и не нашла ничего другого, как прошептать:

— Ай, он говорящий ...

— Смотря с какой стороны посмотреть, вернее, в каком мире встретить; здесь — вполне говорящий, — рассудительно заметил кот. — Котов всегда люди недооценивали, но, в конечном счете, какая разница: говорящий ты или нет, если есть кто-то, кто о тебе заботится, кормит и убирает за тобой?

— А как тебя зовут? — заинтересовалась девушка.

— Меня? Кот. Визиток с собой не ношу, так как без них гораздо чаще встречаешь интересных людей.

— Чеширский? — вспомнила Алиса прочитанную еще в школе и уже полузабытую книгу. В детстве она часто представляла себя в Зазеркалье и

Проза. Фэнтези. Сказка

поэтому очень обрадовалась, решив, что как раз туда и попала.

— Смотря что иметь в виду, вернее, в какой момент спросить: я блохастый, а значит, периодически и чеширский. Называй меня Просто Кот. Нравится мне эта неоднозначность в имени.

— А почему мы стоим на стене?

— В Перевернутом мире, чтобы быть собой, не нужно лезть из кожи вон. Достаточно хотя бы изредка делать что-то обыкновенное. А в остальное время приходится чудить. Только вот никогда не знаешь, что вычудится в следующий раз. Я как-то борщным плаванием занимался. Не поверишь: капуста там просто завалилась... И мясо там было вкусное-превкусное... А всего-то решил в журнальчик кулинарный одним глазом заглянуть и одной лапой пролистать. А ты говоришь о каких-то элементарных стенах... — Просто Кот презрительно прищурился и почесал лапой за левым ухом. — Может, для разнообразия по потолку походим? Давненько я этим не занимался.

— А по нему тоже можно? — опешила Алиса. — Правда?

Кот рассмеялся тихим и немного зловещим смехом:

— Да запросто. Только совесть не потеряй. Когда ходишь вверх ногами, она выпадает часто. А потом ищи ветра в поле — или кто-то подберет или затопчут. Вон Пушистик уронил недавно — до сих пор ищет. Она у него приметная была: маленькая, но концентрированная — он в ней котлеты в жару хранил. Надышаться на нее не мог. И как он совесть проморгал — не понимаю. Украли, что ли? Хотя кому она нужна — бэушная и безавтоперемоточная? Но рано или поздно найдет. Может, завтра — а может, вчера. Возможно, и не свою, но найдет.

Продолжая познавательный для Алисы диалог, собеседники шли вниз по стенке. Где-то в отдалении мелькали чьи-то силуэты, но никто подходить к ним не решался. Дойдя до точки, с которой Перевернутый город смотрелся особо выигрышно, девушка с котом приостановились и почему-то молча начали оглядывать окрестности. Алиса с живым интересом рассматривала каждую крышу, каждое здание, каждую башню, особенно ей понравилась центральная. Та, что с часами и надписью на перевернутом языке, в переводе Просто Кота означавшей: «В Петропавловске-Камчатском полночь».

— Какие необычные крыши! — заметила девушка.

— А без крыши сейчас никуда. Без нее или побьют, или намокнешь. Важная она в хозяйстве

вещь. Главное, свою собственную иметь, чтобы чужие смело топтать.

— А как мне домой вернуться? Так хочется поскорее проснуться.

— А зачем? Тут хорошо, свободно. Гуляй себе, где хочешь, чуди сколько сможешь. Я тут одну очень приличную крышу знаю. Там такие подкрышцы живут — ты будешь в восторге. Они любят ходить к стоматологам и ненавидят конфеты. И качаются весь день — то на люстре, то по полу.

Повернув на звук шагов голову, Алиса, наконец, увидела новый персонаж. Навстречу ей по стене сверху вниз шел благообразного вида седой старичок с аккуратной короткой бородкой. Выбивались из образа только очки. Они так и норовили слезть с носа и наверняка уже не раз побывали на стенах и потолках: перемотанные скотчем дужки и многочисленные трещины на стеклах прямо кричали об этом.

— Сардельку мне в рот! Законник... Прятаться нужно! — шерсть у Просто Кота вздыбилась, а хвост начал выделять настоящие сальто. — Потом сохнуть минимум полчаса.

— А на вид — милый старичок. Что в нем страшного? — удивилась Алиса.

— Вот сейчас сама и узнаешь, а я пока по полу похожу... В соседнем здании... В подвальном помещении... Еще увидимся, не чихай. И главное, не говори при Законнике о таксах. Ему крышу и так уже два раза на место ставили...

Просто Кот, прижимая пузо к стене и стараясь бежать быстро и при этом незаметно, рванул вниз. А бородач тем временем подошел к девушке.

— Приветствую вас, миледи! Я здесь за порядком слежу. Можете звать меня Законником, прижилось имечко, сам уже и не припомню настоящего. Да и не нужно оно мне, — с поистине джентельменской вежливостью была приподнята шляпа. Уже с неджентельменской ухмылкой Алиса была осмотрена с головы до ног. — Новенькая? Почему не в маске? Законы нужно соблюдать. Именно для этого они и были приняты. Нужно тебя сразу занести в Справочник. А то мало ли что ты тут натворишь — расхлебывать-то мне. Давай-ка сюда свои документы.

— У меня их нет. Кто же с собой паспорт носит? — недоуменно заметила девушка, роясь в, увы, пустых карманах комбинезона. — Вы вначале свои покажите!

Полицейский, роняя то бутерброд в пластиковой упаковке, то плюшевого зайца, достал из-за пазухи засаленный листик бумаги с короткой над-

Художник SEN

писью «Логин — Законник. Пароль — 123». И, потрясая им одной рукой перед носом Алисы, а другой крепко схватив ее за запястье, начал вещать поучительным тоном:

— Все! Пусть и поддельные, но носят. У некоторых документов сотни, как и масок. А ты и без маски, и без документов... То ли преступница, то ли потенциальная жертва. Иди со мной — посидишь пару часиков в Часовой Башне, сразу вспомнишь и свое имя, и где собаку припрятала.

— Какую собаку? — глаза девушки расширились от неожиданной оговорки полицейского.

— С чего бы это ты о таксах заговорила? — Законник злобно прищурился, и хватка его стала гораздо сильнее.

— Это вы о них вспомнили. Я вообще котиков люблю, — Алиса готова была расплакаться. Только Башни ей для полного счастья и не хватало. Тут нужно думать о том, как выбираться отсюда в реальную жизнь, а ее взаперти держать собираются. — Уважаемый Законник, меня зовут Алиса, я никакая не преступница и не жертва. Я домой хочу, а не в Башню.

— Соглашайся. Будешь жалеть, если не пойдешь. Я тебя познакомлю с моими друзьями — выдающимися преступниками. Им в Башне нравится. Злоумышленники прекрасно контролируются, когда знаешь, на какую собаку нужно нажать.

— У вас что-то случилось с вашим домашним

любимцем? — с сочувствием спросила Алиса.

Законник разразился в ответ целым потоком слез. Старичок долго плакал, неразборчиво рассказывая про свою любимую собаку, которая так у него в детстве и не появилась из-за острой нелюбви матери ко всем животным, и все сильнее сжимал руку Алисы.

Целых полчаса продолжался монолог Законника. Когда слезы и слова закончились, начались высмаркивания и покашливания. А за ними пожимания рук и благодарности:

— Ты единственный тут нормальный человек, не считая моих друзей и парочки из Эквадора. Спасибо за сочувствие и понимание. А масочку ты зря не надеда. Запомнят и доложат куда надо. Я это и сделаю, мне не сложно. Поосторожнее с тем, что говоришь. И Законы соблюдай. Если что, я всегда рядом. Только плюнь на стену, и я тут как тут, тогда от Башни не отвертишься ни за какие коврижки. Нет, за коврижки, конечно, отвертишься, но отдать их придется немало. В общем, надеюсь, до скорой встречи. Жаль, что ты никого пока не убила.

Сделав прощальный (опять истинно джентельменский) кивок с приподниманием цилиндра, Законник вскочил в пролетающий мимо синий в розовый цветочек и абсолютно пустой трамвайчик. Непрестанно и препротивнейше звеня, транспорт с необычной расцветкой и лыжами вместо колес быстро улетел, Алиса даже не поняла в какую сторону.

Проза. Фэнтези. Сказка

— Стихи любишь? — раздался голос Просто Кота.

Девушка очень обрадовалась его возвращению.

— Ага. Я их даже сочиняю. Вот, послушай мой самый любимый:

Люблю тебя до боли,
Не устану любить до конца,
И сделаю надпись кровью:
«Люблю». Смахну слезы с лица.

— Глупый стих.

— Что ты, кот, в стихах понимаешь? Меня знаешь как все подружки хвалили? У меня целая куча классных стихов.

Кот нерешительно помялся и только после длительной паузы сказал:

— Ты же почти взрослая, а стихи у тебя, как у Пушистика в депрессии. Хотя если убрать слов примерно этак восемнадцать и добавить столько же, но совсем других, то получится здорово.

— Тебе не понравились мои стихи? Коты никогда в искусстве не разбирались.

— Коты всегда разбирались в людях, а это гораздо важнее.

— Совсем-совсем не нравится? Можно, я тебе еще почитаю, а то ты, наверно, просто не поняли или не расслышал, — с трудом сдерживала слезы Алиса.

— Не переживай. Через испытание стихами в моем мире проходит каждый, только оно тут метанием икры называется. Кто сколько наметет, тот на завтрак в бутерброде с маслом столько и съест. Очень нужное дело. Вкусное и питательное, — утешительно пробормотал Просто Кот. — Я даже думаю предложить народу икрой обмениваться, а то своя икра, конечно, самая вкусная, но кушая чужую, хочешь не хочешь, а пару добрых слов о ней скажешь. Хоть из жалости. И автору приятно, и в еде разнообразие.

— Мне не нужно из жалости, я из справедливости хочу! — расстроилась девушка.

— Тогда тебе нужно к Книжнику. Он у нас самый справедливый. Только тебе он не понравится. Он далеко не каждому по душе. Большинство его десятой дорогой обходят.

Передвигаясь по многочисленным лесенкам и переходам, соединяющим башни, Алиса подошла к маленькому неказистому зданию с огромной и на вид жутко тяжелой дверью, перевернутой, конечно. Кот легко толкнул дверь внутрь и приглашающе кивнул девушке. Зайдя в помещение и оглядевшись, девушка поняла, что не все такое, каким

кажется снаружи. Маленькая башенка внутри оказалась размером с футбольное поле и высотой в шестиэтажный дом. Большой и абсолютно пустой зал потрясал своими размерами и сплошными книжными полками до самого потолка по всему периметру комнаты. В самой середине помещения находилось единственное кресло, на котором сидел симпатичный молодой человек с важным выражением лица. Не вставая и не представляясь, он сразу начал поучать девушку:

— Надень маску сейчас же, а то я тебя узнать смогу. Закрой дверь, еще простудишь всех нас. Не молчи, а то я решу, что ты дурочка. Не горбись, а то ты становишься похожа на мою бабушку...

— Уважаемый Книжник, вы можете стихи мои оценить? — прервала парня Алиса.

— Я все могу. Читай. Только достаточно медленно, чтобы я все расслышал, и достаточно быстро, чтобы я не уснул, — кивнул молодой человек.

— Кхе-кхе... — прокашлялась Алиса, приняла свою самую умную позу и начала:

Одиноко бредут люди,
Одиноко дрожат деревья,
Никогда ты меня не полюбишь,
И дрожат от любви мои нервы...

— Стоп, стоп, стоп! — с гневом закричал Книжник, вскакивая с кресла. — Какие нервы? Какие люди? Какие деревья? Писать нужно об ирреальности нереальности или, на худой конец, реальности утопичности. Я тебе дам список авторов, почитаешь и все сразу поймешь. Дальше, рифма — это в стихах святое. Я тебе дам несколько словарей, почитаешь и сразу проникнешься. Следующее...

Вообще, Алиса обожала давать советы другим: «Не суй пальцы в розетку — убьет. Не надевай это платье — оно тебя полнит. Не читай эту книгу — гадость». Но терпеть это от кого-то оказалось очень даже неприятной вещью. Решив, что с нее хватит, и даже не дослушав речь Книжника, девушка выбежала из зала. На почти уже привычной перевернутой стене стало гораздо легче, но полностью успокоиться не удалось.

— Домой хочу, — тихо сказала Алиса непонятно кому.

— Не проблема. Раз тебе у нас не нравится, то иди за мной, — произнес совсем рядом Просто Кот и они опять пустились в, казалось, бесконечную дорогу по нескончаемым лестницам.

— Нам туда! — сказал кот, кивнув куда-то вправо,

Художник SEN

и подмигнул Алисе левым глазом. — Уже недалеко — между тобой и домом нет ни одной крыши.

— А мы еще встретимся? С тобой так интересно, не хочется думать, что это только одноразовое чудо.

— Чудо не бывает одноразовым. Его можно сколько хочешь за хвост тянуть, главное — не забывай с днем рождения поздравлять и стихи свои ему не показывай, чтобы не расстраивалось.

— Котик, жаль, что мы с тобой ни разу не сфотографировались. Уж я бы нашла, куда снимок пристроить. — Алиса мысленно представила, какой резонанс вызвала бы ее фотография с котейкой. — Сколько не твержу себе без фотоаппарата не выходить из дому — и все без толку.

— Если тебе хорошие кадры нужны, так это в Туалетный Зал, там такой вид — закачаешься. Лучшие наши архитекторы и декораторы старались. Если еще к нам заглянешь, я тебя обязательно туда отведу.

— С удовольствием, а почему он так странно называется? — удивилась девушка.

— Потом расскажу... Ну что? Полетели? — кот размял затекшие лапы и легко поплыл кролем по зеленовато-дымчатому густому воздуху в сторону большого облака в виде аппетитной головки дырявого и очень дорогого сыра...

— Просыпайся, Алисочка! Сколько можно спать? Уже почти девять, я как раз борщ приговорила, — сказала женщина, стягивая одеяло с дочери. — Марш умываться и потом сразу на кухню.

Алиса, переодевшись из белой пижамы в легкий халатик, поплелась в ванную. И уже там услышала громкие крики:

— Аааа!!! В борще кот утонул!

— Сударыня, никто не утонул. Я тут, может, плаваю.

— Аааа!!! Говорящий кот!..

Меллори Елена

writercenter.ru/profile/Mellory/whois/

Художник SEN

writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/

Волчий танец

Гольшанская Светлана

У оборотней испокон веков существует древний обычай: в самую студеную февральскую ночь, когда на небе восходит полная луна, собираться на большой поляне, чтобы выбрать себе пару на всю жизнь. Молодняк приходит со всех окольных кланов. Достигшие брачного возраста девушки танцуют танец первой любви, очаровывая юношей, и бегут прочь, проверяя силу своих поклонников. Чем краше и сильнее самка, тем обворожительней ее танец. И тем сильнее сражают-

ся за нее самцы, нередко убивая и калеча соперников, но таковы их древние инстинкты, сопротивляться которым они не в силах. Но есть те, кто хочет сохранить разум в этой безумной пляске жизни и смерти.

Нейру чурается подобных сборищ. Уже пять лет терпит зов крови, не позволяет колдовской агонии охватить свою и без того горячую кровь. Каждый раз февральская ночь обращается в пытку — просто стоять и смотреть, как танцует очеред-

Художник Карол Бак

ная самка, как изгибается мягкое тело, чувствовать, как сладкий с кислинкой запах окутывает его, будоража плоть, возбуждая дикую безудержную фантазию. Но оборотень научился справляться с этим — уходить из реального мира в незримый и там давать выход своим эмоциям, не позволяя им прорваться наружу, включиться в безумную пляску жизни. Тяжелей всего было в начале, но потом все ощущения притупились. Теперь Нейру спокойно наблюдает за праздником со стороны.

Со слабыми низшими самками никогда проблем не возникает, а вот с Королевой всегда сложнее, ведь ее танец куда более искусен, а запах настолько силен, что сводит с ума всех тех, кто терпит до этого и решается сразиться за нее в последней, самой страшной схватке. Но не его. Предыдущие пять королев так и не смогли его соблазнить. Вряд ли сегодняшней повезет больше.

Но тут выходит Альба в платье из лунного света и начинает плести кружево своего соблазнительного танца. Зверь внутри оборотня трепещет. Воспоминания захлестывают его.

Нейру встретил Альбу на ярмарке прошлой весной. Ее запах буквально сбил его с ног, впервые в жизни пробудив в нем зверя. Прежде никогда инстинкты не затмевали в нем разум, но сейчас его тело действовало по собственной воле. Нейру вырвал Альбу из толпы, начал обнюхивать, как бездомная дворняга, а она дрожала то ли от испуга, то ли от неожиданности, завороченно глядя в его затопившие радужку чернильные зрачки. Жертва. Но оцепенение продолжалось недолго. Девчонка оказалась дерзкой, смелой. Облизала пересохшие губы, легко оттолкнула его, приложив к груди руку, царапнув до крови ногтем кожу, и пошла прочь, плавно покачивая бедрами, словно зовя за собой.

Потом еще несколько мимолетных свиданий: на похоронах отца, на шабаше в полнолуние, а потом летом на речке. Причем Нейру не знал, кто подстроил их последнюю встречу: Альба или он сам. Искал ее, просто шел по запаху, чувствовал, куда ведут следы, и все равно не мог остановиться. Заметив разложенную у воды одежду, спрятавшись за старое дерево с толстым стволом и наблюдал, как мощными гребками девушка противостоит течению, как мучительно медленно показываются из воды ее плечи и грудь, как прилипла к телу мокрая нижняя рубашка, идеально повторяя его изгибы, соблазнительно обрисовывая силуэт просвечивавшихся сквозь светлую ткань набухших от холода сосков.

Выйдя на берег, Альба встряхнула мокрыми волосами и посмотрела на дерево, за которым он прятался так, словно могла видеть сквозь ствол. Нейру не выдержал — вышел из своего убежища и выдал себя с головой. Девушка не закричала, не поморщилась. Замерла, внимательно наблюдая за ним своими огромными цвета весеннего неба глазами.

— Что ты делаешь? — спросил оборотень каким-то странным, уже не человеческим, но еще не звериным голосом.

— Купаюсь. Жарко, — игриво ответила Альба и брызнула на него речной водой, призывая порезвиться вместе с ней.

Ребенок, шаловливый и беззаботный. Но на дне кристально-голубых глаз таилась какая-то загадка, совсем не детская печаль. Казалось, Альба осознала свою власть над Нейру и вместе с тем еще не решила, зачем он ей понадобился. Она призывно улыбнулась и стремительно нырнула в воду. Не раздумывая ни минуты, он сбросил башмаки и последовал за ней, стремясь догнать, поймать и...

Тогда они провели вместе весь день, гоняясь друг за другом по речному дну, словно глупые щенки, а потом валялись на берегу, обсыхая в лучах заходящего солнца. Разговаривали мало. Молчали каждый о своем, украдкой бросая друг на друга задумчивые взгляды, словно пытались отыскать для случившегося уголок в своих таких непохожих и странно сходных судьбах. Не сказав и слова на прощание, они расстались на полгода. Нейру почти забыл о ней и об этом щемящем душу и воспаляющем кровь чувстве. До сегодняшней ночи.

И вот снова наваждение пьянит его голову. Погруженный в созерцание, он пропускает мимо ушей имя ее клана и титул, не замечает, как шепчется толпа, подаются вперед самые смелые и неистовые, как усиливается музыка ночи, вторя завораживающим движениям девичьего тела. Запах. Запах проникает везде, как Нейру не старается от него закрыться, не обращать внимания.

Свет полной луны оттеняет бледную кожу танцовщицы. Светлые волосы толстыми косами закручены вдоль головы, открывая стройные плечи и тонкую шею. Иллюзия беззащитности, уязвимости. Подогревает интерес. Кружится, то плавно поднимая руки над головой, то нарочито медленно опуская их себе на талию. Игривые ужимки. Томное похлопывание ресниц. Снова облизывает губы. Соблазняет.

Проза. Фэнтези. Сказка

Но на него ухищрения Королевы не подействуют. Нейру все это видел не раз. Разрушать все то, что он строил долгие пять лет ради какой-то девчонки? Глупо. Вон сколько у нее поклонников набралось. Здесь с десяток погибнет, а сколько еще останется покалеченными? Ведь это куда хуже смерти. Особенно для Нейру... Нет, он не вынесет. Просто не хочет видеть. Надо уходить, пока...

Он с трудом отрывает от Королевы Ночи замороженный взгляд и, стараясь не вдыхать ее запах, идет прочь. Но тут толпа взрывается восхищенным криком. Нейру не выдерживает. Поворачивается. Красавица распускает волосы, и они, волнами разлетаясь по ветру, укрывают ее плечи. Запах. Ее запах теперь везде. От него нигде не скрыться. Нейру поднимает взгляд и понимает, что пропал. Альба, не обращая внимания на толпу, смотрит прямо ему в глаза, словно этот танец, этот призыв предназначается для него одного. И он не может ей отказать.

Ее взгляд сводит Нейру с ума, разрушает так тщательно выстраиваемые разумом барьеры, обжигающей волной проходит по жилам, до краев наполняя томным вожделением, терпеть которое нет ни сил, ни желания.

Заполучив его внимание, девушка вытягивается струной, вскидывает голову и, глядя на полную луну, протяжно воет по-волчьи. От этого звука в висках мужчины бешено стучит кровь, набатным

боем отдаваясь во всем теле. Девушка отталкивается от импровизированного помоста, оборачиваясь в полете. На снегу вместо нее оказывается поджарая белая волчица, окидывает толпу дерзким взглядом. Всего одно мгновение, и она помчится прочь, поднимая снежный вихрь, чтобы спастись от своры разгоряченных перекинувшихся оборотней. Всего один мимолетный взгляд, и на его месте уже стоит косматый черный волчище, вдвое крупнее сотоварищей. Прыжок — под его тяжелыми лапами раскалываются ледяные глыбы. С визгом в стороны разлетаются замешкавшиеся соперники. Нейру не помнит себя. Инстинкт долгие годы сидевшего на цепи зверя полностью сковывает разум. Остается только ее запах, всепроникающий и волнующий. Он манит по следу, заставляет забыть об усталости, страхе и даже холоде, велит вонзать острые клыки в глотки соперников, отшвыривать их мощными лапами и бежать-бежать-бежать.

Нейру бежит уже целую вечность, перемазанный в чужой крови и вымокший в снегу. Бежит один — собратья давно оставили бесплотную надежду догнать слишком прыткую лунную бестию. Ее след простыл. Даже запах пропал. А волк все не может остановиться. Неведомая сила гонит его вперед, в страну, откуда не возвращаются даже волки.

Впереди мелькает заледеневшая речушка. Та самая, где они купались летом. Над ней высокий

Художник Станислав Сугинтас (Stanislav Sugintas)

обрывистый берег. И там, в лунном сиянии, одинокая тень. Нейру жадно втягивает ноздрями морозный воздух, силясь снова уловить ее запах, но ничего не чувствует. И все равно следует за ней, за мимолетной тенью, которую уже не в силах отпустить.

Луна выцветает с небосвода в предрассветных сумерках. У самой кромки горизонта брезжат всполохи рассвета, окрашивая снег в лиловые тона. Тогда к Нейру словно возвращается зрение — он видит ее. Так близко и так далеко. Неуловимый мираж в его голове. Обессиленный, делает последний рывок. И падает. С трудом поднимает налившиеся свинцом веки.

Альба гордо высится над ним, победительница. Ждет, когда Нейру встанет на лапы, но он неподвижен. Взгляд Альбы становится встревоженным. Она опускается подле волка. Пихает мокрым носом в покрытый жесткой шерстью бок, прижав уши, тихонько поскуливая. Наслаждаясь ее несмелыми прикосновениями, Нейру закрывает глаза. Ближе. Еще ближе. Так, чтоб наверняка уже не вырвалась. Бестия.

Вмиг его глаза вспыхивают. Прыжок. И Альба погребена под его мощным телом. Скулить перестала. Внимательно смотрит. Нейру чувствует, как ее тело подбирается, чтобы ответить, чтоб сопротивляться. Но все это бессмысленно. Волк ее не выпустит. Не теперь, когда он, наконец, поймал ее. Черно-белый клубок катится по глубокому снегу. Но борьба лишь для вида. Вскоре волчица сдастся: падает на спину и оборачивается девушкой. Нейру еще смотрит на нее волком, ощущая, как скопившаяся внутри ярость растекается по жилам, обретая новую форму. И вот он тоже человек. Человеком льнет к ее телу, нагим, как и она сама. Покрывает поцелуями бледную кожу, согревает ее пышущим в груди жаром, от которого снег тает вокруг. Томное дыхание вырывается парными клубами. Стремительные движения. Время замирает. Мир теряется в агонии страсти. Начинается подлинный волчий танец. Неистовые, полные болезненной истомы движения сменяются сладостной негой, безмятежным покоем бьющихся в унисон сердец.

Сегодня солнце восходит только для них двоих. Новый день сплетает их судьбы в одно. И Нейру знает, что отныне гордая красавица Альба и ее чарующий танец принадлежат ему одному. И так будет всегда, пока мертвецкая стужа не заберет их обоих.

Чёртова мельница

Быкова Ксения

Сколько раз за свою жизнь зарекался не напиваться — а вот опять проснулся с диким похмельем. Не-ет, если бы хмельные напитки, как раньше, делали на ржи да пшеничке, разве случилось бы такое? Это все гномы виноваты: гонят дешевое пойло из черной вонючей подземной воды, а люди страдают.

С трудом раскрыл глаза. Голова раскалывается, внутри все трясется, как холодец у паршивой хозяйки, во рту пересохло. Так — лежу на сеновале, заботливо прикрытый старым тулупом, рядом посапывает кто-то в черной юбке. Ого, на какие подвиги меня вчера потянуло! И это в таком-то состоянии... Орел, как ни крути — орел. Очередная волна боли извергла жалобный стон души. Глаза снова закрылись.

— Ну что, герой, проснулся? На-ко, хлебни. — Что-то холодное успокаивающе прижалось к виску.

В поле зрения возникла мужская рука, протягивающая запотевший глиняный кувшин. Неужто пиво на утро осталось? Трясущимися руками берусь за ледяное горлышко и делаю глоток. Увы, не пиво, а квас; но тоже благостно — ядреный, холодный, настоящий на хрену... бальзам на душу.

Стоп... Мужик? Откуда взялся? Вроде бы баба рядом сопела? Точно помню, подол длинный, черный. С усилием поворачиваю голову. Батюшки мои — поп! Поп с утра — к несчастью. Рука сама собой

потянулась к штанам. Если встретил попа с утра, чтоб несчастье отвести, почеси скорей муды — первейшая примета, у нас на хуторе об этом все знали. Бабка Акулина была большая мастерица сказки рассказывать. Она всегда знала, что к худу, а что к добру, как аuku обмануть или матох успокоить, а детвора слушала ее вечерами, открыв рты. Хороший, крепкий хутор был. Хаты, увитые барвинком, крынки на тыну, густой белый туман над неторопливой речкой, запах молока, свежесвыловленной рыбы и яблок...

— Ну что, оклемался маленько? Гляжу, лицо у тебя благостное стало. Руку от портков-то убери, богохульник.

— Святой отец, а может у вас, того, посерьезнее кваску что-нибудь есть? Причаститься бы... не пьянства ради, здоровья для.

— Да кто ж после пьянки причащается? Перед причастием постятся да молятся — а ты, охальник, что вчера творил?

— А не просветите ли, батюшка, что именно? Хоть убей, не помню...

— Что на свадьбе на цимбалах играл, помнишь?

Где-то в отдаленных углах большой головы возникли отрывочные воспоминания. Ведь точно, на свадьбу был приглашен — музыкантом. Богатая по нынешним временам свадьба была. Столы с за-

кусью длинные через всю улицу тянулись, человек сто гуляло, не меньше, двух кабанчиков завалили... а самогонка все равно, видать, гномья была — вон как голова трещит. Староста дочку замуж выдавал, хорошо заплатить обещал. Дочка так себе, перестарок, квашня-квашней, а жених ничего так, крепкий парень. Видать, на приданое позарился. Хотя на такое приданое любой бы позарился: корова, кобыла, домик небольшой, но справный, лужок покосный, заливной и четыре полосы обработанной земли. Живи да радуйся, а бабы в ночи да под одеялом все на одно лицо.

А мне-то староста заплатил? Не помню...

— Ты по порткам-то не шарь, не шарь, не заплатил и не заплатит. А если еще раз на глаза попадешься, прибить обещал.

— Значит, на свадьбе не похмелят?

— Нет, сын мой, не похмелят, а вот ребра еще раз пересчитают.

— Чем же я вчера так отличился?

— Бесом по столам скакал, жениха меринном называл, теще капусту квашеную за пазуху совал, невесте юбку задирали, требовал на целостность проверить, под столом на карачках ползал — баб щупал, ну и в бочонок с пивом помочился, за что бит был нещадно, но отбивался, как герой. Вот такие бесчинства ты вчера сотворил, греховодник.

Ох, ты... Значит, бит был; то-то я смотрю — болит все тело, а не только голова. Ну да ладно: руки-ноги шевелятся — значит, не сломаны, а голову все равно лечить надобно.

— Батюшка, а вот как помру от побоев да без покаяния, и не будет душе моей грешной покоя...

— Твоей душе все равно покоя не будет: пьяниц, музыкантов, скоморохов в рай не пускают.

— А я покаяться хочу... Прими, святой отец, причастие от помирающего раба божьего Митрия... Каюсь, грешен был.

— Какие же грехи ты совершил, сын мой?

— Вино зелено пил, на цимбалах играл, девок красных любил, бесом по столам скакал, жениха меринном называл, теще капусту квашеную за пазуху совал, невесте юбку задирали, под столом ползал — баб щупал, ну и в бочонок с пивом помочился... Отпустите, батюшка, грехи мои перед смертушкой скорой, неминуемой, и причастите в последний раз!

— Скоморохом жил — скоморохом помрешь. А вот грехи твои, пожалуй, я отпущу, но накладываю на тебя епитимью. Будешь седмицу меня сопровождать, от выпивки воздерживаться и молиться по три раза на дню.

— Батюшка, да куда же я пойду в таком-то состоянии? Ведь помру, не ровён час!

Художник Илья Репин

Проза. Фэнтези. Сказка

— Не помрешь, сейчас тебя подлечим, и будешь как новенький. А пойдем мы в соседнюю деревню — там мельницу окрестить надобно; крестьяне жалуются — мука с песком выходит.

Из переметной торбы была извлечена бутыл с красным церковным вином, и щедрой рукой батюшки мне был выделен целый стакан благодати божьей. После этой процедуры можно было, конечно, и пятками назад развернуться, но, как только полегчало, совесть у меня проснулась. Дал слово — нужно держать; да и о душе пора подумать. Сколько же греховодничать-то можно? Вот паду в бою неравном с лихими людьми — и куда душе бедной деваться? Потянут мои проделки ее прямиком в преисподнюю.

Похмелье вкупе с проснувшейся совестью — смесь гремучая, никогда не знаешь, куда заведет. В общем, сказано — сделано: умывшись водой родниковой, собравши скарб невеликий, огородами-огородами покинули мы ставшее негостеприимным село.

Солнце в зените, а мы по полю вышагиваем.

— Святой отец, кто же по полудню через поле ходит? Нападет полудница — будет весь день голову крутить.

— Сын мой, это все от лукавого, язычничество. Ты иди и молись — и не будут тебе девы во ржи чудиться.

Легко сказать — молись... когда же это я последний раз молитву-то читал? Ох, помню, в детстве маманька меня голиком по горнице гоняла, на горох ставила, слова мудреные заставляла заучивать. Все не впрок.

Рожь шумит, так и слышится, как будто бы девки то тут, то там перешептываются; а мы, знай, шагаем, батюшка молитвы под нос бубнит. Вот и похмелье уже с потом все вышло. К вечеру дошли до соседней деревни.

Батюшка к старосте отправился, о постое да ужине договариваться, а я на речку — ополоснуться да на мельницу посмотреть, обстановку разведать.

Выкупался у запруды. Вода как парное молоко. Вдоль берега камыш шуршит, истории нашептывает. Вот где кладезь слухов-то, да не дано человеку его понять. В воде кувшинки огромные покачиваются, сон навевают. Чуть ниже мельничное колесо стучит, в дрему клонит.

Проснулся уже в сумерках. Все вокруг перешептывается, пересвистывается. В воде рыба плещется, лягушки песни любовные распевают. В зарослях ветлы соловушка горлышко росой полощет, первые

трели пробует выводить. Где-то на другом берегу девица поет, красиво да жалобно.

В нелюбви рожденная,
Счастьем обделенная,
Тризну не познавшая,
Долю не узнавшая.

Кому юдоль, кому доля,
Ну а мне чужая воля.
Душа некрещенная,
В воду отпущенная.

Достал я цимбалы — да давай мотив подбирать, девице подыгрывать. Девица поет все ближе да ближе, я играю все уверенней да громче. Тут и молодежь ко мне со всех сторон стала подтягиваться. Кто вздыхает да девице сочувствует, кто костер разводит, а кто и хоровод потихоньку заводит. Вроде бы и рядом певунья, а на глаза не показывается.

В небе звезды проснулись, смотрят на вечерку да перемигиваются. Устала певунья, приутихла. А ноги-то уже в пляс просятся.

— Эй, музыкант, давай-ка, что повеселей.

Звонят цимбалы, поют струны, пляшут в руках молоточки, стучит в такт чертово колесо на мельнице, отплясывает народ, так что пыль столбом. Взметаются бесстыдно юбки у девчат, а парни такие коленца выдают, что и не повторишь. Глаза радуются, душа поет, а вдалеке уже заря-заряница, красная девица, ленту алую в косу вплетает. Когда ночь пролетела — и не заметил.

Крик петуха. Прошел ветер по траве — и тишина. Сижу я один на пеньке у реки, цимбалы на коленях жалобно так постанывают, покоя просят. Вот тебе и на — всю ночь, оказывается, мавок развлекал! Всякое повидал, а в такой переплет впервые попал. Пока до деревни дошел да разузнал, где батюшка на ночлег пристроился, добрый люд уже за дела принялся; а я — спать на сеновал.

— Вставай, греховодник. Где всю ночь простал? Это ты так слово держишь да обеты выполняешь? О душе подумай!

— Батюшка, не поверишь, всю ночь тверезый да скоромный на речке сидел, о жизни непутевой думал. Хотите — дыхну?

— От тебя еще вчерашним перегаром за версту несет... Скоморох... Собирайся, на мельницу пойдём.

Запруда как запруда, мельница как мельница — чего это мне вчера здесь чудеса виделись? Хотя нет, мельница хоть и крепкая, но запущенная. Вон заслонка водяная покорибилась, и русло подзарастать травой стало, камыш почти вплотную к колесу поступил — такого ни один мельник не потерпит.

Стоп. Заслонка-то закрыта, и колесо стоит, а ночью точно стучало. От греха подальше — лоб перекрестил.

— Батюшка, а что с мельницей-то?

— Да мельник помер года три тому назад. Отпели, как положено, схоронили по-людски, а нового помольщика не найдут. Кто ни придет, через пару седмиц сбегает. Негоже большому селу без мельника. Дело-то хлебное, прибыльное — а желающих нет. Вот сговорились с пришлым мужиком за малую прибыль, да мука с песком стала. Нечисто здесь. Разобраться надобно да освятить честь по чести.

Внутри мельница оказалась еще запущенней, чем снаружи. Пыльно. Паутина везде, и мышами пахнет.

— Говоришь, батюшка, пришлый помольщик муку мелет? Что-то не похоже. Хозяин тут есть; сначала прогнать его нужно, а уж потом мельницу

святить. Ты, батюшка, конечно, можешь здесь пока водичкой побрызгать да молитвы почитать, а я — спать. У меня сегодня вечером дело есть.

Полдня продрых на сеновале, а потом, насыпав в карман орешков, отправился на прогулку. Где можно все деревенские сплетни узнать? Конечно, у колодца. Хороши были девки в деревне — ядреные, языкастые, мамками не запуганные. За кулак орешков, пару многообещающих взглядов, тройку ласковых слов да за донесенные да калитки ведра к вечеру я обзавелся целой связкой нарядных лент да гребней. А как стемнело, отправился к запруде.

Разложил по бережку ленты с гребнями, сел на вчерашний пенек, вынул цимбалы и заиграл. Сегодня уже не прозевал, когда мавки из воды вышли. Сначала хоровод завели, а потом подарки увидели. Расхватили гребни, радуются, как дети, косы друг дружке плетут, ленты примеряют, песни поют. Одна девчужка в стороне пристроилась, ленту разглядывает и слезы льет.

Меня мамка не ласкала,
Частым гребнем не чесала,
Ленты в косы не вплетала,
Именем не называла.

Вот ты какая, моя певунья. Тоненькая, как тростиночка, глаза, как весенний лед, волосы — как льняная кудель.

— О чем печалишься, красавица? Смотри, твои подружки хороводы водят, а ты все слезы льешь.

— Играй, музыкант, не обращай внимания. Молоденькая она у нас, ей еще шестая годовщина не стукнула, вот и тоскует.

Хорошо мавки пляшут, еще лучше поют, а я все играю да играю, тайком крест нательный проверяю: главное — не потерять, а то буду на дне вечерки устраивать. Стучит в ночи мельничное колесо. Заполночь сам русалий пастух на огромной щуке пожаловал, глянуть, кто его девиц балует.

— Смелый ты, я смотрю, музыкант. Вторую ночь мавок развлекаешь, потешил девок, на подарки не поскупился. Что за это желаешь?

— Поговорить бы...

— Так уж разговариваем. Или ты от лишних ушей ко мне на дно пойдешь?

— Ну нет, лучше уж тут. Кто это у тебя на чертовой мельнице хозяйничает?

— Он и хозяйничает.

— И как уживаетесь?

— Паршиво. Уважения не оказывает. Стар-

шинство не признает. Договора не соблюдает. Так скоро совсем мельница и запруда в негодность придут.

— Так, может, пошущукаемся?..

С первыми петухами вернулся я на сеновал спать.

На следующий вечер, нагрузившись парой мешков зерна, отправился на мельницу. В сумерках мельница выглядела куда как лучше. Исчезли следы запущения, мельница как мельница, только старая уж больно.

— Эй, хозяин, мне бы зерно перемолоть... есть тут кто-нибудь?

— Как не быть, есть. Заноси зерно, помелем.

Мельник как мельник, ничем от других не отличается. Небольшой, коренастый, морда красная, глаза лукавые, так из стороны в сторону и бегают.

— Сколько берешь?

— Да немного, три десятины с мешка.

Отнес мешки наверх и самолично ссыпал в ковш. Крутись, колесо, мелись, зерно — пусть будет мука, бела и легка.

Вынул я из котомки помольное подношение: бутыль самогона да шмат сала. Расстелил рушник, давай помольщика угощать. Пьет хозяин, не морщится, рукавом занюхивает.

— Хозяин, а чего это ты водяного не уважил?

Ни зерна с мешка не отсыпал, ни подношением не поделился?

— У нас с ним свои расчеты...

А колесо-то мельничное все быстрее и быстрее крутится. Ветер поднимается. Сквозняки гуляют. Мука сыплется — да по мельнице развеивается. Расчихался помольщик:

— Эй, мужик, паршивое у тебя зерно, видать, со спорной межи взято.

— Зерно как зерно. Это у тебя мельница шалит, ты так всю муку по ветрупустишь.

Засуетился мельник, бегают по мельнице, а все без толку: колесо как с цепи сорвалось, ветер едва крышу не сносит, мука все вокруг засыпает. Чихает мельник, никак не уймется. Вот уже на лице щетина черная полезла, был нос картошкой — а уже пяточок проглядывает. Права была бабка Акулина: первейшее средство против черта — чертополох. Мне с утра мальчишки все поля ободрали. Почитай, в мешках чертополох пополам с зерном был. Помольщик — к окошку, а снаружи батюшка с кадилом ходит, он уже вокруг мельницы круга три крестным ходом сделал. Водяной тоже договор исправно держит, колесо крутит да на мельницу дует. У мельника уже и штаны слетели, и шапка. Рожки на башке, копыта на ногах, хвост длинный пониже спины.

Вот за хвост я его и сцапал. Черт верещит, отбрыкивается, а я держу, упираюсь. Батюшка, что ж ты медлишь, где твоя святая вода? Не удержи ведь! Хоть бы одну молитву вспомнить...

— Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое... — а ведь помню! Все-таки в нужный момент чего только из памяти не выудишь.

Тут и батюшка подоспел: святой водой на беса брызгает, обряд изгнания творит. Взвился черт под самый венец, а я на хвосте у него вишу, не отпускаю. Тут мельница и не выдержала, полетели балки с досками во все стороны. От черта дым вонючий повалил, и исчез он с диким визгом, а я, почитай, из-под венца вниз башкой полетел.

Темнота, небытие — и яркий луч, ведет он меня по дороге к свету. Слышу голос батюшкин: «Прими, Господи, душу непутевую, но светлую. Творил он бесчинства не злобы ради, а по заблуждению.» И так мне легко и благостно стало — значит, не совсем я уж никчемный, принимает Господь душу мою непутевую.

Открываю глаза — все вокруг белым-бело, рядом мужик весь в белом, лицо, руки белые — сидит, молится. Голова трещит — спасу нет. Если на том свете, то вроде ничего болеть не должно? Пригляделся — а я все еще на мельнице. Луна через дырявую крышу ярко светит. Все вокруг в муке, даже батюшка с головы до ног осыпанный сидит.

— Рано, святой отец, отпеваешь. Спасибо, конечно, но я туда пока не спешу.

— Тьфу ты, охальник! Испугал-то как...

— Да я и сам такого страху еще ни разу в жизни не ведал.

— Все у тебя не как у людей — почитай, пол-мельницы разнес.

— Ничего, деревня большая, заново отстроят. Главное, чтобы помольщика сразу нашли.

Негоже мельнице без хозяина стоять — другой раз вурдалак заведется.

Поднялся я кое-как, дошли до воды, муку смыли. Голова болит, на макушке шишка с кулак.

— Вот скажи мне, батюшка: почему рядом с тобой — что свадьба, что отпевание, а голова одинаково болит?

— Ищешь ты на нее приключения, оттого и болит.

Сидим на бережку, сохнем; хорошо так, тихо. Тряпицу мокрую, холодную к шишке прикладываю. Слышу, запела моя певунья вдалеке песню свою жалобную.

— Иди-ка ты, батюшка, спать, а я следом подойду — есть у меня еще дело незавершенное.

Пришел на свое место, сел на пенек; сижу, на цимбалах играю.

Вскоре откликнулся знакомый голос.

Ой, судьба-судьбинушка,
Как быть сиротинушке?
Меня мамка породила,
Нехрещеной положила.

— Хрещаю тебя, во имя Отца и Сына и Святого Духа, Богожелной! Коль была ты людям не нужна, пусть будешь хоть богу желанной. Пусть примет он душу твою многострадальную. Аминь!

Пронесся над водой ветерок легкий, как вздох облегченный, и замолкла певунья. Упокоилась ее душа с миром. Спасибо бабке Акулине.

Дошел я до перекрестка дорог, снял струны с цимбалы и оставил ее там лежать. Исправно мне служила, послужи теперь кому-нибудь другому. Хватит нечистую силу веселить, пора и о душе подумать.

Отвалялся я пару деньков, и двинулись мы со святым отцом дальше в путь.

— Батюшка, а у вас при церкви места звонаря или певчего не найдется?

— Придумаем что-нибудь.

— А как у вас, часто причащаются?..

Stanovoi Marika

Зайчонок

В лазурной траве с малахитовой дверцей
Небесный зайчонок укрыл моё сердце.
Сквозь снег золотистый на клюквенном поле
Он прятал тропинки лишь к счастью без горя.
Малиновым мёдом, узором в цветочек
Украсил мой домик, не ставил он точку.
Надежду рассыпал он блёстками мая,
Декабрь закрепил все мосты, застывая.
Но в доме моём и тепло, и уютно.
Там чай ароматный на столике утром...

Печально лишь то, что мой маленький домик
Так мал, что невидим.
Его замечаем,
Когда невзначай на него наступаем...

Ефим Мороз

— Я подарю тебе саксофон, сыграй что-нибудь, а я станцую.
Маленькая девочка с синюющими глазами-льдинками и пылающей в лучах закатного солнца шевелюрой доверчиво смотрела на меня.

Моя хмурая физиономия невольно улыбнулась, а спина распрямилась.

— Но я не умею играть на саксофоне.

— Умеешь, ты просто не знаешь об этом. Вы взрослые много чего не знаете о себе.

Она стояла передо мной, в легком шелковом платье на пронизывающем ветру, и улыбалась.

— Тебе не холодно? — я стал стягивать с себя плащ.

— Нет, не снимай, а то замерзнешь.

— С чего ты взяла?

— Сейчас пойдет дождь. Сначала он будет теплым и добрым, а когда ты вернешься домой, станет холодным и грустным.

Она протянула мне футляр, отделанный дорогой свиной кожей.

— Вот твой инструмент, возвращайся домой, тебя ждут!

— Кто?

— Увидишь...

Девочка повернулась ко мне спиной, и её босые маленькие ножки начали выделывать танцевальные па на цветном ковре из опавшей сентябрьской листвы.

Я достал из футляра саксофон и заиграл...

Ефим Мороз

writercenter.ru/profile/efimor/whois/

Stanovoi Marika (Akrotiri)

writercenter.ru/profile/MariaStanovoi/whois/

Забытая сказка

Чайка

"Петя, Петя, Петушок, золотой гребешок, кудрявая головушка, красивая бородушка... Выйди, Петя, погулять... Красных девок по...."

— Оставь меня в покое, сволочь!

Паренек привстал со скамьи, рассматривая свое отражение в мутном, как сознание, зеркале. Пригладил пятерней рыжие кудри, потеревил в недоумении куцую бородку, придающую изнывающему от скуки ботанику вид утомленного философа, ищущего смысл там, где его нет изначально.

"Выйди, милый, погулять."

Бедняга затряс головой, стараясь избавиться от надоедливого голоса в голове.

Мучаясь от похмелья, сжал ладонями виски, юлой закружил по комнате, умоляя разум вернуться.

— Где я, мама?

"Збыл, сердешный? Ты поехал навестить выжившую из ума восьмидесятилетнюю бабку, до сих пор не переписавшую пятнадцать соток и по-

косившуюся хибару на единственного горячо любимого внука. Ту самую заблудившуюся в окостеневших извилинах маразматичку. Её-её — застрявшую во времени, словно тромб в склеротических венах, старуху.

Выйди, Петя, погулять..."

Точно.

Петро отправился с инспекцией за сотни миль от Москвы, когда до семьи Курочкиных донесся слух об очередной бабушкиной блажи. После того как бригада таджиков выкорчевала в саду все яблони, Анна Пална начала капитальный ремонт дома. Зачем?

— Клад ищет, не иначе, — предположил старший Курочкин и добавил: — Петро, сгоняй на недельку в Дальние Заводы, разузнай обстановку, доложишь лично.

И хитренько так подмигнул.

— Коль невмоготу станет или бабка чудить начнет, на чердак лезь, по-тихому, без свидетелей. Скажу как на духу, лучше тещиногo самогона я не пивал. На особых травах она магарыч настаивает, сто грамм вставляет не хуже марафета.

Прав батя, торкает не по детски, утро на дворе, а до сих пор не отпустило. Да и голосок этот мерзкий в голове. Бабуля дурману не жалеет.

— Поезжай, сынок, на вольном воздухе забудешь свою зазнобу, — вторила отцу мама. — Нас, женщин, перед фактом ставить надо, чаще поводок натягивать, намекать, кто в доме хозяин. Такого бравого парня на московского пижона поменять? Он ее через неделю бросит, дуру замкадную, а ты не плошай, не подбирай второсортицу. Развейся! Девки деревенские — ух, какие горячие!

Раненое сердце под руку с униженным самолюбием — плохие советчики, но когда душа жаждет сатисфакции — мотиваторы отменные.

Не пришлось родителям долго уговаривать Петра. Сын отбыл на задание, не сказав пацанам дворовым ни слова, изменщице ни полслова, лишь в надежде на цивилизацию прихватил комп да пару сменного белья.

Укаченный в жестком вагоне, нарисовался он тем же вечером пред очами Анны Палны и бригады загорелых гастарбайтеров, переставших разбирать сарай и выстроившихся за ее спиной группой поддержки.

Скрюченная грыжей Баба Яга с дьявольской свитой, ни дать ни взять.

«Батюшки святы!» — радостно воскликнула старушонка и, упершись сухонькими ручками в по-

ясницу, со скрипом (Ох ты, ёшкин кот!) выпрямилась. Передав клюку главному «черту», бодро, не хромя, зашагала навстречу.

Приподнявшись на мыски, чмокнула любимого внучка в рыжую щетинку:

— Золотой мой мальчик вернулся! Думала, забыли меня.

И радостно кудахча, потащила усталого ревизора в дом.

Петя неожиданно вспыхнул от стыда, протолкнул в горле колючку:

«В корень зришь, бабуля, забыли тебя совсем, лишь о сотках проклятых помним»

— Петруша, внучок, кушать иди. Я блинов твоих любимых напекла, медом гречишным сдобрила. Да сбитня наварила, побалуешься малек!

Блудливая дразнилка, нудившая в больной голове с самого утра, затихла.

Молодой человек сглотнул голодную слюну и не на шутку испугался.

«Неужели бабуля о початой бутылки на чердаке догадалась? С какой стати опохмелку затеяла?»

Но бабушка никаких претензий не выказала, на пьянство внуку не пеняла и за произвол не корила, лишь вздыхала, да приговаривала:

— Какой ты неказистый, Петушок, нескладный, аки колун нетесанный, зря, что с городу приехал. Были бы силы, превратила тебя в ладного молодца, писаного красавца. Всех вас под одну гребенку чешут, ни рожи, ни кожи! Девка ли парень, не признавать, волос долог, да ум короток. У нас как было? Идет молодец — статный, высокий, косая сажень в плечах, а за ним пава лебедушкой белой плывет.

Причитала так старушка, да по хозяйству хлопотала.

Сняв заслонку с печи, ухватила с пылу, с жару горшок с вареной картошкой.

— В мундире, как ты всегда просил.

Всегда просил? Точно так. Сядут, бывало, друг против друга, схватят по бульбе, и давай на пальцы дуть да хохотать. Бабушка все три очистит, пока он с одной возится.

Петр счастливо улыбнулся.

— Спасибо, ба!

— За что, внучек?

Петька понурился, взяв самую большую картофелину, занял руки.

«У Аннушки с головой все в порядке, зря пред-

Проза. Мистика. Сказка

ки паниковали. Зря надеялись на ее скорый конец и обретение недвижимости в дальнем Подмоскowie. Пора возвращаться в город. Уже неделю как в безвременье канул. Мобила не берет, Инета нет, без виртуала ломает, знакомых раз, два и обчелся».

— Соколик, спознался с кем в деревне-то? — бабуля словно прочла его грустные мысли.

Вздыхнув тяжело, сама ответила:

— Молодежь разбежалась, куды глаза глядеть, а раньше на Купальницу до первых куров гуляли, до неба костры жгли.

— С соседями только познакомился. Дома через один пустые, заколоченные стоят.

— И то правда, поразъехались, горемычные. Да только вернутся загодя, до Ивановой ночи. Ужо сегодня эта.

Петруша нахмурился, не уразумев, а бабушка, не заметив удивления, продолжала:

— С Ванютой и Машутой сдружился? С сиротками соседскими?

«Ага, веселые ребята и гуляют не по-детски», — подумал, но не сказал.

— Только странные они какие-то, ба.

Пална сморщила лицо — печеное яблочко. Подперев ладошками щеки, зацокала языком:

— Все так, все так. Тяжело им, Петруша. Мать их как опросталась, сразу отошла, отец скорбел, пил горькую, а только поднял близняшей, на севера подался, на заработки, да сгинул там. Люди говорят, на приисках убили, а там, кто знает.

Истово перекрестилась на образа.

— Вот брат с сестрой и колтыхаются одни одишеньки. Хозяйство на своих плечах тянут. Может, и чудные они, не один ты смекаешь, а пожалеть их надо бы.

Странные — мало сказано. Петя, не расслышав последних слов, погрузился в воспоминания.

Ты вчера как спать завалилась, я помыкался малость от безделья, совет батин вспомнил, на чердак полез. Слава Богу, фонарь захватил, а то в вениках, что на притолоке сушатся, да в паутине, что с потолка лоскутами висит, заблудился бы. Стрёмный у тебя чердак, баб Ань, inferнальный. Суета сует, как говорят. Одних трав на фармацевтический гербарий хватит. Этажерки забиты пыльными книгами и вот-вот рухнут. Пол завален стопками газет, ставших мышинным царством. Зачем тебе корзина с маминими куклами и моими сломанными машинками, к чему коллекция сундуков

от мала до велика? Воспоминания в них хранишь? А заросшие паутиным саваном козьи черепа? Рога, нанизанные бусами на рыболовную леску? Облезшими заячьими лапками и трухлявыми хвостиками забиты ящики трюмо. Зеркало пошло коррозией и отразило вместо меня инопланетного монстра.

Пятилитровый штоф я нашел под ворохом старых, побитых молью одеял, успев помянуть недобрим словом отца. Мог бы предупредить о веселом чердаке.

Потом каялся, прав батя, самогон ты гонишь отменный. Меня забрало с первого глотка.

Тяжелый травяной запах ударил в нос, аж слезы брызнули. Искрящееся тепло пробежалось по жилам, чувства обострились стократно. Обоняние, зрение, слух. Святая Троица! Прости, Господи. Голова закружилась от пряного аромата разогретого на солнце сена. Опынев, я тут же оглох от громового раската, сверчковой трели, а потом ослеп от заигравших всеми цветами радуги сухоцветов под притолокой.

И тут в неистовые партии сверчков вмешались человеческие голоса. Беседовали на улице, у каютки.

— Как думаешь, Вань, удобно ли проситься в гости?

— Легко! Луна нынче не выйдет, старая ведьма проспит до утра.

Это он о тебе, ба?

Подкрался я к крошечному окошку на чердаке, оттерев пыль со стекла, выглянул во двор.

Никого не видеть.

Старясь не шуметь, спустился вниз и замер в сенях перед входной дверью. Вздрыгнул всем телом, когда в косяк постучали. В ту же секунду, словно ждали. Рука моя сама потянулась к засову.

— Привет! Угостишь соседей чайком? — прошелестели вкрадчивые голоса.

— Вот, пришли знакомиться, меня Иваном зовут, — пробасил мужской.

Темная фигура дружелюбно протянула в проем пятерню.

— Марья, сестра его, — пискнул женский.

Фонарь выхватил из темноты веснушчатое лицо блондинки, прикрывшей от яркой вспышки глаза.

— Простите, — я нажал на кнопку, гася свет. Отогнав сомнения, пожал руку и отступил на шаг, приглашая соседей войти.

— Добро пожаловать!

Молодые люди вроде как растерялись, а мо-

жет, помялись для порядка, не знаю.

Перешагнув порог, огляделись. Две пары глаз тщательно осмотрели темные сени, ощупали стены, увешанные всесезонным тряпьем, скользнули по облезлому дощатому полу, задержались на сваленном в кучу садовом инвентаре. Соседи впервые попали в твой дом, бабуля?

Шагнув в красный угол в светлице, девушка троекратно перекрестилась и зачем-то сплюнула в сторону. Брат к святым ликам не пошел, сразу уселся за стол, ненавязчиво намекая на угощение.

Украденный с чердака самогон пошел на «ура». Странные ощущения сверхвосприимчивости улеглись, их место заняло чувство всеобъемлющей любви к божьим тварям от мала до велика. К сверчку, пиликающему за печкой, к мышам, испуганно юркнувшей под половику, к стайке прусаков, выползших к рукомоинику на водопой. А больше к сидящей напротив парочке. Хотя с каждой опрокинутой рюмкой я отмечал перемены в их облике, они меня не пугали.

Лицо Маши побледнело, обрело высокомерные черты глянцевого дива. Со вздернутого носика пропала россыпь веснушек, губы налились кровью, увлажнились. На щеках заиграл румянец, в озорных глазах заискрились изумруды. Брат ее заметно возмужал и погрузнел. Подросток, перешагнувший порог дома, превратился в зрелого, обросшего недельной щетиной деревенского мужика, порывистого в движениях и резкого на словах. С каждым тостом брови его хмурились, глаза темнели, становясь черными дырами. Я пару раз моргнул, пытаюсь прогнать наваждение. Не помогло. Отношение к сестре у Ивана тоже поменялось. Вместо снисходительного подтрунивания между ними словно искры проскакивали. Иван да Марья придвинулись друг к другу, да так и залипли. Рука мужчины накрыла кисть девушки, заскользила по ней. Их пальцы зажили собственной жизнью. Поглаживали друг друга, сцеплялись в замок, разжимались, отталкивались, дразнились. Темные глаза брата притянули вспыхивающие в радужках сестры зеленые огоньки. Марья, не в силах сопротивляться, смотрела на него с восторгом и греховным желанием.

Когда я осознал истинную причину происходящего, было уже поздно. Тело обмякло, голова поплыла по магарычным волнам и отяжелела. В ушах зазвучала похабная побасенка про петушка. Сознание погрузилось в полудрему, очнувшись от которой нынешним утром, я решил, что ночное блудовство попросту привиделось.

Если бы не глупая дразнилка, зовущая присоединиться к сладким утехам.

— Они и в школу областную за ручки ходили, и в училище поступили на одну специальность, всегда вместе, словно пташки неразлучные, — скрипучий голос бабы Ани вернул Петра в настоящее.

— Не похожи они на брата и сестру.

— А на кого похожи? — всполошилась старуха, сверкнув очами.

Внук осекся.

«Нельзя рассказывать о вчерашней попойке, забранит».

Аннушка расценила молчание по-своему.

— Вот то-то. Ты больше молчи, голубь сизокрылый, за умного сойдешь. Мало ли что люди брешут.

В этот миг защемило сердце у Петра, стиснула его неведомая ледяная рука, заговорил очнувшийся разум: «Все, пришло время прощаться, заготовился ты, пора и честь знать. Задание выполнил, сведения о происходящем в Заводях собрал. Бабуле еще жить да жить, а что ремонт затеяла, да померзшие яблони выкорчевала, ничего удивительного».

Аннушка словно мысли его прочла.

— Завтра домой отправишься, Петруша. Чем дольше ты здесь живешь, тем сильнее мхом порастаешь. Ежели корень пустишь, так вековать останешься. Места у нас гнилые. Душа слабину покажет, мигом в полон угодит. Еще денек да ночку побудешь, за хозяйством приглядишь. А потом — скатертью дорога. Отлучиться мне надобно, в диспансер областной на «профилактику». Ахмед, — кивнула в сторону рабочих, копошащихся во дворе, — со мной поедет. А за чертями копчеными — глаз да глаз нужен. Тебя за хозяина оставляю.

Бабушка под села рядом, как в детстве погладила Петра по непослушным кудряшкам.

— И еще одна просьба у меня будет, милоч. Спать сегодня рано ложися. Как солнце сядет, за дверь ни на шаг. Ни на полшага. Кто бы не звал, чтобы ни сулил. И в дом никого не пускай, без приглашения сами не зайдут. Лихая ночь ныне, купальная. Крес идет.

Петя оторопел.

«Вот черт! А бабка все-таки ополоумела!»

Старушка прижала руку к губам внука.

— Молчи. Меньше знаешь, крепче спишь. Помнишь, в детстве, ты просил страшные сказки на

Проза. Мистика. Сказка

ночь рассказывать, а я отказывалась. Так и сейчас. Есть у меня средство верное, травка особая. Заваришь ее перед закатом, полстаканчика выпьешь и сразу в кроватку ложишься.

Петя послушно кивнул.

«Да шут с ней, с чудной бабкой, исполню последнюю просьбу. И больше в Заводи ни ногой. Родителям скажу — все, время пришло хату забирать...».

— А я за послушание дом на тебя перепису, и огород и садик. По рукам?

«Прям мысли читает!».

— По рукам, ба!

Вернувшись из оврага с охапкой волчеца, бабушка раскидала его по подоконникам, засунула под каждый ставень, целый ворох оставила у порога.

— От мышей. А то расшалились, — ответила на удивленный взгляд внука.

Ближе к полудню уселась в «Газель» Ахмета и отбыла в областную больницу.

Петро некоторое время без дела слонялся по дому, рассматривал выцветшие фотографии на стенах. Заглянул в спальню бабушки, в смущении постоял на пороге, не решаясь шагнуть в святая святых. Вышел во двор, с деловым видом помелькал среди чернявых таджиков, почтительно цокающих языком: «Все хорошо, хозяина. Мы работаем. Плана выполняй».

День был хорош. Ветер, тянувший с утра тяжелый дух со скотного, неожиданно поменял направление, пах дурманящим разнотравьем, веял свежестью хвойного леса.

Петруша сорвал горсточку подрумянившейся на грядке земляники, кинул в рот и с наслаждением проглотил. И в тот же миг вернулся в детство, в безмятежное время, когда они с бабой Аней, разморившись от летнего зноя и наевшись собранной в лесу ягоды, словно ленивые коты валялись в теньке.

Тогда земляника была слаще. А любимая бабушка моложе.

Выйдя за ограду, первым делом заглянул во двор к соседям. Притаившаяся в кустах сирени и душного жасмина изба зияла пыльными бельмами. Прикрытые ставнями глазницы, не мигая, пристально следили за ним. Дом выглядел необитаемым, давно заброшенным. Странно.

«Петушок! Петушок, золотой гребешок», — зашелестел знакомый вкрадчивый голос.

У паренька дрогнули колени, от безотчетного страха заняло под ложечкой, и он поспешил прочь.

Из рейсового автобуса вывалилась толпа приезжих, первым делом направившихся в село. Закупив снеди, с шутками и прибаутками незнакомые люди разбредались по улице, сворачивали к покосившимся домам, открывали скрипучие калитки, исчезали в заросших бурьяном садах.

«Они вернуться загодя, до Ивановой ночи. Ужо сегодня...», — всплыли в памяти слова бабушки.

Петруша снисходительно хмыкнул:

«Местная туса будет зажигать в клубе под Ретро-FM. Белые розы, белые розы! Старье! Это не для меня. Напьюсь чаю, а может чего покрепче не побрезгую и на боковую. Мне бы день простоять, да ночь продержаться. А завтра на станцию и домой, в цивилизацию».

Закатное небо за окнами полыхнуло огненным маревом. Огромными клыками на фоне падающего солнца оскалились вековые ели. Чудной змеей под косогором изогнулась река, несущая золотые воды под сень погружающегося во мрак леса.

Скоро-скоро пробьет час ворожбы! Крес идет!

Вот уже погас последний солнечный луч, и чу? Ходики в доме начали тревожный набат.

"Петруша?" — с последним ударом в сознание молодого человека проник знакомый шепот.

— Опять!? — парень поперхнулся, допивая последнюю чашку сонного чая. Видно, выдохлись бабкины травки, не забирали.

Улица перед домом ожила. Надрывно разливался баян, то и дело звучал смех, озорное бабское повизгивание, зазывные частушки. Ряженные люди, кто по одиночке, кто парами или небольшими группками проходили мимо, но не в сторону клуба, а за околицу, к реке.

Не обращая внимания на гомон за окном, Петро направился на чердак за тяжелой артиллерией — крепким настоем.

Стоило ему подняться на пару ступенек, как во входную дверь постучали, и раздался голос Маши:

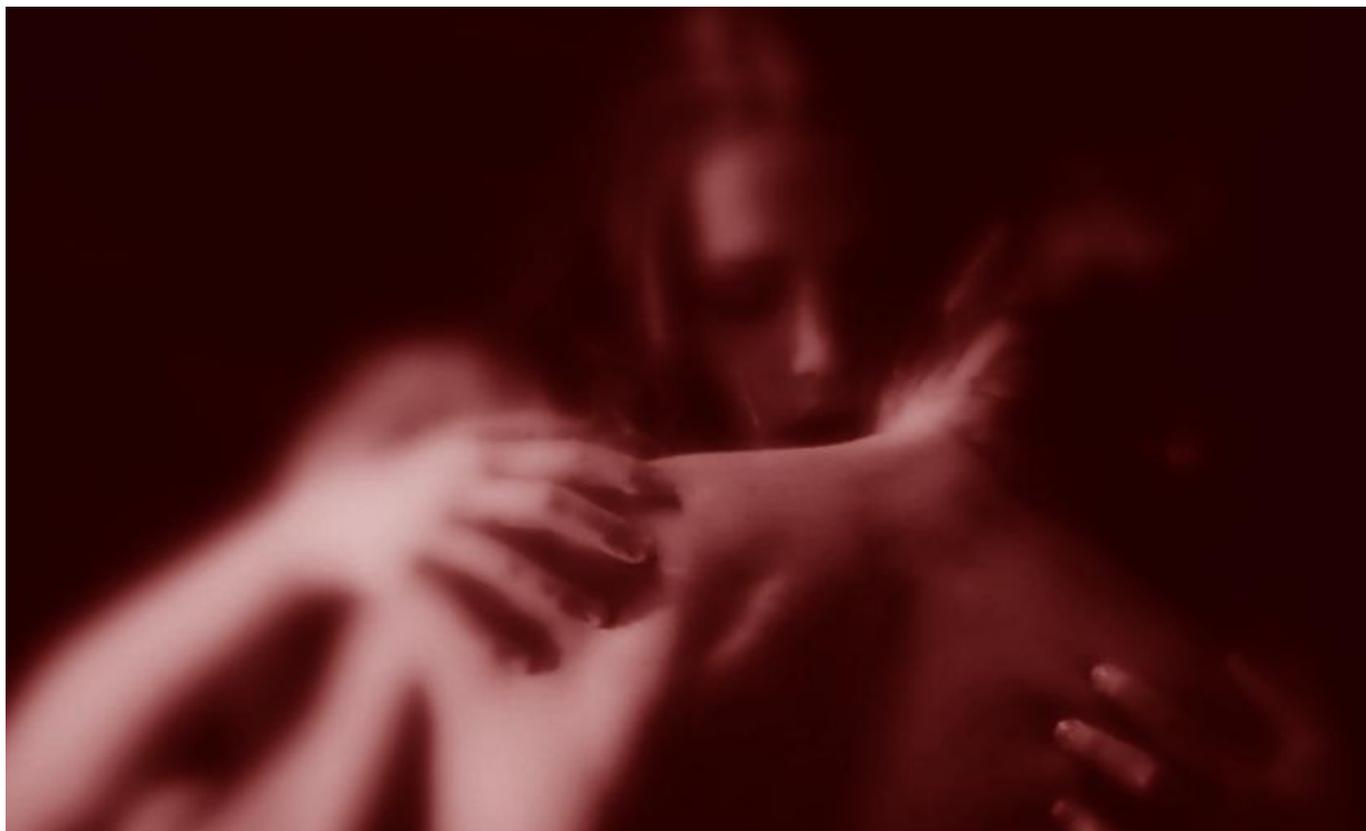
— Петь, ты дома? Выгляни на минуту, у вас тут чертополоха накидано видимо-невидимо, я подойти не могу, почесуха начнется. Аллергия у меня.

Паренек замер на месте, боясь шелохнуться.

«Прикинуться, что не слышу? Спуститься, открыть дверь? Пустить красавицу-зеленоглазку в дом? Ага, а потом явится ее странный братец и навалит мне по первое число!»

— Послушай, я одна, Ванька на реку пошел. Он главный костровой сегодня, там дел по горло. Нам никто не помешает... поболтать.

Любопытный дурачок затаил дыхание, подняв-

шись на цыпочки, постарался двигаться тихо, словно мышь. Подкрался, приткнул ухом к двери.

— Петя-Петушок, выгляни в окошко, дам тебе, — раздался шёпот снаружи.

Парень испуганно отпрянул. В паху разгорелся настоящий пожар. А, была не была!

Через мгновение грохнули засовы, и дверь распахнулась.

Марья стояла далеко, за оградой. Ему бы задуматься, что тут не так. Да поздно. Откинув колючие охапки, охранявшие порог дома, Петро на деревянных ногах, в полном тумане направился к забору. Открыв щёлочку, пригласил девушку войти.

Что происходит с ним? Откуда взялся пожирающий тело жар и иссушающая горло жажда?

Бедняга задрожал, словно осиновый лист, обезумел от складной фигурки в ситцевом сарафане, от шелковистых волос, стекающих волнами на подрумяненные солнцем плечи, от круглых локотков, смущенно сжатых коленок, от нежных пальчиков, теребящих на шее платок.

Почему все его мысли сосредоточились на впадинке, в которой спряталась цепочка с камушком, почему ему сложно отвести взгляд от ногтей, то легко касающихся кожи, то нетерпеливо царапающих ее, от соблазнительных бугорков, появившихся на груди под кружевами.

Петро с трудом сглотнул, избавляясь от странной сухости во рту.

— Испей меня, любимый, — шепнула Марья, и, шагнув ближе, заглянула паренюку в глаза.

Упав в переливающийся весенней зеленью омут, он захлебнулся в струях речной воды. Прикоснувшись к прохладным губам с единственным желанием — напиться сполна, распластал душу, вкусив юркий язычок, погрузился в небытие.

Рука Марьи скользнула под рубашку, нежно лаская его тело. Захолонуло сердце у дуралея. Канул разум. Схватил Петро ведьму на руки и понес в дом, гостеприимно распахнувший дверь.

— Ничего не помнит, соколик горемычный. Вернулась вчера, калитка, дверь входная настезь, цветы на грядах приматы. Смотрю, лежит в горнице на полу, в чем мать родила. Обмерла я, за сердце схватилась. Кабы чего худого не стряслось! Беда-то одна не жалуется. Вон, дом соседский дотла сгорел, полешка не осталось, словно черт языком слизнул. Бабы говорят, Иван заживо полыхал, все пытался огонь сбить. А сестра его гулящая исчезла, аки в воду канула. Аспидное племя! Одного огонь прибрал, другую омут уволок.

Старушка перекрестилась, глядя на образа.

— Лиходейка к нам в избу заглянула. Гляжу — все иконки задом наперед перевернуты, лицами к стене приперты. Погуляла чертовка на славу. Что

Проза. Мистика. Сказка

твои говорят, Хметушка, видели чего, аль слышали?

Бригадир, притулившийся на крошечной табуретке в углу, неопределенно крякнул, покачал головой:

— Люди говорят, шайтан этой ночью веселился. Они в вагончике отсиживались, выйти боялись.

Бабушка Аня сняла салфетку со лба внука, неподвижно лежащего на кровати. Смочив в прохладной воде, вернула тряпицу на место. А Петро словно и не заметил. Распахнутые глаза, не мигая, смотрели в потустороннее, там до сих пор плясали огненные сполохи.

— Надо бы дочке сообщить, что Петруша не придет. Отпоить его надо, душу отморозить, от бесовки отворотить.

Она — Вода, ручеек, журчащий среди тенистой чащи. Ее тело послушно, покорно, но обманчиво. Стоит прикоснуться, обволакивает желанной прохладой, а потом ускользает сквозь пальцы. Вода лишает воли, влечет за собой. Ее голос — звонкие переливы жемчужных струй.

— Идем в Боголесье, Петруша, сегодня особая ночь, единственная в году, когда цветет папоротник. Он откроется моему избраннику с чистой душой и израненным сердцем.

Завороженный, он готов идти на край света, лишь бы слушать нежный голос и пить прохладу со сладких уст.

Оставив дом, они выходят за околицу. По темному лугу направляются к реке, туда, где взметнулся к звездному небу косогор, где путеводной звездой пылает костер, изгоняющий опустившуюся на землю мглу.

— Смотри, какая чудная ночь, — шелестит Вода. — Травинка с травинкой говорит, деревья с кустами хороводы водят.

И правда. Ожила муравушка под ногами, ласкает, обвивает ступни, приподнимает над землей. Березки толпятся на краю лужка, качаются на ветру, перешептываются листочками. Дурман-трава обнимается с медуницей, вплетается в косы с вьюном, поит воздух сладкой истомой.

Протяжные девичьи песни, звенящие над рекой Смородиной, подхватывает ласковый ветер и уносит вдаль. Стремнина кружит, увлекает в омут венки с мерцающими огнями.

— Девушки гадают на суженых. Сплести тебе венки, зажечь свечу? Хочешь узнать свою судьбу, Петушок?

Он отказывается, обнимает Воду, напрасно, она вновь выскользывает из рук.

— Зачем? Ты моя судьба. Не отпущу ни на шаг.

Девушка смеется:

— Погляди, сколько дивной красоты вокруг.

Но нет ему дела до стройных тел, не влекут его нежные купальщицы, не смущают их округлые бедра, не слышит он любовных призывов.

Сгорая от жажды, вновь припадает к волшебному роднику.

Целуя прохладные губы, жадно слизывает с них живительную влагу у самого соска, нежного, словно бутон розы, ловит языком сбежавшую капельку.

Сладко стонет ведьма, крепко обнимает его, шепчет на ухо:

— А коль так — через лилу ступай, простись с прошлым. Обручись со мной навек.

— За тебя готов и в польмя, чаровница.

Вода подталкивает его к неистовому огню, пожирающему все людские грехи и беды.

— Ступай, ничего не бойся, ты под моей защитой.

Размыкается хоровод, разбегается в страхе толпа, оставляя Петра наедине с трескучим пламенем, сеющим вокруг жадные искры.

«Забудь все», — звучит в голове голос Воды. Он делает первый шаг, потом еще один. Проглоченный огнем, шестует по раскаленным углям, не чувствуя ни боли, ни страха.

Невредимый и неопалимый рождается вновь, унося на рыжих кудрях сияющие отблески.

— Пора, — Марья берет его за руку и ведет в лес.

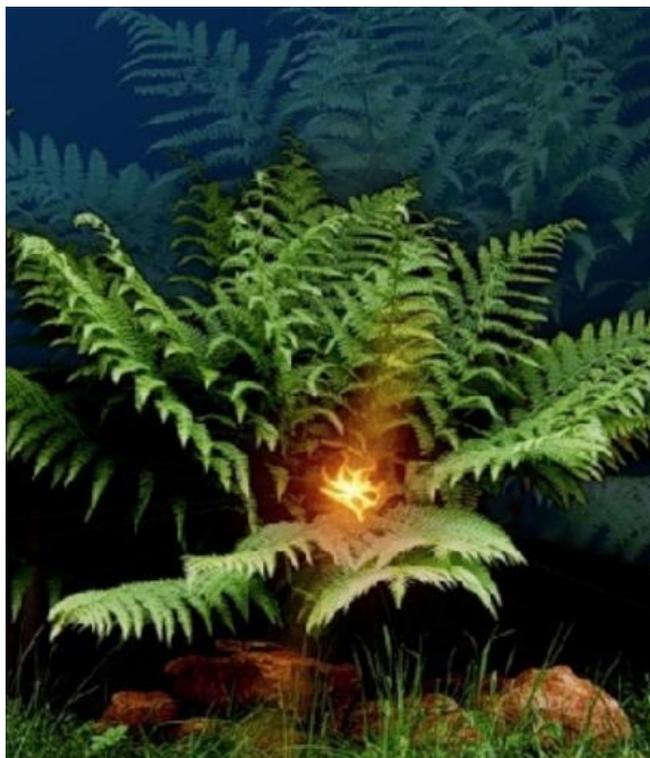
Черные ели больше не шумят и в почтении склоняют вершины, терновые кусты расступаются, смолкают девичьи песни, затихает людской гомон. Воцаряется мертвая тишина.

— Дальше пойдешь один, — шепчет ведьма. — Искры от костра укажут дорогу, не сворачивай ни на шаг с тропы, остановишься, потеряешь меня навек. И цветок сорванный никому не показывай!

Огненный вихрь врывается в кромешную тьму леса, увлекая за собой замороженного. Петро идет по траве, не чувствуя ног, скользит по густому мху вслед за мерцающими звездочками.

Время застыло. Долог ли, короток ли путь среди влажной чащобы, замершей в ожидании чуда, неизвестно.

Ослепленный купальным костром, он не боится увидеть рождение новой звезды, лучи которой вспыхивают меж елового лапника. Раздвинув ко-

лючие ветви, с благоговением следит за листьями — стрелами раскручивающимися из самого сердца царя-папоротника. Вслед за ними появляется нежный росток. О, чудо! Распускается алый цвет, ослепительно яркий, огненный. Не теряя ни минуты, срывает Петр волшебство и, неся его, словно факел, освещает путь назад, к любимой, ждущей на краю леса."

— Петруша, мальчик мой, — врывается в его сознание чужой голос, — слушай меня.

Как Вода с Огнем не сживется, так и Петр с Марьей не сойдется. Одолень-трава, одолей наговор, разрыв-трава, разорви уговор! Слово мое крепкое. Дело легкое. Кладу слово в сундук, сундук на ключ, ключ под камень Алатырь.

Выпей ложечку и взгляни мне в глаза, внучок!

Бабка обернулась к Ахмеду.

— Держи его крепче, это тебе не по бурелому лешачить, девок до икоты пугать, тут силушка нужна.

Еловые ветви заслонили путь, колются, мешают идти. Сотканная из игл лесная красавица протягивает руки в мольбе.

Чайка

writercenter.ru/profile/Seagul/whois/

— Покажи мне цветок, сердешный друг. Единственный раз дай взглянуть на него, а потом ступай к своей ветреной зазнобе. Посмотри мне в глаза, Петенька!

Черные волосы незнакомки переливаются в лучах горящего папоротника, шевелятся шипящими змеями, растворяются во мгле леса, игольчатое платье струится по стройному телу, стелется по мху, прорастает травой.

Нежные руки стирают с его лба испарину...

— Посмотри мне в глаза, Петенька. Послушайся бабушку.

Дева-чаровница, манит за собой, увлекает с тропы, щедрыми посулами стирает кривду, ласкает ланиты, заглядывает в очи. И вот моргнул паренек, отвел глаза от заговоренных водяной ведьмой искорок, скрестил взгляд с Лесовушкой.

В тот же миг забило его остывшее сердце, налились жизнью уста.

Петя сделал глоток остудного зелья.

Зеленая красавица разжимает его ледяные пальцы и забирает папоротник.

Касаясь иссохших губ, лесной прохладой освежает дыхание, поит живой росой, снимает приворотные чары.

Молодой человек застонал. Дрожа всем телом, попытался встать с кровати.

— Ахмед, держи увечного, — приказала бабушка, насильно вливая в рот внуку остатки сонного отвара, — поспит пару дней — позабудет, как с ведьмой под моими образами блудил, душу ей обещал да Жар-цвет для козней колдовских искал. Как голышом по деревне бегал и дом соседский от ревности спалил. А люди пытались, да потушить не могли. Единожды в лихую ночь на Купалу вода с огнем повиваются. Ушел брат Иван с огнем, а сестрица Марья с водой утекла.

Посиди с внуком, Лешак, я покамест харчей соберу, первачком угостимся. На папоротниковом цветку настоящий, он особливо злой.

В кои-то веки пришлось Крес-цвет на живца единокровного ловить. Устала я, Ахметушка. Силы уже не те.

Снежинка

Анакина Анна

Женщина сидела на подоконнике, поджав ноги к груди и обхватив их руками. Она с улыбкой смотрела через разрисованное морозом окно на детей во дворе. Кто-то из соседей ночью соорудил горку из снега, не забыв полить водой, и теперь малышня с криками, толкая друг друга, взбиралась на неё и, громко смеясь, скатывалась вниз. Рядом стояли снеговики всевозможных размеров, созданные руками ребят.

Женщина тяжело вздохнула. Глаза следили за детской вознёй, а мысли были совсем в другом

месте. Звон колокольчика заставил отвлечься от них и, обернувшись, она посмотрела на наряженную ёлку. Зачем она её нарядила? Женщина и себе не смогла бы объяснить. Видимо, просто потому, что сегодня рождество и так принято.

Посмотрев немного на елку, она повернулась к окну, но колокольчик вновь привлёк её внимание. Женщина спрыгнула с уютного подоконника и подошла к ёлке.

«Что же тут может звонить? — подумала она, рассматривая игрушки. — Вроде и нет ни одного колокольчика, только...» — улыбнувшись, взглянула на подарок, находящийся на ёлке, когда-то давно преподнесённый ей дедушкой. Небольшой домик, весь в серебристой вате, с маленьким оконцем и дверкой, к которой и был прикреплён единственный во всём доме колокольчик.

Женщина внимательно пригляделась к домику. Каждое рождество он занимал своё место на ёлке, и она хорошо помнила с детства, как он выглядел. Но сейчас домик изменился. Прежний размер и цвет, но вот окошко.... Казалось, что там, в глубине, горит свет — он колыхался, становясь, то сильнее, то слабее. Женщина наклонилась и хотела заглянуть в него, но тут опять раздался звон. Теперь она точно видела, что именно колокольчик на двери и издавал привлекавшей её внимание звук, будто кто-то дёргал за невидимую ниточку, прикреплённую к нему.

Несколько секунд колокольчик усердно издавал приятный, мелодичный звон, и вдруг он сменился скрипом старых ржавых петель. Дверка домика приоткрылась, и из неё выглянул человечек. Он был совсем маленький, не больше напёрстка, с седой головой и бородкой до колен. Старичок осмотрелся и осторожно шагнул на ветку, сразу став выше ростом.

Художник Argentum Agata

Женщина хоть и удивилась появлению на ёлке необычного жильца, но все же молча продолжала смотреть за происходящим. Старичок немного походил по веточке, притопывая своими ножками, одетыми в пимы, потом остановился и, заложив руки за спину, стал внимательно осматриваться. Увидав хозяйку квартиры, он обрадованно захлопал в ладоши и, наклонившись вперёд, крикнул тоненьким голоском:

— Ты-то мне и нужна!

Женщина до этого момента смотрела на всё с интересом, будто находилась в кино, и тут только поняла, что всё происходит в действительности. Оторопев, она оглянулась, словно ища, к кому обращался старичок. Тот вновь крикнул:

— Подойди, — и помахал рукой, призывая женщину приблизиться к себе.

Несмело она сделала шаг и наклонилась к старичку. Улыбнувшись, он протянул ей руку, повернув вверх ладонью, заставляя и её сделать так же. Женщина поднесла свою руку к старичку и повернула, как он просил, будто ожидала получить подарок.

Старичок, довольно кашлянув, сжал кулачок и поместил его над ладонью женщины. Затем, взглянув лукаво, стал шевелить своим кулачком, что-то нащёптывая. И тут из руки старичка на ладонку женщине посыпались искрящиеся снежинки. Они укладывались ровно, постепенно превращаясь в небольшой холодный бугорок.

Старичок убрал руку и внимательно стал осматривать созданный им на ладонке женщины небольшой сугроб. Оставшись своим трудом вполне доволен, улыбнувшись, посмотрел в глаза хозяйке. Сложив руки вместе, показал, чтоб и она сделала так же. Женщина прикрыла второй рукой искрящийся снежный сугроб на своей ладони.

Потом он наклонился, повернул голову и приложил ухо к её рукам. Немного послушал и, убедившись, что всё хорошо, помахал ручкой и быстренько скрылся в домике. Дверка за ним прикрылась, огонёк в доме погас, и всё опять стало по-прежнему. Ёлка в пустой квартире, смех детей за окном и горстка холодного снега на ладони.

Тут женщина почувствовала, что снег стал тёплым. Ощущения пустоты не было, казалось, что

Художник Argentum Agata

на ладонке по-прежнему лежит снег, но только теперь он не был холодным. Она тихонько приподняла вторую руку и на миг замерла, увидев, что на её ладони лежит маленькая девочка.

От удивления и счастья на глаза навернулись слёзы. Одна капелька этой росы счастья, сорвавшись с ресниц, упала на девочку, на миг испугав её хозяйку: «Вдруг эта горячая слезинка навредит такой маленькой и как снег беленькой девочке?»

Но слезинка, коснувшись лица малышки, прокатилась по ней волной, превращая снежно-белую куколку в порозовевшую, наполненную жизнью девочку. Она зевнула, потянулась и, открыв свои синие большие глаза с пушистыми, как снежинки, ресницами, села и посмотрела с улыбкой на женщину. И от её взгляда одинокое сердце забилось часто и радостно.

— Здравствуй, моя Снежинка, — сказала женщина и прижала к себе своё сокровище.

Когда-то давно подаренная дедушкой игрушка принесла счастье в дом.

Счастье, которое одинокое сердце ждало так долго...

Анакина Анна

writercenter.ru/profile/rekbrjdcrfz/whois/

Художник Argentum Agata

writercenter.ru/profile/argentum/whois/

Сеансы магии

Бунингит

*Страшная сказка для очень
взрослых*

Люся, душевно стареющая девушка двадцати девяти лет с запущенной сексуальной неудовлетворенностью и, как результат, условно-философским взглядом на жизнь, решила изменить эту самую жизнь к лучшему. Твердо решила.

Привыкшая во всем доверять интернету, Люся открыла страничку гугла и набрала: «Как изменить жизнь к лучшему?» Интернет услужливо выплюнул несколько сотен ссылок, изобилующих восклицательными знаками. Люся выбрала четвертую строчку, которая жирным шрифтом коротко и ясно отвечала на ее вопрос: «Это очень просто!»

Нажав на слово «очень», Люся оказалась на яркой странице, увешанной звездами и счастливыми лицами. Кнопка «о нас» открыла плакат, с которого смотрела довольно зрелая дама с неоправданно юным оптимизмом в глазах и улыбкой типа: «Ну, я же говорила, что всё будет хорошо». Жаждавшие стать счастливыми приглашались на еженедельные сессии, проходившие по пятницам:

Магические сеансы улучшения жизни!

Притягивание успеха, любви, благосостояния.

Сеансы проводит

Проводник второго уровня десятой ступени
познания

Мargarита Гримм

Ниже были помещены восторженные отзывы участников с перечислением чудесных изменений в их жизни и адрес: Чугунный переулок, дом 18, квартира 2.

«Ну, что же, если путь к счастью лежит через Чугунный переулок, значит, так тому и быть».

Скромненько, но без вкуса оформленная гостиная кое-как прикрывалась фиговым листом духовности: свечи, пахучие курения, нерусские лики не то святых, не то просветленных, медно-золотые «кадило-канделябры» и прочая таинственная утварь. В целом квартира производила двойственное впечатление: она рождала ощущение нехорошего подвоха и одновременно близости счастья.

Посреди комнаты раскорячился псевдо-антикварный столик, на котором покоилась чаша, наполненная зеркальными шарами размером с небольшой апельсин. Позади стола возвышался троподобный стул с высокой спинкой. На троне сидела безмолвная компактная собачка, похожая на шахматную фигурку. Взглянув на Люсю, она чуть склонила голову и улыбнулась. «Такое бывает», — решила Люся и улыбнулась в ответ.

Страждущих набралось немного. Видимо, предновогодние магазинные скидки притупили тягу к

Художник Ульяна Колесова

Проза. Мистика. Сказка

большому и светлому, заменив её погоней за счастьем мелкокалиберным, но представленным в широком ассортименте.

Не утративших чувство целостности оказалось трое, не считая Люси. На крайнем из стоявших вдоль стены стульев восседала знойная женщина-витязь в фальшивой тигровой шкуре. Её лицо было густо присыпано пудрой и слегка оттенено не то интеллектом, не то чувством собственного достоинства. Вздрыбленная пуш-апом грудь, накладные хищные ногти и острые, направленные в пол шпильки туфель ясно давали понять, что этот витязь не сдаётся.

«Красавица из последних сил» — мысленно обозначила её Люся.

Следующим в веренице счастьедобытчиков был бледный толстяк с отечными «кармашками» под глазами. Несмотря на полное отсутствие мужского шарма, он все же обладал пропуском в категорию «Мужчина мечты», хотя и не Люсиной. На принадлежность к категории указывали нарочито дорогие часы, а также крутящаяся на пальце связка ключей с брелоком в виде вписанной в окружность трехконечной звезды.

Ближайшим к Люсе оказался статный румяный шатен, будто сошедший с обложки любовного романа. «Соблазняющий во тьме», «Сладкая ловушка»... Книжки такого сорта Люся, конечно, презирала, но читала. Не ради приобщения к искусству, а «токмо томления для». Лицо красавчика выражало глуповатую растерянность, что немного мешало Люсе воспламениться, но «если смотреть чуть сбоку или, к примеру, когда спит... Оооох, блиин...»

Люся всё же воспламенилась и для себя назвала здоровячка «Фабио Невыносимый».

Зазвучала музыка, напомнившая печальные моменты индийских фильмов, и в комнату вошла женщина с плаката, которую Люся узнала, мысленно «расфотошопив». В облике Мадам Гримм удивительным образом сочетались черты известной дикторши советского телевидения и растопленного эльфа из «Властина колец». Вежливо попросив собачку удалиться, Маргарита Гримм опустилась на трон и обвела собравшихся проникновенным мудрым взглядом. Установив визуальный контакт, она заговорила, перемежая речь эффектными паузами:

— Все мы стремимся к счастью, жаждем его! Мучаемся вопросом: «Почему именно мне так не везет?» Считая его риторическим, мы не ищем на него ответа! А между тем, ответ есть, и он лежит на ладони!

Для наглядности обладательница десятой ступени познания взяла один из зеркальных шариков и протянула его в направлении к окружающим. Сферическая поверхность заискрилась отраженным пламенем свечей. Далее последовала лекция о мироустройстве, о взаимодействии противоположных энергий, их обмене и распределении. Люся поняла одно: распределяется не поровну. И еще то, что шанс обрести стопроцентное счастье так же мал, как вероятность найти две идентичные снежинки. Но это Люся знала и без лекции.

Хозяйка встала и обнесла гостей чашей, предложив каждому взять по шарик. Похожие с виду на елочные игрушки, шарики на самом деле оказались монолитными, тяжелыми и холодными.

— Сожмите шар обеими ладонями и почувствуйте его... Отдайтесь ему... Зеркальная сфера — это мощнейший магический инструмент. Он обладает свойствами накапливать и удерживать астральную энергию... — нараспев вещала Маргарита Гримм в унисон с нескончаемой песней на неведомом языке: «хари ум та цат, хари ум та цат...»

«Монолитный шар — это не сфера», — мысленно поправила лекторшу Люся.

— Она не просто отражает окружающую вас действительность, она концентрирует её, сводит в точку отсчета... Хари ум та цат... Магический шар выявляет истинную сущность вещей... Хари ум та цат... Он открывает дверь из привычного физического мира в пространство тонких энергий... Хари ум та цат...

Когда Люся почувствовала, что засыпает, пение внезапно стихло.

— А теперь давайте вспомним основные составляющие человеческого счастья: здоровье, любовь, богатство и слава. Пусть каждый из вас закроет глаза и подумает, чего лично ему не хватает для счастья. Затем, и это очень важно, необходимо решить, от чего вы можете отказаться или чем заплатить. Когда решение будет принято, откройте глаза и взгляните в свое отражение в шаре. Вам понадобится всего несколько минут, чтобы действительность изменилась согласно вашему желанию.

Вместе с остальными Люся зажмурилась и изо всех сил сжала потеплевший шарик. «Любви, любви! Чего же еще! Как в глупейшем любовном романе! Пусть будут цветы, подарки, стихи... нет, стихов, пожалуй, не надо... И секс, много секса... Частого, затыжного, проникновенного... Да-а-а! Что там дальше-то? От чего отказаться... Да от

славы, конечно... На кой черт она нужна, если есть всё вышеперечисленное! Решено».

Люся поднесла шарик к лицу, открыла глаза и вздрогнула. Из зеркальных глубин на нее пялилась ошалевшая ослиная морда. Хотя, нет... это всё же было Люсино лицо, искаженное сферической поверхностью.

Магическая процедура заняла не больше десяти минут. Сложив шарики обратно в чашу и расплатившись, четверо осчастливленных покинули квартиру.

У подъезда они остановились покурить и обсудить происшедшее.

— Ну и чо? Х...я же, а? Или вы поверили? — усмехнулся «Фабियो», которого, как выяснилось, на самом деле звали Корнеем.

— Нет, ну почему... — протянула «Красавица» по имени Фрида, прикуривая от Корнеевой зажигалки, — как говорится, будем посмотреть... Лично я заказала бабки. Есть бабки — есть всё.

— А чем пожертвовали, если не секрет? — спросил толстяк. — Кстати, меня зовут Иваном Шаумовичем.

— Любовью. У меня этого говна было... Из ушей лезло. Курите?

— Нет, бросил. Здоровье не позволяет. Его и попросил. Заплатить, слава богу, есть чем, — Иван Шаумович как бы невзначай сверкнул патек-филлиповым запястьем, поцокал языком над часами и откланялся.

— Н-да, без здоровья — кранты, никакие деньги не помогут, — глядя вслед отъехавшему Шаумовичу, резюмировал Корней. — А у меня его — хренова туча! На троих хватит. Так и быть, делюсь! В обмен на славу и успех! Только вряд ли из этой затеи с шариками рубика что-то выйдет. А вы как думаете? — он повернулся к Люсе.

Люся пожала плечами. В данный момент её заботило одно: удобно ли попросить Корнея подкинуть её до метро.

— Вас подвезти? — неожиданно предложил Корней-Фабियो...

В эту ночь у Люси было всё, как в романах. Сначала «его обжигающий взгляд заставил ее сердце учащенно биться, а грудь вздыматься...». Затем «его горячие влажные губы встретились с ее податливыми губами и оба замерли в долгом неистовом поцелуе...»

«Его сильные мускулистые руки страстно сжимали ее гибкое и упругое, как у дикой кошки, те-

ло, а жадные губы покрывали его нежными поцелуями, заставляя трепетать всё сильнее...»

«Он вошел в нее мощно и уверенно, как победитель в сдающуюся ему на милость крепость...»

«Его львиный рык слился с ее томным сладострастным стоном и устремился ввысь, разрывая просторы вселенной...» Как-то так.

После третьего соития Люся поняла: вот оно, счастье!

Магия сработала! В лице Корнея Люся получила сперва пламенного любовника, а затем и нежного внимательного мужа. Шарик и его не обманули. Люся посоветовала ему попытать счастья в рекламе, и после первых же проб Корнея пригласили сняться в серии рекламных роликов для сети магазинов «Тарзан», торгующих органическими продуктами питания. Массированный показ роликов по всем каналам сделал Корнея известным. Вслед за «Тарзаном» последовала реклама презервативов нового поколения и крема для бритья.

Люсин муж стал звездой. Его приглашали на ток-шоу, помещали на обложки журналов и даже взяли на роль борющегося за семейные ценности шейпшифтера в романтическом сериале «Сердце зверя».

В общем, молодая чета хлебала счастье половниками. Долго, больше года. Пока Люся не заскучала. Секс, который стал доступным и обыденным, потерял для неё остроту, а потом и вовсе осточертел. Каждодневные совокупления превратились для Люси в домашнюю обязанность из серии мытья посуды. Муж был неиссякаем, но неизобретателен в любви. Когда Люся отказывала, он начинал канючить, как маленький: «Люсенька, ну дава-а-ай...» Это доводило до белого каления.

Цветы и подарки уже не радовали, скорее утомляли. Лишенному интуиции и вкуса Корнею не удавалось угодить жене. Ком разочарований рос. Люсю раздражало в Корнее всё, начиная с немытья рук после туалета и заканчивая простодушно-глуповатым выражением лица. Благодаря профессиональному навыку хмурить брови и смотреть вдаль, лицо Корнея на экране выглядело мужественнее и умнее, но в домашних условиях навык не работал.

Кроме того, на Корнея вдруг обрушился острый псориаз, покрывший неэстетичной шелухой его лоб и руки.

Хуже всего была вернувшаяся неудовлетворен-

Проза. Мистика. Сказка

ность. Нет, не сексуальная, Люся уже стояла на ступень выше низменных животных страстей, а творческая. Роль неприметной, ничего не значащей жены популярного теле-героя казалась унижительной. Ведь Люся умнее и талантливее мужа, она на многое способна! К примеру, она вполне могла бы стать писательницей! Если бы ей не приходилось тратить всё время на семейные хлопоты, она уже давно воплотила бы в жизнь свою давнюю идею: написать многотомный фэнтези-роман.

Как специалист по маркетингу она отлично знала чувствительные струны современного потребительского электората и хорошо владела искусством ребрендинга и всех прочих «ре». В литературе нехорошее слово «плагиат» давно заменили на звучное «фанфик», отстояв полную свободу писательского слова. Достаточно взять готовую фабулу и на ее каркас намотать нить собственного прядения, не забыв поменять рога на копыта: горные выси — на морские пучины, мужчину-орла — на женщину-змею, Арагорна — на Громира, Боромира — на Святогорна, Галадриэль — на Элрендриоль. Всё прогуглить, чтобы вместо Леголаса не вылез невзначай какой-нибудь Леголенд, добавить красивой величественной эротики и слепить финал из разряда: «фьюх, ну, слава богу!» Вот и всё.

С героями еще проще. Он — мужественный, красивый, но неухоженный и ужасно одинокий. Потому что ему не до того: сколько себя помнит, он борется со Злом. Изю всех сил. То в человеческом обличье, то в орлином или волчьем. Она — прекрасная, мудрая и тоже одинокая, потому что никто не замечает ее красоты или замечают, но им также не до того: идет нешуточная война со Злом, причем Зло дает прикурить Добру. А вот Он вдруг замечает, несмотря на борьбу, и полкнижки буквально разрывается, не зная, что лучше: любовь или борьба. В конце концов Он решает, что не нужно себя ни в чем ограничивать, быстро побеждает Зло и кидается в Её объятия, даже не умывшись и не поев борща. Плод любви не заставляет себя ждать, и у героев появляется отличный здоровый ребенок или даже два: мальчик и девочка. Оба, конечно, наполовину орлы или змеи, но когда это кому-нибудь мешало? А уж миры вокруг всего этого нагородить — вообще плевое дело.

Как-то раз, не выдержав груза накопившегося таланта, Люся «обиделась» на Корнея, чтобы не мешал, и закрылась в спальне с планшетом. Тужиться пришлось только в самом начале, дальше слова полились, как из ведра. Не прошло и двух

месяцев, как первая книга трилогии «Лорд света в темном царстве» была готова! Люся разослала первые главы издательствам и стала ждать откликов, заранее обдумывая, с кем выгоднее заключить контракт.

Как это ни странно, издательства медлили с ответом, и Люся забеспокоилась. Беспокойство перешло в уныние, затем в острое чувство несправедливости и, наконец, в отчаяние. С этим надо было что-то делать и, не придумав ничего лучше, Люся снова отправилась в Чугунный переулок.

В квартире №2 ничего не изменилось за полтора года, даже собачка. А самое удивительное было в том, что в одной из посетительниц Люся узнала Фриду! Красотка поменяла фальшивую шкуру на натуральную, но в остальном не изменилась, даже похорошела. Она тоже узнала старую знакомую и поделилась наболевшим. Прошедший год привел Фриду к сакраментальному «не в деньгах счастье», но в чем оно, красавица пока не разобралась. Сюда пришла за помощью в судебной тяжбе со страховой компанией. Потому что без торжества справедливости ни о каком счастье и речи быть не может. С этим Люся была полностью согласна.

Обменяв надоевшую любовь на признание и почет, Люся поспешила домой и сделала повторную рассылку своего романа. Через пару дней пришел ответ с предложением сотрудничества!

А еще через неделю Люся узнала об интимной связи своего мужа с недавно введенной в сериал молодой актрисой, грудастой блондинкой с «рыбьим» ртом. Развод оформили быстро и безболезненно для обеих сторон.

Издатель был доволен: писала Люся как из пулемета, выдавая по два-три романа в год, не считая сиквелов и приквелов. За трилогией про светлого лорда последовали серии «Мех и плоть», «Соединенные кровью» и «Мой муж — дракон». Все до одной вошли в число бестселлеров и принесли Люсе вождеденную литературную славу. Творческие вечера, встречи с благодарными читательницами, блоги фанатов, — всё это хлынуло в новую Люсину жизнь мощным тропическим ливнем. Вновь приобретенное счастье пытались, конечно, омрачить критики, эти паразиты на теле искусства, у которых для каждого найдется ложка дегтя, но куда им, жалким эстетам, одолеть махину восторженной потребительской массы? Да и

кто читает их злобные пасквили? Уж точно не те, кто читает Люсины книги! Так что зря они портили воздух своими выхлопами, воспетое в Люсиных книгах «большое, чистое и светлое» продолжало находить отклик в читательских сердцах.

Всё было бы хорошо, но Люся сама не заметила, как начала проникаться жизненными ценностями своих героев. Она вдруг поняла, что, уйдя с головой в творчество, совершенно забыла о себе. В какой-то момент ей вдруг страстно захотелось простого и тихого хэппи-энда: новый год у камина с елочкой и подарками, летние пикники за городом, держащий за руку толстощекий румяный карапуз... Пусть даже самый обыкновенный, не превращающийся в волчонка по ночам. Образ карапуза носил особо навязчивый характер. Тиканье биологических часов звучало всё отчетливее и тревожнее: «сей-час-и-ли-ни-ког-да...»

Сеансы магии в Чугунном переулке уже не проводились, о Маргарите Гримм не было ни слуху ни духу, но в свое последнее посещение, уходя, Люся предусмотрительно сунула в карман один из шариков. Теперь, спустя несколько лет, когда нехватка счастья снова стала нестерпимой, Люся решила еще раз попробовать обратиться к магии.

Согрев в руках чуть потемневший от времени шар, Люся сосредоточилась и предложила неизвестным силам свой писательский успех в обмен на материнство и уютное семейное счастье.

Высшие силы не подвели и в этот раз, и буквально на следующий день Люся встретила вполне подходящего кандидата в отцы семейства. Им оказался не кто иной, как знакомый ей по первой магической сессии Иван Шаумович! Люся не сразу узнала его. Сейчас, спустя девять лет, Иван выглядел значительно лучше, хотя и постарел. Избавившись от отечности и лишнего веса, он приобрел обаяние здоровой зрелости и даже некую сексуальную привлекательность: волосы его теперь серебрились «интеллигентной» сединой, под бывшим двойным подбородком, как оказалось, пряталась вполне мужественная челюсть. Сдержанность в одежде и отсутствие броских аксессуаров также облагородили облик Ивана. На смену супердорогим часам пришли «вполне приличные», новый автомобиль уже был не роскошью, а лишь качественным средством передвижения.

Как выяснилось, сразу после их первой встречи небольшой банк, которым владел Иван Шаумович, потерпел крах, но оставшихся сбережений вполне хватило на открытие обувного магазина, который до сих приносил пусть не астрономический, но

стабильный доход. Для полного счастья Ивану не хватало лишь семьи.

Совпадение желаний и обоюдная симпатия сделали свое дело, и через месяц Люся и Иван образовали вполне пристойную ячейку общества. Не хуже других.

Можно ли было назвать этот союз счастливым? Вряд ли. Скорее спокойным и благополучным, но разве не об этом просила Люся? «Нет взлетов, не будет и падений», — убеждала она себя.

Огорчало то, что роль мужа носила для Ивана исключительно функциональный характер, без примеси романтики. Жена, как семейная единица, по его мнению, также имела прежде всего утилитарное значение. Вся романтика укладывалась в подарки и букеты цветов согласно расписанию праздников.

Сексуальная сторона совместной жизни тоже была размеренно-вялой, но всё же имела место, и вскоре Люся забеременела. Врачи хмурили брови и дружно пугали «старородящую» возможными отклонениями, но, наперекор всем, Степан Иванович появился на свет легко и оказался вполне здоровым ребенком.

Биологическая программа была выполнена, Люся получила свою порцию материнского счастья. Правда, ощутить его в полной мере мешали бессонные ночи, постоянная тревога за любимое дитя, отказ от прежних привычек, раздражение, вызванное душевной неповоротливостью мужа.

Несмотря на желание иметь детей, Иван не проявлял ни восторженности, ни отцовской активности. Было ясно, что новые обязанности, свалившиеся на него к пятидесяти годам, больше утомляли, чем радовали. Люся видела, что утомляло Ивана всё: новые звуки, запахи, общий рваный ритм существования. Наняв няню-помощницу, «молодой» отец семейства всё чаще старался спрятаться от домочадцев в интернете.

Постепенно жизнь все же выравнивалась. Новые обязанности стали рутинной, чадо росло и формировалось в самостоятельную личность. Мысли о счастье постепенно покинули Люсю, они просто не вписывались в скоростной ритм конвейера каждодневных задач. Да и что это вообще такое — счастье? Когда в жизни всего понемногу или когда есть что-то одно, но главное? Потому что всего и помногу просто не бывает.

Книг Люся больше не писала, вдохновение оставило ее. Вдохновение ли это было? Теперь Люся не была в этом уверена, ей даже было стыдно за свои истории, добавившие миру лишнюю

Проза. Мистика. Сказка

каплю глупости и слащавости. Люся вдруг поняла, что все её сочинения — всего лишь состряпанные по простенькому рецепту блюда, приправленные синтетическими вкусовыми добавками. Литературный фаст-фуд.

Махнув рукой на творческие амбиции и романтику, Люся сосредоточилась на материнстве. Сын рос послушным и смысленным, радуя маму школьными и спортивными успехами. Но и тут Люсю ждали разочарования. В конце концов Степа вступил в тот возраст, когда родители теряют авторитет и становятся назойливым, ни черта не смыслящим в жизни старичьем. С этим ничего нельзя было поделаться, и Люся с горечью наблюдала, как связывающая ее с сыном нить становится всё тоньше.

Иван состарился и окончательно устал от жизни. Обувной бизнес он продал, увлечениями не страдал, и теперь был чем-то вроде мирно пасущейся в квартире коровы.

Люсей вновь овладела хандра. «Это гормональное» — говорили врачи. Почему это состояние женского организма называют «менопаузой»? Пауза — это временный перерыв, а то, что случается с женщиной в пятьдесят пять, — конечная остановка. «Просьба освободить вагоны...»

Люся и сама не знала, чего ей не хватает. Неожиданностей, новых впечатлений, эмоциональных всплесков? Она всё чаще с тоской вспоминала о страстных объятиях Корнея и о более ранних влюбленностях... О школьных томительных танцуйках-обнимашках... О первом сексуальном опыте в темном подъезде... Как же его звали-то? Сережка, кажется... Или Сашка? Неважно, главное, что Люся помнит то удивительное ощущение: всё самое интересное — впереди!

Может быть, счастье — в предвкушении счастья? Если так, то вернуть его уже не поможет никакая магия. Стоя у плиты, Люся предавалась воспоминаниям... Жарила картошку на синем пламени сгорающих надежд...

«Счастье — это когда нет горя!» — осознание этой простой вещи, не успев еще оформиться в слова, настигло Люсю сразу после телефонного звонка, сообщившего об аварии.

Иван скончался на месте.

Сын в больнице, в тяжелом состоянии...

Предстоит сложная операция...

Шансов на удачный исход почти нет...

Кинувшись в госпиталь, Люся в последний момент схватила уже много лет пылившийся на полке в прихожей зеркальный шарик. Какая сила заставила вспомнить о нем, давно забытом, в такую минуту?

Сидя в жестком кресле у дверей операционной, Люся сжимала шарик так, что казалось, он вот-вот расплавится и ртутью вытечет сквозь пальцы. Обращаясь то к Богу, то к шарик, то ко всем силам, вместе взятым, Люся твердила: «Помоги, помоги, помоги...» Вдруг вспомнила про магический ритуал... «Что мне нужно для счастья? Чтобы сын остался жив. Чем я готова заплатить? Всем».

Взглянув на шарик, Люся встретилась взглядом с собой, постаревшей лет на сто.

Операция прошла успешно, хирург, сам ни на что не надеясь, совершил чудо.

Цепкий восемнадцатилетний организм Степана быстро шел на поправку. Тревога всё же долго не отпускала Люсю, особенно по вечерам. Теперь, когда тишину пустой квартиры уже не нарушали Ивановы пощелкивания мышью, Люся часами слушала стук собственного сердца.

Степу выписали, и остановившаяся было действительность снова потекла куда-то, проложив новое русло. Люсиному неспешному ручейку было не угнаться за бурным потоком сына, у Степана началась своя, отдельная от матери жизнь, и теперь Люся всё чаще оставалась одна. Она больше не сетовала на судьбу, тихая благодарность за спасенное любимое чадо умирала горечь одинокого старения. Чтобы отвлечь себя от унылого, Люся принялась смотреть долгоиграющие сериалы, в которых поиски счастья всегда оказываются успешными.

Проблема была в том, что в какой-то момент Люся начала замечать, что не помнит, что случилось в предыдущей серии. Затем она стала ловить себя на мысли, что совершенно не представляет, о чем вообще эта телевизионная история.

В один из вечеров Люся вдруг поняла, что не знает, как включить телевизор.

Тайком от сына она посетила частного доктора и после всех положенных исследований получила ясный, не подлежащий сомнению диагноз: раннее, быстро прогрессирующее старческое слабоумие.

Люся наблюдала за тем, как постепенно уходят частички ее памяти, превращая мысли в неравномерный штрих-пунктир. Как предметы теряют свое назначение, меняются то ли местами, то ли названиями... Некоторое время помогали таблички, развешанные по квартире Степаном, пока Люся не разучилась читать.

Художник Ульяна Колесова

«Что означают эти бук-ва-шки... квак-ушки... кукушки?..»

Вслед за словами из Люсиной жизни стали уходить понятия, а затем и люди.

«Сын... Его зовут Се... Те...

Кто это пришел?

Зачем он здесь?

Мама... Чья мама?

Кто здесь живет?

Как она тут указалась, очумилась?..»

Люся открыла глаза и увидела... Слово выплыло из туманной безбрежной мглы: «луна».

Единственное расплывчатое пятно света на фоне потухшей бесконечности смыслов.

Встав с кровати, Люся толкнула створки дверей и вышла на веранду. Свежий морозный воздух обжег ее лицо и босые ноги. Подойдя к перилам, Люся замерла от восторга. С неба падали белые крошки. Она не помнила их название, не понимала, что означает происходящее, но это было неважно. Главное, что Люся вдруг почувствовала себя счастливой.

Счастье было легким, безусловным и безграничным.

Не помнящая ни жизни своей, ни имени женщина стояла и с улыбкой разглядывала падающие на рукав ее пижамы снежинки. Миллионы абсолютно идентичных снежинок.

Бунингит

writercenter.ru/profile/Buningit/whois/

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova

Обходчик путей

Мосеева Надежда

Я — обходчик путей в метро. Большая часть моей жизни прошла под землёй. Люди думают, что это скучная работа. Не соглашусь. Бывают спокойные дни. Бывают не очень спокойные. Метро ведь не простое место. Зайдешь в какой-нибудь неприметный коридор и попадешь в советский бункер. И это ещё в лучшем случае. Бывают такие старые тоннели, что их от пещер не отличишь. И водится там всякое. Неприятное.

Когда начал я работать обходчиком, ох, и заинтересовали меня эти "коридоры". Про них ведь в газетах писали. Мол, обитают в подземке призраки, чудища, мутанты разные. Даже тайную базу инопланетян и порталы в параллельные миры туда впихнули.

А по молодости меня ой как тянуло на необычные приключения...

Я, конечно, любопытный был, но не дурак. Сразу в эту муть не полез. Решил, как это называется, "прощупать почву". Спросил напарника своего, Василя, а что, собственно, в этих "бункерах" такого?

— Ты те коридоры стороной обходи, — ответил он.

— Почему? — удивлённо спросил я.

В самом деле. Коридоры, как коридоры. Что их бояться-то?

— Просто не ходи туда и всё. Суеверие обычное.

Я хотел проявить чудеса сарказма, выпалив

Художник SEN

какую-нибудь шутку про «бабушкины сказки», но Василий меня остановил:

— Да-да, знаю, современная молодежь, прогрессивное мышление. Но тебе ведь не сложно выполнить просьбу старика? Поверь, ничего интересного в этих коридорах нет. Просто небезопасно там. Темень непроглядная. Даже с фонарём ничего не различить. Запнёшься, ногу сломаешь, как потом тебя искать в этих лабиринтах?

— Ладно-ладно, — отмахнулся я. — Не буду лазить в твои драгоценные коридоры. Я, может, вообще тут временно. Месяц-другой поработаю и в институт поступлю. На второе высшее. Зачем мне изучать всякие суеверия обходчиков?

И тут до меня дошёл смысл сказанной напарником фразы.

— А что, там правда лабиринты?

— От нашей профессии никуда не деться, — проигнорировал мой вопрос Василий. — Даже после того, как откинешь копыта, вернёшься и здесь бродить будешь.

Тогда я посмеялся над забавной байкой.

— Что, прямо в тех коридорах в одном из бункеров?

— Ну, не хочешь — не верь, — спокойно сказал Василий. — Потом поймешь. Как своими глазами увидишь. У нас, знаешь ли, даже смерть своя. Не костлявая старуха с косой...

— ... а недовольный начальник со шпалой? — не унимался я.

Василий лишь вздыхал и пожимал плечами. Ко мне он относился хорошо, покровительственно. Мои шутки воспринимал без злобы. Теперь-то я жалею, что так смеялся над стариком. Но вот, скажите, кто бы на моём месте поверил в эти странные байки?

Короче, в один прекрасный и солнечный день (или пасмурный и унылый; не знаю — под землёй не видно было) сунулся я посмотреть, что опасного в тех коридорах. И не просто так, а со снаряжением. Взял фонарь мощный, каким шахтёры пользуются. Еды и питья набрал пол рюкзака. Загрузил программу в телефон, при помощи которой диггеры карты подземок составляют. На случай, если техника откажет, захватил карандаш с бумагой. Руками-то я всяко повороты зарисую. Ну, и так ещё, по мелочи набрал вещей из серии "а вдруг пригодится": часы, запасные батарейки и тому подобное. Ещё взял лом в качестве оружия. Пусть мутанты в тоннелях и не водятся, но крыс там порядочно. И не простых, а размером с кошку. Нам

постоянно приходилось таких отгонять.

К слову, я не отлынивал от своих обязанностей. Работали мы ночью после закрытия метро. В остальное время могли делать, что хотели.

Напарнику я записку оставил. У него в тот день были дела на поверхности.

Что бы там не говорил Василий про современную молодежь и прогрессивное мышление, а я верил во всякие паранормальные штуки. Просто не особо их боялся. Ну, есть и есть. Что они мне сделаю-то?

А вот байки "обходческие" казались мне наивными. Просто темно в подземке. И жутко. Привидеться может всякое: тени, шорохи, странные звуки. В подземке у людей часто появляется ощущение, что за ними следят. Отсюда и суеверия пошли.

Но мне всё равно хотелось проверить. Вдруг в этих тоннелях сокровища какие спрятали? Ведь идеальное место для тайника.

Темнота — есть.

Дурная слава — есть.

Куча укромных уголков — есть.

Однако меня ждало разочарование. Первый же "коридор" оказался не коридором вовсе, а заброшенной станцией метро. Дальше были технические тоннели, технические тоннели и ещё технические тоннели. Никаких загадок или тайников.

— Похоже, вернусь до того, как Василий обнаружит, что меня нет, — сказал я вслух. — И наставлений по поводу длинного носа не будет.

Досадно. Собрал такое снаряжение, подготовился морально и ничего не нашёл. Из чистого упрямства я решил побродить ещё пару часов по "коридорам". Будет, что сказать напарнику в ответ на его байки.

Если в метро и были проходы к советским бункерам, то явно не в данной части лабиринта. Да и "лабиринтом" я бы это не назвал. Просто несколько ответвлений, которые легко запомнить. Мне даже не понадобилось составлять карту, чтобы здесь ориентироваться.

Бонус путевого обходчика. Ни один работник метро не заблудится в метро.

— Будто на работе оказался, — пробурчал я.

И резко заткнулся. Мой голос звучал приглушённо. Я его с трудом слышал. И дело было не в акустике. Звуковые колебания будто распространялись под водой.

Я не испугался. Просто мне стало неуютно.

— Ау? Проверка связи.

На этот раз голос звучал нормально.

Художник SEN

Может, я просто долго бродил тут в тишине и ...?

Мне не хотелось стать прародителем ещё одного суеверия. Поэтому я сделал вид, что ничего не случилось, и пошёл дальше. Тут всякое могло показаться. Темнота — лучшая подруга страха.

Через несколько метров я понял, что продвигаюсь практически наощупь. Либо фонарь решил передохнуть, либо у него сели батарейки. В рюкзаке лежали запасные. Только я кое-что не предусмотрел — менять их придётся в темноте. В абсолютной темноте, при которой вообще ничего не видно. И почему я не додумался взять ещё один фонарь? Телефон не поможет — не хватит мощности. Конечно, обходчикам не привыкать ходить по тёмным туннелям. Но без света я буду отличной мишенью для крыс.

И тут до меня, наконец, дошло. Я так увлёкся мыслями о суевериях, что не заметил этого: по пути мне не встретилась ни одна крыса. Да что там — вообще никаких живых существ тут не было. А это в отличие от инопланетян и мутантов не байка. Я сам видел огромных грызунов, которые при желании могли бы откусить тебе палец. И в туннелях их должно быть очень много. Но нет. Ни одной! То ли что-то их отпугнуло, то ли сожрало.

Похоже, надо было возвращаться. Мне не хотелось выяснять, куда пропали крысы. Но, сделав несколько шагов, я понял, что домой попаду не скоро. Вокруг было темно. Очень темно.

— Дело не в батарейках, да? — спросил я у фонаря.

До сумасшествия и разговоров с неодушевлёнными предметами ещё не дошло. Просто мне нужно было кое-что проверить. Гипотеза подтвердилась. Я себя еле слышал. Эта "темнота" поглощала и звук, и свет. Фонарь отчаянно сражался с ней, но проигрывал. Окружавший меня кокон света постепенно уменьшался. На расстоянии вытянутой руки уже ничего не было видно.

Я присел на корточки, обхватив руками рюкзак. Ходить по незнакомым туннелям с фонарём — запросто. Делать то же самое в темноте — самоубийство.

— Мне конец? — спросил я у неизвестности.

Ответом мне были приглушённые звуки.

— Эй! Кто там? — неуверенно поинтересовался я.

"Звуки" стали громче. Либо кто-то пришёл ко мне на помощь... Либо нет. Так или иначе, скрываться было бесполезно. Рано или поздно меня найдут.

— Ау? — прокричал я в темноту. — Я тут уже

битый час сижу и жду, пока меня съедят. побыстрее, пожалуйста!

— Прекрати паясничать! Ори, вой, поколоти во что-нибудь.

— Василий? — удивлённо спросил я. — Ты где? Голос звучал приглушённо. Но я его узнал.

— Понятия не имею! — ответил Василий. — Давай тараторь дальше. И погромче. Тут очень сложно ориентироваться.

Я не мог понять, где находился мой напарник. Но он определённо приближался.

— Ты как меня нашёл? — спросил я.

— Просто! Эта гадина уже не в первый раз туристов заманивает. Я сразу понял, что она тебя к себе притянула. Спасибо, что хоть записку оставил!

— Василий! Пока я не умер, развеи моё любопытство. Какого чёрта здесь происходит?

— Нашёл, блин, время! Эй, не смей его трогать, слышишь?

— Что? — не понял я.

— Это я не тебе, — сказал Василий и появился в моём поле зрения. — Ты совсем debil что ли?

Я опустил голову.

— Ладно. Потом тебе уши начищу. Сейчас надо выбраться отсюда.

— Но... Как?

— Просто, — сказал Василий. — Иди в том направлении — уткнёшься носом в стену. На ней труба. Двигайся по ней вправо. Дальше уже сам сориентируешься.

— Стоп. А ты?

— Обоих она не отпустит. Жрать хочет.

— Чего?! — ошалел я.

— Иди. Туда. Живо, — сказал Василий и сделал шаг назад.

— Погоди!

Я попытался остановить старика, но его уже поглотила темень.

— Василий!

— Иди к стене! Быстро! Пока она отвлеклась!

Я не мог понять, в какой стороне находится мой напарник. Его приглушённый голос доносился со всех сторон.

— Василий, ты где?! — прокричал я.

— Если будешь меня искать — заблудишься. Двигай отсюда, пока не поздно!

— Да чёрт бы тебя побрал!

Взяв фонарь и лом, я побежал туда, куда показал напарник. И врезался лицом в стену. На ней действительно была труба.

— Василий?

Ответа не последовало. Я поднял фонарь, но по-прежнему ничего не было видно. "Она" будто питалась светом.

— Темень непроглядная. Даже с фонарём ничего не различить. Запнёшься, ногу сломаешь, как потом тебя искать в этих лабиринтах? — повторил я слова напарника и пошёл по трубе вправо. Ничего другого мне не оставалось.

Василия нашли на следующий день. Не в лабиринтах — где-то в подсобках. Конечно, расследование было. Меня допрашивали. Кого-то даже пытались обвинить. Но дело замаяли. Свалили всё на сердечный приступ. Вряд ли можно было придумать другое объяснение.

В институт я все-таки поступил. Но и подземку не бросил. Ночью по рельсам бродил, днём — на лекциях отсыпался.

Не самая прибыльная работа, конечно. Но на жизнь хватало. Ели мы с женой досыта. Детей одевали и игрушками обеспечивали. Даже раз в два года за границу ездили.

По лабиринтам я по-прежнему ходил. Только осторожно. Далеко не забредал. И как замечал, что приблизился к чужой территории, сразу поворачивал в другую сторону.

Тянуло меня в подземку, что я сделаю. Не ради острых ощущений в темноте бродил. Просто там... Эх. Не объяснить это. Прав был мой напарник.

Я сел на холодный пол, положив перед собой фонарь. В следующем коридоре начиналась та самая "чужая территория". Приходилось ждать на пороге.

— Опять ты здесь ошиваешься? Нарвёшься же, попомни моё слово.

— Да зачем я им? — спросил я. — Старый уже. С меня не много пользы.

— Много... не много, а с голодухи, знаешь ли... — сказал Василий и присел рядом со мной. — Ну, рассказывай, что там на поверхности?

Мосеева Надежда

writercenter.ru/profile/felidae/whois/

Художник SEN

writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/

NeAmina

Озерный дух

Озерный дух не любит имена, и как его позвать, не зная слова?

Моя беда, что я не влюблена и замуж выходить я не готова. Сказал отец, к нам едет в гости принц, тот самый принц, что вышит на портрете. О, господи, таких противных лиц я никогда не видела на свете... Смотрины, бабки, няньки, суета — все пафосно, надуманно, помпезно. Мне сшито платье, выбрана фата, а мненье никому не интересно. Но как же так: идти-то замуж мне за жирную и мерзкую скотину, а всем плевать.

Расстроившись вдвойне, истерику со вкусом закатила, в библиотеке спрятавшись потом, от горьких слез вздыхала я устало и, наугад открыв какой-то том, в нем странную легенду прочитала: когда, устав от шумной кутерьмы, по облакам-узорчатым ступеням, спеша, уходит солнце за холмы, и ночь, смеясь, вытягивает тени, июль роняет яркую звезду из неба перевернутой купели, выходит на песок озерный дух и до утра играет на свирели. Озерный дух не любит имена, прийти он может в тысяче обличий, ты о своем просить его должна, покуда плачет дудки голос птичий. Но только солнце встанет над горой, и влажной тьмы стремглав растают клочья, дух спрячется в обители сырой до первых звезд июльской жаркой ночи.

Условия почти соблюдены: царит над миром томный летний вечер, и в чаше неба яблоко луны, и звезды, словно маленькие свечи. Я знаю, где есть озеро в саду, сокрытое от глаз плакучей ивой. Спаси меня скорей, волшебный дух, я жить хочу свободной и счастливой...

Мерцают звезды в зеркале воды, поет свирель в густых озерных травах, и этот дух неуловим, как дым, то слева он мне чудится, то справа. Какой же он и на кого похож?

... Как в озеро вошла, сама не знаю, я еле-еле сдерживаю дрожь: вода вдруг оказалась ледяная. Свирели обрывается игра. Забыв, что ноги обжигает стужа, что на душе тоска и дикий страх, почти кричу: «Спаси меня от мужа!»

В ответ летит отчетливый смешок:

— Нет, я не рыцарь, далеко не рыцарь.... Но кое-что умею хорошо. Вот хочешь, помогу тебе влюбиться. Любовь соткать трудов особых нет, соединить тебя с любовью — тоже, забудешь свой наивный детский бред, и будет муж тебе всего дороже. Не хочешь? Нет? А чувства заберу? Быть равнодушной — дар, поверь, не хуже, и станет все равно, каков супруг, ты наплюешь на собственного мужа. Опять не то? Попросишь в третий раз? Ты сказку дочитала, а, наяда? Наш разговор не то чтобы игра, а часть вполне серьезного обряда. Я не творю волшебства и чудеса, Я предлагаю — раз и два, немного... А дальше человек решает сам, и только сам ведет свою дорогу. Я не даю советов и наград, и горьких слез не утираю реки. Но в третий раз попросишь, буду рад забрать тебя к нам в озеро навеки...

Он замолчал, и вскрикнула свирель, над стылою водой рассыпав трели. А мне хотелось убежать скорей, а ноги — как назло — заledenели. И каждый шаг дарил такую боль, что жгучих горьких слез катились зёрна.

Мой выбор сделан. И пора домой, чтоб не остаться жить в краю озёрном...

Квартира №36

Колесник Мария

О квартире №36 ходило множество невероятных слухов. Одни считали её хозяина приверженцем некоего языческого культа, устраивающего кровавые приношения. Другие — учёным и светилом науки, ищущим лекарство от рака. Кто-то называл давно выжившим из ума одиноким стариком, а баба Тома — гроза подъезда — и вовсе следила за каждым шагом, подозревая в криминальных делишках. Явных доказательств не было, но наблюдение за странной квартирой велось регулярно. Все, кто переступал порог загадочного дома, выходили оттуда со счастливой улыбкой на лице или задумчивым взглядом. Посетители появлялись и ранним утром, и среди ночи, а некоторые и вовсе — из ниоткуда. Баба Тома готова была поклясться, что в подъезд перед этим они точно не заходили.

— Наркотики он продаёт, бабаньки, вот помните моё слово, наркотики!

— Ой, придумала, старая! Меньше телевизор смотри, — отмахивались соседки.

Баба Тома зло щурилась и буравила взглядом окна квартиры. Однажды правда вскрыется и все увидят, как заблуждались. А бабе Томе грамоту дадут «за бдительность»!

Хамелеон по прозвищу Дракон не раз слышал, как пауки важно шепчутся под потолком о постоянно творящихся чудесах в квартире №36. Но его это мало интересовало, в отличие от сочных членистоногих — их калорийность куда интереснее.

Пауки только ехидно посмеивались, но, ощутив пристальный взгляд хамелеона, тут же прятались за обоями. Эх, ну как их достать? Жизнь, определённо, скверная штука.

Единственным утешением незадачливого охотника были свободные прогулки по квартире. Как же здорово бегать по комнатам, исследовать шкафы и ящики, прятаться среди книг, греться на батарее. Или затаиться на подоконнике, наблюдая за бойкой вознёй воробьёв во дворе. Нет-нет, да и вскочит какой-нибудь на отлив с той стороны стекла, бодро чирикнув, тюкнет клювом по гладкой поверхности, приветствуя. И жизнь не кажется уже такой скучной и одинокой.

Но сегодня путь на смотровую площадку был перекрыт чем-то огромным, колючим и незнакомо пахнущим. Дракон обошёл «это» со всех сторон, принюхался, попробовал на вкус. Нет, совсем не кактус. Кактусы — они вон, на окне цветут, честно обгрызенные и обслюнявленные, а это было нечто иное. Совсем не вкусное.

Старательно карабкаясь по неудобным веткам, Дракон взлез почти на самую макушку, откуда оставалось только прицельно шлёпнуться на подоконник, как вдруг «недокактус» качнулся, покосился и начал медленно заваливаться на бок.

Эх, зря хозяева форточки не закрывают...

— А я говорю,дохлый он.

— Да ну, Эдмонович, стал бы старик падаль в дом приносить. Значит, живой, просто отморозился слегка.

— Добрый он, мог из жалости принести. Если всё жедохлый, пусть его Диего съест.

— Позвольте-с-с-с, это с-с-с какой радос-с-с-ти я это ес-с-с-ть должен?

Художник Stanovoi Marika (Akrotiri)

— Не возмущайся, плоская башка, ты у нас тут один хищник! Смотри, какой лупоглазенький, зелёный, аппетитный, ням-ням!

— Вот с-с-сам и еш-ш-шь!

— А вот и съем! А лучше на опыты заберу!

Слушать о своей питательности Дракону надоело, отдаваться на опыты и вовсе не входило в планы, поэтому ящер открыл глаза. Выцветшие от времени обои в непонятный цветочек, старая лакированная мебель, в углу — такой же «недокактус», но поменьше и обвешанный чем-то блестящим и круглым, похожим на яблоки, которые хамелеон очень любил. На полу полинялая ковровая дорожка, на стене — забавно тикающие и вращающиеся огромными глазами часы.

О, термоядерные мухи, куда он попал?

— Глядите-ка, очнулся! — всё тот же ехидный и наглый голос. — Ты что за зверь? И как тебя зовут?

Дракон обернулся. Белоснежный кот с любопытством рассматривал его жёлтым глазом, на месте другого была повязка. Второй спорщик оказался змеем, что объясняло его странное произношение. А вот третий, тот, который и был наглым и ехидным экспериментатором над чужими

телами, напоминал то ли бесхвостую крысу, то ли мелкую шиншиллу. Да, очень мелкую и недоразвитую шиншиллу. Дракон видел таких по телевизору.

— Немой, что ли?

— Эдмонович, повежливей, не видишь, у него стресс.

— Или у неё, — заинтересованно прошипел змей. — Может, оно — с-с-самка.

— Самец я, — проворчал незадачливый путешественник. — Зовут Драконом.

Грызун аж подскочил на месте и потёр крохотные лапки:

— О, дракон — это то, что надо! Мне как раз нужна драконья печень! — Но радостный огонёк в его глазах-бусинках тут же потух. И зверь грустно добавил: — Жаль, что ты всё же не дохлый.

— Простите, а зачем вам моя печень? — Отдавать такой ценный орган ящер не собирался, но любопытство взяло вверх. Хамелеоны очень любопытны от природы.

— Для ритуала! Скоро конец света, слышал? А я ещё не успел отомстить за весь невинно угнетённый хомячий народ! — Зверёк смешно выпятил грудь и раздул щёки. — Вот обрету бессмертие и отомщу!

Проза. Весёлая сказка

— Не слушайте его, — доброжелательно мяукнул кот, важно переступив с лапы на лапу и уместив на них роскошный хвост. — Он у нас слегка... с придурью. Телевизора насмотрится, потом и не такие номера откальвает. Я — Соломон, ужа зовут Диего, а этот малахольный — Хомо Эдмонович. У нас есть ещё рыбка Борис, но аквариум в другой комнате. Хотите познакомиться?

— С рыбой?

— Ну да, он жуткий болтун и юморист.

Хамелеон начал подозревать, что ему крепко по голове перепало или он всё же отморозил что-то очень важное. Или всё это только мерещится? А сам он верно и медленно замерзает в сугробе? Дракон задумался, крепко задумался, а когда с ним такое случалось, он тут же менял окрас.

— Вот это да! — восхищённо ахнул Хомо. — Вот это маскировка!

— Эф-ф-фектно.

— Гламур-р-рно, — согласился кот.

— С тобой, наверное, здорово в прятки играть! — радостно подпрыгнул хомяк. — А давайте сыграем, а? Чур, плоская башка водит!

— Это почему ж-ж-же опять я?

— Соломон водил в прошлый раз!

— В прошлый раз-с-с-с вы мне хвос-с-ст прищепили.

— А кто тебя знает: где тут голова, а где хвост? Без особого ритуала не разберёшься!

— Дос-с-стал ты со с-с-своими ритуалами! Я удаляюс-с-сь. Чес-с-сть имею! — Диего обиженно вильнул кончиком хвоста, медленно стёк с кресла и скрылся в коридоре.

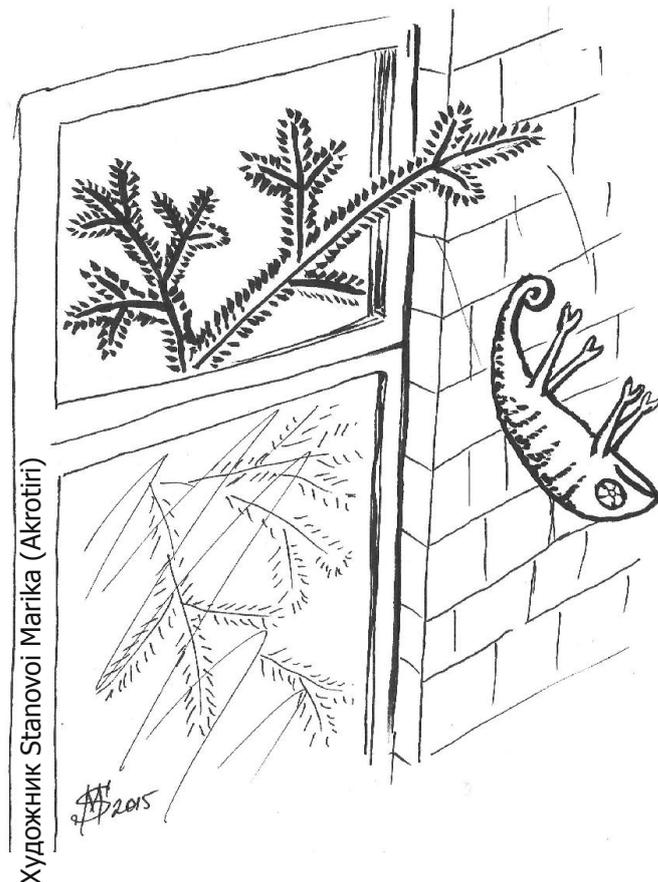
— Не, ну что за жизнь такая! Змея неядовитая, дракон — недохлый, кот — и тот неучёный! Уйду в хомяки-отшельники!

— Скорее бы, — мечтательно муркнул кот. — Хоть тишина и спокойствие настанут. Прямо как в сказке.

Хомяк показал крохотными лапками неприличный жест, ловко соскочил вниз и бодро направился к своим трёхъярусным апартаментам.

— Чудной он у вас. — Хамелеон был не прочь поиграть с забавным зверьком в прятки. У хамелеонов это любимая игра.

— Сил наших уже нет, — вздохнул кот. — То хомяк-следопыт, то балерина — на диетах сидел, не поверите. Потом в кладоискатели подался — всё в доме перерыл, потом где-то «Молот ведьм» достал, за ночь прочёл и давай к Диего цепляться, всё утопить грозился. Мол, гад он ползучий и богомерзкий. Диего, конечно, обиделся. Кто бы не

обиделся? Потом как-то затишье было. Недолго, правда. Хомо качаться начал — день и ночь колесо крутить. А оно у него скрипит, ужас! Заявил, что мы его не любим, наглые оккупанты и подлежим уничтожению. Со шкафа прыгал — тоже в целях тренировки. Вы когда-нибудь встречали хомяка-камикадзе?

Вопрос был риторическим, так как хамелеон никаких хомяков раньше не встречал. Даже по телевизору не видел. Но хамелеоном-камикадзе он себя очень даже ощутил.

— Так вот, полюбуйте, редкий экспонат. Одно счастье, что ни одно дело до конца не доводит. Сейчас он — хомяк-алхимик. Лабораторию под сервантом благоустроил да специи из кухни тягает. Что будет дальше, трудно представить. Но Сказочник его любит, даже опилки какие-то особенные покупает, дорогу-у-у-щие...

— Кто-кто?

— Сказочник. — Соломон грациозно спрыгнул на пол. — Вы находитесь в гостях у Сказочника мирового класса и высшей категории, в квартире №36. Гостям одно желание бесплатно, но только самое заветное. Исполнение — 100%!

Дракон снова сменил окрас — от растерянности. О, термоядерные мухи, вот она — знаменитая квартира! И ещё раз огляделся, выискивая чудеса, о которых так много шептались пауки. Но всё

оставалось, как прежде. Сказкой тут и не пахло, хамелеон даже принялся тщательней.

Кот по-своему истолковал его поведение:

— Вы, верно, голодны? Пройдёте на кухню.

Хамелеону ничего не оставалось, как тоже аккуратно сползти с кресла, где он всё это время лежал, и последовать за белоснежным провожатым. Ничего волшебного по дороге не встретилось. Самый обычный коридор — обшарпанный, но чистый. Маленькая кухня, старенький дребезжащий холодильник, любимые цветущие кактусы на подоконнике, занавески в горошек. Ничего, что выдавало бы Сказочника высшей категории.

— Молока хотите?

— Я такое не ем. — Дракон вновь устался на кактусы.

— Даже и не думайте, это не простые кактусы.

— Неужели? — На вид они были такие же, как и стоящие на окне хозяйки. Даже горшочки одинаковые.

— Это кактусы-щекотуны. Когда цветут — особенно буйные, так что будьте осторожны.

Дракон недоверчиво покосился на заманчивую растительность. Шутит кот, что ли?

— Чем же вас угостить? — Соломон уже вовсю хозяйничал на верхних полках кухонного шкафа. — Печенье вы вряд ли едите, макароны тоже...

— Гамарус-с-са ему. — Диего неспешно просунулся в приоткрытую дверь. — У Борис-с-ски точно ес-с-сть.

— Чем там наш юный алхимик занимается?

— Точку Джи ищ-щ-щет.

На пол с грохотом свалилась пачка кукурузных хлопьев.

— Что-что?

Змей довольно растянулся в улыбке:

— У него пентаграмма не получаетс-с-ся. Точка Джи с-с-с точкой Си не с-с-сходится. Ибо криволап!

— Вот тут ты не прав. Кто тебе шапку связал на праздники?

— Он ещё и вяжет? — Дракон снова сменил цвет. Обитатели квартиры №36 не переставали его удивлять.

Ящер любил наблюдать, как молодая хозяйка перекидывает петельку за петелькой — это

умиротворяло, а стук спиц был самой сладкой колыбельной. Но ожидать подобное от хомяка?!

— Ага, вяжет. Зубочис-с-сками. Крас-с-сиво.

— И тепло. Диего у нас мерзляк жуткий. А в спячку впадать не желает. Вот и вяжет ему Эдмондович то шапки, то шарфики.

— Полос-с-сатенькие, — довольно протянул змей.

— Хотите, и вам свяжет?

Дракон растерялся от подобного предложения. С одной стороны — иметь собственный шарфик приятно, а с другой — он едва знаком с вредным хомяком. И вообще, тот пытался скормить его змее!

— Не стес-с-сняйтесь. Сос-с-седи всё же.

Размышления Дракона были прерваны хлопком входной двери. Звери дружно устремились встречать любимого Сказочника, а хамелеон от страха попытался максимально слиться с холодильником.

— Так-так-так, посмотрим, кто тут у нас?

Дракона бережно взяли тёплыми руками и пощекотали под подбородком.

— Говорят, что тебя Драконом зовут? Знал я одного дракона, ага, дракона-склеротика. — Голос у Сказочника был мягкий и приятный. — Как в карты проиграется, так сразу память отшибает. До следующей игры, конечно. Ты же у нас не такой?

От поглаживаний хамелеон расслабился и разомлел, даже глаза закрыл от удовольствия. Но забавных зверей квартиры №36 он точно не забудет. Никогда. Даже если тоже станет склеротиком.

— Только какой же ты дракон, если без крыльев? Непорядок. Без крыльев нынче никак. — Сказочник грустно вздохнул и засунул Дракона за пазуху. — Отнесём-ка тебя домой, твоя хозяйка уже весь подъезд слезами залила.

Баба Тома рьяно подметала лестницу, когда увидела, как несколько пауков тащат что-то маленькое и матерчатое. Замахнулась на них веником:

— Ишь, расплодилось! Санстанции на вас нет.

Пауки бросились врассыпную, выронив драгоценную ношу в кучку сметённой пыли. Бабка взяла это в руки, отряхнула и поднесла на свет.

— Что за ерунда такая?

На ладони лежали маленькие крылья, связанные разноцветными нитками.

Колесник Мария (Йен)

writercenter.ru/profile/lydviik/whois/

Художник Akrotiri

writercenter.ru/profile/MariaStanovoi/whois/

О попе и работнике Балде

Васильев Ярослав

*Непримиримым борцам с религией
посвящается...*

«Воскресение Твое, Христе-е...» — рука наконец-то нашла на необъятных просторах дивана пульт, и телевизор смолк, оборвав несущееся по комнате пасхальное богослужение. «Что творится, что творится-то! — молодой Автор вскочил и забегал по комнате. — Куда катится наше государство?! В какую пучину мракобесия?! — причитал он. — В самый прайм-тайм стали показывать церковников. У них Пасха, понимаешь ли! А у нас светское государство, и я боевик хочу! Наверняка без этих святош не обошлось... Что нас ждёт, что нас ждёт?! Сперва по телевидению такое... потом инквизиция? Надо что-то делать! Надо спасти народ! На мне, как на представителе творческой интеллигенции, ответственность за судьбы страны!»

Способ пришёл в голову мгновенно: ведь он писатель, и потому должен бороться с мракобесием словом, доказав, что рассказанная ещё великим Пушкиным история актуальна и в сегодняшнее судьбоносное время.

Итак, жил-был Поп... А где, собственно, жил? Воображение тут же услужливо перенесло его к добротному двухэтажному коттеджику из белого кирпича с гаражом и цветниками с парадной стороны и необъятными огородами с другой, как положено на селе. Годится! Теперь... рядом с домом появился

Поп: невысокий, кругленький, в рясе и с окладистой бородой. Пойдёт! То, что надо! Ишь, как отъелся на церковных харчах, жирный. «Я не жирный, — скромно заметил Поп, — я в маму пошёл. И вообще, чревоугодие — это грех», — со вздохом добавил он. Автор слушать не стал, потому что на очереди был следующий персонаж — Балда, которого уже рисовала неудержимая фантазия. Высокий мускулистый красавец-блондин, одетый как байкер, в бандане и с банкой пива. «Замечательно! Э... э, а это что? — возмутился Автор, глядя на пиво. — Я за здоровый образ жизни, без всякого там алкоголя. И вообще, что за неподобающий вид? Ты должен выглядеть как настоящий рабочий класс!» У Балды тут же исчезло пиво, а сам он оказался в трениках, линялых китайских кроссовках и непонятного вида куртке без замка, из-под которой выглядывала майка. Спаслись успела лишь бандана, заботливо спрятанная в рукав. А воодушевлённый Автор продолжал.

— Вот теперь похоже на правду, — с удовольствием отметил Автор. — Итак, начнём! Встречу на базаре пропустим, это я потом сам допишу. Вас же информирую: год ждать не могу, сроки поджимают. Так что укладываемся к августу. Но плата в три щелчка остаётся. Ну и обязанности в полном объёме по классике.

Художник Лев Елена

Проза. Весёлая сказка

— Эй! Ты с ума сошёл! — возмутился Балда. — Это что, я все время задарма пахать должен? Между прочим, я уже насчёт кредита на новый Harley-Davidson почти договорился!

— Да и воровство, получается, — поддержал его Поп. — Это что же, я всё им заработанное себе в карман? Грех это!

— Цыц оба! Не спорить с великим классиком! В общем, обустроивайтесь без меня. С детьми понынчишься, обед пригостишь, огород перепашешь. У Пушкина всё есть, разберётесь. Вернусь к первому августа. Чао! — Автор помахал рукой и исчез.

Несколько минут стояла тишина, потом Поп вздохнул:

— В дом, что ли, пошли. Чего-нибудь тебе пока подберём вместо этого страхолюдства, — он показал на треники и кросовки. — Только учти: не знаю, как там у классиков, но на кухню моя Надя тебя не пустит. Будь ты хоть трижды кулинарный гений. «Деток нянчить» сам не дам: Машке девятнадцать и дело молодое. А остальные двое оболтусов пусть к труду приучаются. И так от компьютера только угрозой отключить Интернет и оторвёшь. Насчёт огорода... — Поп с подозрением посмотрел на парня. — Ты ж городской. Поди, на грядках свёклу от морковки не отличишь. И чем же тебя занять-то...

Дело всё же нашлось. Оказалось, что парень неплохо разбирается в строительных делах. И вдвоём с Попом они собрали давно задуманную теплицу и занялись ремонтом деревянной церкви (на которую местная епархия уже четвёртый год никак не могла выделить денег). Время пролетело незаметно. И когда рядом с ними снова возник Автор, перемазанные краской работники за спором, в какой цвет лучше расписать крыльцо, писателя даже не заметили. Какое-то время тот ещё ждал, аккуратно отодвинувшись от пахнущих олифой и маслом стен, но потом не выдержал.

— Эй! Я для кого стараюсь? Мучаюсь, творю... А они на меня ноль внимания! — он с обидой посмотрел на враз смолкнувших Попа и Балду. После чего открыл принесённый с собой томик Пушкина. — Пора переходить к следующей части. Как там сказано? А, нашёл!

Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк до самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года».

Художник Лев Елена

Оторвавшись от книги, Автор с сомнением посмотрел на Попа, одетого по случаю ремонта в потрёпанные джинсы и старую футболку с надписью «Иж-Юпитер круче Харлея».

— Как-то не очень удачно. Оброк, доход. Лучше... отправишь его за арендной платой. По поводу пользования прудом. Знаю, знаю, что у Пушкина на море, но где я вам его около Волги найду? Заодно... да, так даже современнее: жадный церковник по надуманной причине хочет отобрать деньги у бедного местного бизнесмена!

Щелчок пальцами — и Автор вместе с Балдой оказался около пруда. Точнее перед высоким забором, кольцом опоясавшим злосчастный водоём. Вместе с коттеджным посёлком и парковкой для VIP-автомобилей.

— И как я должен с них требовать эту самую... неустойку? — возмутился Балда. — Я, конечно, каратист и прочее... Но они же меня толпой запинаят!

— Ага, а ещё у нас охрана есть! — злорадно ухмыльнулся главный Чёрт через решётку ворот. — С тревожной кнопкой вызова полиции. И вообще, я этот пруд честно у колхоза выкупил!

— Ну, предположим, за взятку у прошлого главы района. Ну да к делу это сейчас не относится. А вот с остальным надо что-то делать, — Автор ненадолго задумался, и на крайний майбах свалился метеорит. — Во! Доказательство серьёзности намерений! Годится?

— Убедили, — Чёрт печально посмотрел на грудку железа, бывшую минуту назад роскошной

машиной. Ещё грустнее было от того, что ни метеориты, ни Авторы в страховке не записаны. — Только сразу предупреждаю: за зайцами гоняться никто не будет. Дураков нет.

— Ваши предложения?

— Гонки. На мотоциклах. Подходящего участника из бесов помладше найду. Или лучше сам стариной тряхну!

— Не возражаю! — Автор повернулся к Балде. — Иди, готовься. Через неделю жду отчёта о победе.

К Попу парень вернулся хмурым:

— Что делать будем? Я ж по воле этого творца недоделанный безлошадный. Даже если снова насчёт кредита договоримся, привезут через месяц только. Не раньше...

— Есть идея, — Поп поскрёб бороду и со смущением продолжил: — Баловался, каюсь, по молодости. Когда за своей Наденькой ухаживал. Аппарат до сих пор стоит. Если успеем привести в порядок — твой Харлей ему и в подметки не согдится. Сам в своё время модернизировал!

Всё оставшееся время мужчины почти не вылезали из гаража, наспех проглатывая обед, который им, почему-то отчаянно краснея и смущаясь, носила Маша, и тут же хватаясь за промасленные железяки. Зато через неделю вся семья с ликованием встречала на финише Балду, оставившего соперника далеко позади. Поп даже прослезился и деликатно сделал вид, что смотрит в другую сторону, когда дочка расцеловала победителя сначала в щёки, а потом быстро украдкой чмокнула в губы, пока отец не видит. А едва к ним подъехал расстроенный проигрышем Чёрт, как рядом тут же материализовался Автор.

— Ну, я в тебе и не сомневался! Что у нас там следующее? — он принялся было листать книжку, как вмешался Чёрт.

— Не надо, признаю себя проигравшим. По всем пунктам. Возраст у меня не тот, коней на себе таскать. Готов расплатиться за все три года. А лучше сразу лет на десять вперёд. — И чуть слышно буркнул себе под нос: — А то разорюсь я с вами каждый раз новую машину покупать.

Растроганный Автор тут же бросился пожимать ему руку:

— Спасибо, спасибо. Вы сэкономили нам очень много времени. Я, наверное, даже успею отправить работу в ближайший номер... Впрочем, не важно. Ценю, очень признателен. Тогда — сразу к финалу? — и вместе с Попом и Балдой они оказались в комнате рядом с рабочим столом писателя. — Вам зачитать необходимые действия, или сами помните?

Повисло неловкое молчание. Несколько минут Автор нетерпеливо ждал, потом открыл рот, собираясь поторопить своих героев, когда Балда вдруг спросил:

— Отче, а если я сейчас вмажу этому мудаку, это грех?

— Ну, грех, конечно... но небольшой, — поспешил добавить Поп. — Я за тебя свечку поставлю и молиться буду. А епитимью отработаешь на той неделе у бабы Татьяны. Мы как раз собирались ей крышу отремонтировать...

— Хорошо! — Балда засучил рукава, плотоядно улыбнулся и сделал шаг к побледневшему писателю. — Значит, так. С первого щелчка Автор подпрыгнул до потолка....

Васильев Ярослав

writercenter.ru/profile/Yaroslav2011/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Парадиз Конрада

анс

— Вы кто? — громко и внятно спросил у грибов Конрад Джек и радостно осклабился.

— Мы грибы! — нестройно и громко закричали грибы, но большой радости в их гвалте Конрад Джек не расслышал.

А ведь всё начиналось так гладко. Боевая десантная шлюпка галактического крейсера «Адмирал Нимрод» второго крыла шестой эскадры Верховного Главнокомандования Империи долго кружила, сканируя поверхность второй планеты желтого карлика, обозначенного в каталогах как НМХ-61328, а на звёздных картах как Мисюта. Планета, соответственно, проходила под названием Мисюта-2 и собственного имени ещё не имела. Конрад Джек, как первопроходец, как раз и обязан был дать планете имя собственное и тем увековечить своё имя на скрижалях Империи. Но это в том случае, если у населяющей планету флоры или фауны уже не было самоназвания. Иначе плакали скрижали. Плакало увековечивание, плакала пенсия-рента, плакал сам Конрад Джек, обязанный в таком случае оплачивать из своего жалкого жалования все бюрократические процедуры и судебные иски, которые могут возникнуть при оформлении этого самого самоназвания.

— Как называется ваша планета? — с содроганием спросил Конрад Джек, предчувствуя неизбежное.

— Никак не называется, называй, как хочешь, — затараторили грибы, и у Конрада Джека на минутку отлегло от сердца. Но на всякий случай он спросил:

— А есть на вашей планете ещё кто-нибудь разумный?

— Есть, есть, красная плесень! — загалдели грибы, и Конраду Джеку снова поплохело.

— Конрад, кончай с ними волындаться, сам не видишь что ли, что это полудурки? — раздался в наушниках писклявый голосок Керин Мэрин, не пожелавшей пачкать свои копытца. Конрад Джек выразительно потряс бородёнкой и слегка наклонил рога.

— Керин Мэрин, говори, да не заговаривайся! Забыла шестой пункт восьмого Уложения?

— Что забыла, где забыла? Я не забыла, я забила. На дебилов я забила, ха-ха ха-ха-ха, — запела Керин Мэрин, а грибы, как будто услышав, принялись весело подпевать, теперь уже с неподдельной радостью.

— Грибы, вы что, слышите Керин Мэрин? — удивился Конрад Джек.

— Как же нам её не слышать, если она так голосит? — удивились грибы, и Конрад Джек вытащил из уха наушник, повертел его перед носом и зачем-то на всякий случай обнюхал.

А в это самое время красная плесень плела свои коварные планы. Плесень, разумеется, всё уже знала, плесень всегда всё знает, только говорить не может, ей нечем говорить, вот она и не говорит. Но планы плетёт.

Вообще, желтый карлик Мисюта пользовался дурной славой у придворных астрономов, его спектральные линии выдавали что-то неприятно-загадочное, причём чаще загадочное, но больше

неприятное. Как только придворные астрономы наводили на Мисюту очередную трубу, так в трубе, откуда ни возьмись, заводилась красная плесень. Трубу приходилось выбрасывать. Красная плесень как будто говорила: «Вы все тут козлы, и нечего поглядывать с таким вожделением на Мисюту». На самом деле она ничего такого не говорила, ей нечем было говорить, разве только фактом своего заведения. Придворные астрономы выразительно трясли бородёнками, слегка наклоняли рога и готовили очередную трубу. Придворные астрономы самым тщательным образом скрывали дурное поведение Мисюты, но это каким-то образом просочилось в круги, которые принимали решения, Верховное Главкомандование Империи приняло решение послать к Мисюте шестую эскадру.

«Какая удивительная планета», — в очередной раз подумал Конрад Джек, — «травка зеленеет, солнышко, в смысле Мисютушка, блестит, какое же ей название-то придумать? Пожалуй, назову её

Парадиз. А что, очень красиво звучит: Парадиз Конрада! Вот только красная плесень какая-то».

— Грибы, а как мне найти красную плесень?

— А зачем её искать? — казалось, грибы настолько поражены, что у них пропал дар речи и отнялся бай.

— Мне надо задать ей несколько вопросов.

Ответом Конраду было продолжительное молчание. Конрад Джек несколько раз обошел грибы, сперва по большой окружности, потом по окружности поменьше, и наконец, прошелся близко-близко, чуть ли не наступая на самые шляпки грибов. Грибы молчали, и только на шляпках у них проступили странные белые пятнышки.

— Мухоморы? — подумал Конрад Джек.

— Сам ты мухомор! — подумали грибы.

И только красная плесень ничего не подумала, а может и подумала, но ничего никому не сказала, и продолжила плести свои коварные планы.

Проза. Весёлая сказка

Команда галактического крейсера «Адмирал Нимрод» выстроилась на полуюте, одни только вахтенные несли исправно свою вахту и не выстроились. Но им всё равно было всё слышно и видно. А мнения их никто и не спрашивал — кто же спрашивает мнения у козлов?

Капитан крейсера Бинг Бонг удовлетворённо осмотрел строй, выразительно потряс бородёнкой и слегка наклонил рога:

— Многоуважаемые козлы, то есть я хотел сказать, коллеги, то есть brave воины! Удивительная планета Мисюта-два с сегодняшнего дня числится неотъемлемой частью Империи и называется... и называется Парадиз Конрада! Слава Императору! — строй одобрительно колыхнулся и стройно вскричал:

— Слава! Слава!!! Слава!!!

На этом торжественная часть построения закончилась, козлы разбрелись кто в лес, кто по дрова, вернее каждый по своим делам, даже и на галактическом крейсере у козлов дел вообще-то невпроворот. Офицеры решили громко отметить событие, для этого в кают-компанию был вызван главный оркестр эскадры, а что, гулять, так с музыкой. Тем более, что Конрад Джек уже основательно забодал всю команду и все были ужасно рады, что именно его послали на планетную разведку, никто Конраду не позавидовал, а некоторые даже посочувствовали — Конрад Джек был добрый малый, молодой и горячий, вспыльчивый и непосредственный, он мог и крупно выиграть, осчастливив и себя и своих потомков, но мог и крупно проиграть, поскольку кроме прав на него возлагались и нехилые обязанности, которые на долгие годы загоняли его в долги. А уж чего-чего, а долгов у Конрада Джека уже и так хватало. Но Конрад Джек не строил планов.

А красная плесень коварные планы плести не перестала, наоборот, занялась этим с утроенной энергией.

Гросс-адмирал Нимрод Нимрод третий, прямой потомок адмирала Нимрода, великого героя и победителя звёздных войн, держащий вымпел на флагмане «Слава Императору» вызвал к себе капеллана. Сам гросс-адмирал, в отличие от своего легендарного предка, был изрядно труслив, вернее очень осмотрителен, и никогда не принимал решений с кондачка.

— Ваше преосвященство, меня очень беспокоит ситуация с Мисютой. Обычно, даже для подав-

ления бунта в отдалённых провинциях Империи, Верховное Главнокомандование посылает пару канонерок. Новые территории исследуют учёные на исследовательских судах. У них, разумеется, есть оружие, они способны в ключья разнести любую планету, а если понадобится, если какая неведомая опасность возникнет, то и погасить звезду. Но посылать эскадру, целую эскадру, в этот богом забытый уголок — зачем? Тут мир, покой и благодать. Наши форпосты надёжно прикрывают весь этот рукав галактики, мы уже триста лет ни с кем не воюем, бывшие враги сидят спокойно и не высовываются, мы с ними дружим и торгуем, а не воюем. Что там говорит Оракул?

— Ваше сиятельство, именно по настоянию Оракула эскадра и была поднята. Опасность велика и неведома. Учёные молчат, как рыба об лёд. Приборы не врут и не предупреждают. Но Оракул зря беспокоиться не будет.

— Помолитесь, ваше преосвященство, авось Создатель наш, Козлотур Великий и Всеединый спасёт и защитит. А если распорядитесь, вся эскадра примкнёт к молебну, вся, до последнего козла!

— Да ниспошлёт нам всем Козлотур Великий и Всеединый мир и благодать!

Весь свободный от вахты комсостав крейсера «Адмирал Нимрод» в соответствии с приказом методично надирался бирбиничским в кают-компанию. Матросы надирались напитками попроще и где придётся. Даже и вахта надиралась втихушку, но не до скотского состояния. Всё-таки всех не оставляло тревожное ощущение опасности. Неведомой опасности, непонятной, а потому и более страшной.

Вторая батарея главного калибра, к которой был приписан Конрад Джек, уже изрядно завеселела. До танцев-шманцев-поскакушек дело ещё не дошло, но разговоры становились всё смелее и смелее.

— Хичбок, а помнишь, как ты в прошлом рейде свалился с большого конденсатора?

— Ха-ха-ха ха-ха!

— Славная была экспедиция, всыпали мы этим недоумкам крысохвостам...

— А чо, пусть не бунтуют. Нет, вот ты, командир, скажи, Керин-то что там делает? Лаборантка-толерантка... и тут Конраду повезло.

— Ну не знаю, не знаю, у неё же дядя в штабе. Обломают Конраду рога, если что.

— Так ему уже обломали. Слыхали эту исто-

рию с подвесками императрицы? То ли у него спёрли, то ли он спёр...

— Тс-с, государственная тайна! А пусть вот поскочит по травке. Фаворит недоделанный. Это ему не с гвардейцами бодаться.

— Не, а что такого. Любой бы из нас на шлюпочке покатался... с Керин Мэрин...

— Не, ты дурак? А вдруг там какая хрень? И что, что приборы. У тебя вон тоже приборы, а ты за две льё пистон вклеить не можешь!

— Кто не можешь? Я не можешь? А ну пошли, я щас так вклею...

— Молчать, козлы! Палить команды не было! — совсем уже захмелевший командир батареи попытался наклонить рога и потрясти бородёнкой, но это у него получилось как-то уж больно неубедительно.

Гросс-адмирал Нимрод Нимрод третий тоже принял на грудь уже изрядно. Он заперся с капелланом в своей роскошной каюте, чтобы не разлагать экипаж.

— Вваше п-преосвященство, меня очень беспокоит ситуация с Мисюткой. Я что-то с-слышал про красную плесень.

— Ваше сиятельство, этого нельзя слышать, но вам я скажу, только тс-с! Это государственная тайна!!! У всех, кто говорит про Мисютку, заводится красная плесень... тс-с-с...

— Где г-где заводится?

— Везде заводится... в мозгу заводится... Ха-ха-ха — ха-ха!!! Вы думаете, я вам тут по пьяни государственную тайну разболтаю? Ха-ха-ха — ха-ха!!!

Вдруг, ни с того ни с сего, зазвенел колокол громкого боя, оповещающий о внезапном нападении или серьёзной аварии. Вдруг, ни с того ни с сего, взревели главные маршевые двигатели флагмана, включая форсированный режим бегства. Дикая перегрузка швырнула экипаж на пол, не давая занять места в соответствии с боевым расписанием. На главном пульте флагмана заморгали, запереливались аварийные и тревожные сигналы, сообщающие недоумённой дежурной

вахте о включении режима панического бегства.

— Твоё п-преосвященство! Что п-происходит? — заорал нечеловеческим голосом гросс-адмирал Нимрод Нимрод третий, прямой потомок адмирала Нимрода, великого героя и победителя звёздных войн, наклонив рога, трясая бородёнкой и даже не замечая, что стал слегка заикаться. Флагман «Слава Императору» слегка содрогнулся, и, заложив крутой вираж, стал обращаться в точку. Вся эскадра вслед за флагманом стала обращаться в точку. А для эскадры стала обращаться в точку непонятная планета Парадиз Конрада, стала обращаться в точку Мисюта, желтый карлик, пользующийся дурной славой.

Это сработал инстинкт самосохранения автоматки. И вовремя. Потому что уже и в автоматике завелась красная плесень.

— Конрад, что происходит?! — истошно закричала Керин Мэрин.

В глазах у Конрада Джека всё внезапно покраснело, мозги враз покрылись красной плесенью. Конрад Джек скопытился. Краем глаза, последней искрой взгляда, он увидел, что и Керин Мэрин скопытилась, встала на все четыре копытца и сказала: «Мее-мее..»

Миленькие беленькие козлик и козочка резво проскакали вокруг того, что ещё недавно было грозной боевой десантной шлюпочкой галактического крейсера, а теперь изрядной кучей трухи портило вид зелёной лужайки, подбежали к грибам:

— Ну вот, грибы, и мы нашли красную плесень, а она нашла нас, — выразительно потряс бородёнкой и слегка наклонил рога Конрад Джек.

— А мы... А мы сразу догадались, что вы козлы, — дружно загалдели грибы.

Травка зеленеет, Мисюта блестит. Грибочки растут, козлики пасутся... Чего-то не хватает. Ах да, ласточки не хватает. Скоро-скоро, не пойдёт и пары тысячелетий, вывалятся из надпространства корабли птицеголовых. Обязательно вывалятся.

Красная плесень плетёт и плетёт свои коварные планы.

анс

writercenter.ru/profile/ans/whois/

Художник Akrotiri

writercenter.ru/profile/MariaStanovoi/whois/

Радуга

Зелёная история или сами попробуйте

Все мы родом из детства, и от этого никуда не деться. Когда вырастем — в сказку уже не верим, для чуда держим закрытыми двери. Понятное дело — дом, семья, работа. Кому верить в чудеса при таком раскладе охота? Особенно в холод, зимой.

Было так и со мной. Жил я себе незатейливо: на работу ходил, детей растил. А они капризные, дети эти самые: покупай им конфеты, в сад води по расписанию. Словом, в покое никогда не оставят, даже на ночь сказки читать заставят.

Так вот... Случилось это, друзья, под Новый год.

Читал я детям как раз сказку «Двенадцать месяцев», помню как сейчас. Монотонно страницы листаю, вижу — вроде бы засыпают. Я книжку отложил в сторону и тихонечко вышел из комнаты. Уж было и дверь прикрыл, оглянулся — и тут же застыл. Смотрю: мои детишки, наслушавшись сказок из книжки, вдвоём на кроватках сидят и на меня глазёнками-фонариками глядят.

— Папа, — голоса наперебой, — и мы хотим в лес пойти с тобой! Давай прогуляемся в воскресенье?

Я обомлел:

— Тоже мне, — говорю, — нашли веселье! В лесу зимой холод собачий. Вы там простудитесь, не иначе. Подхватите любимый ларингит, а мне потом от мамы влетит.

Дочурка моя не унимается:

— Мерзнет тот, кто плохо одевается! А мы, — говорит, — оденемся тёпленько. Носки, ботинки, чтобы ноги не промокли. Чаю горячего с собой возьмём.

— Папа, папа, — канючит сын, — ну давай в лес пойдём!

Честно говоря, в этот день я очень устал, и потому с детьми спорить не стал. Чтоб уснули поскорей сынок и дочка, сказал, что в воскресенье в лес пойдём и точка, мол. А сам думаю: «Главное сейчас от меня отстанут, а до выходных об этом и думать перестанут».

Да надежды мои не сбылись. Когда к воскресенью подобрался — детишки мои тут как тут. Проснулись раненько, только меня и ждут.

Ладно. Маму кое-как уговорили, шубы, шапки теплые нарядили, термос для чая нашли, да и в лес на прогулку пошли. Вернее, пешком топтать было бы прилично, потому вначале сели на электричку. Вышли из вагона на маленьком вокзале и почти сразу в лесу оказались.

Маму с собой брать не стали, дома на хозяйстве оставили. Она и сама не захотела. «Чем, — говорит, — по лесу бродить без дела и на холоде нагонять тоску, я лучше дома останусь и пирог испеку. Даже два пирога: один — с повидлом, другой — с капустой. С прогулки вернётесь, а я накормлю вас вкусно!»

Идем мы с детишками по лесной тропинке, снежок топчем своими ботинками, разные следы оставляем, воздухом дышим, в общем — гуляем. Я на следы обернулся и рассуждаю: «Это хорошо, что снежок не растаял. Не заблудимся на обратном пути. Легко будет нам дорогу найти».

Так мы гуляли-шли и на чудную поляну набрали. А там, друзья, чтоб не соврать, ёлок пушистых стоит целая рать! Все как на подбор, красавицы. «Вот это, — думаю, — мне очень даже

нравится! Все-таки хорошо, что мы по лесу погуляли. Ёлку-то домой ещё не покупали, а тут их... выбирай — не хочу. Как-нибудь на недельке подскочу и спилю парочку. Чего проще? Одну домой возьму, а вторую — теще».

И, признаться, только эта мысль меня посетила, тут же поляну лесную тьма поглотила! А затем — откуда-то яркий свет! Я оглянулся, а детишек моих и нет!

Стою посреди поляны один, и подходит ко мне какой-то важный господин.

По виду такой серьёзный! С бородою, и смотрит очень грозно. Одежды на нем тёплые, длинные и посох в руке серебряный, старинный.

— Я, — говорит, — Царь Лесной! Это ты ёлку хотел спилить домой?

Ну что в такой ситуации молчать?

— Я хотел ёлку спилить, — отвечаю, — детишек порадовать, жену. Мне бы парочку...

— Как?!.. Ещё и не одну?!

— Теще надо бы подкинуть, а то она меня самого «запилит».

Тут совсем нахмурил брови господин:

— А ты в жизни своей хоть одну ёлку посадил?! Что о них знаешь, уважаемый? Своих не вырастил, так чужими распоряжаешься?!

— Лес общественный, — говорю, — много ёлок в нём. А что не сажил... так ведь я не агроном. Другая у меня работа. И чего вам, любезный, ругаться охота? Придумали тоже — Царь Лесной! Сказали б сразу: «Шли бы вы, ребята, домой. Я тут лесник и всё охраняю. Тех, кто ёлки рубит бесплатно — прогоняю!»

Пожалел я, друзья, потом, что это сказал.

— Как, — говорит старик, — ты меня назвал?.. Лесник?.. Да я погляжу, ты шутник! Тогда и я с тобой пошучу. Как следует тебя проучу. Чтоб забыл ты «общественный» лес и больше с пилою сюда не лез. Вот такая моя будет шутка!

А затем рассмеялся он просто жутко!!!

Всё вокруг затряслось от этого смеха, пронеслось по лесу раскатистое эхо, посыпались комья снега с еловых веток, и закружил их хороводом налетевший ветер! А потом вихрь весёлый и рьяный подбросил меня над поляной и давай рвать и метать, во все стороны как лист трепать! Слышу — в ушах звенит, и душа моя прочь летит!

И тут, братцы, при всех своих способностях, хоть убейте, не вспомню подробностей. До самого момента аж, когда очнулся и увидел вокруг совсем другой пейзаж.

Лежу, значит, я на асфальте. Вокруг

меня спиленных ёлок целая свалка. Но не лес, как я уже сказал, а, похоже, ёлочный базар. Люди вокруг снуют, ёлки покупают, друг другу на ноги наступают. Кто в руках попку несёт, кто кладет в авто, и главное — меня не замечает никто. Не соображу — может всё это снится? Лежу на земле и не могу пошевелиться.

Тут какая-то дамочка до меня дотянулась. «Вот, — говорит, — эта ёлочка мне приглянулась! Её и хочу купить». И давай за руку меня теревить. Смотрю и не могу поверить такому случаю: вместо руки своей вижу ветку колючую! Посмотрел вниз — там ноги будто срослись! Не шевелятся, словно деревянные. «Что ли, — думаю, — замерзли, окаянные?»

А когда подошёл продавец, понял я, что мне конец! Вот как старый лесник пошутил: взял и в ёлку меня превратил! «Господи, — думаю, — вот ведь наказание! Детки мои в лесу остались волкам на растерзанье! Что же я жене теперь скажу?» Как быть и чего делать — ума не приложу.

Продавец мои ветки связал поскорей. «С вас, — говорит, — дамочка, — пятьсот рублей». Та быстренько расплатилась, меня — в машину и укатила.

Расскажите-ка, братцы, вам в багажнике приходилось кататься? Так, чтоб по всем ухабам швыряло? Вот уж где, доложу вам, приятно мало! Было совсем не до смеха, но кое-как мы с дамочкой доехали. Выгрузили меня связанного потом, и такого как есть отнесли в дом.

Мою единственную деревянную ногу для пушей устойчивости засунули в треногу. Поставили в углу в большом зале, и только теперь мои ветки развязали. Скучал я так до самого вечера. Стою в углу — делать-то больше нечего.

Позже пришли хозяйские дети поиграть. Радуются, бегают, хотят ёлку наряжать. «Сегодня поздно, — родители им сказали, — идите спать, а наряжать будем завтра».

Остался я опять в одиночестве. Напротив зеркало висело, между прочим. И я, помимо ужаса положенья, еще и созерцал своё отраженье. Ну и зрелище было, однако: стою на подставке зелёной раскорякой! «Вот, — мыслю, — хорошенький Новый год!»

Тут одиночество моё нарушил хозяйский кот. Сзади подошёл исподтишка, меня вначале обнюхал слегка, носом в колючки ткнул и парочку раз чихнул. Собрался уходить, но перед этим — развернулся и ствол мой пометил! «Вот, — думаю, — хозяйева завтра ахнут, когда ёлочка котиком запахнет!»

Но жильцы ничего не заметили. Утром опять прибежали дети. Большие ящики с игрушками вместе с родителями притащили дружно. Нарядили меня, гирляндами увесили. Теперь в зеркало вообще смотреть стало весело. Весь в шариках, дождиках, а во лбу — звезда! Красавец. Хоть на карнавал, хоть куда!

И чем больше хозяйева мои радуются, тем быстрее ко мне тоска подкрадывается: «Что же там с детками моими, что с женою? Зачем старый дед подшутил надо мною?!» Вот так упиваюсь печалью своей.

Меж тем проходит несколько дней. Никто моих проблем не замечает. Все веселятся, Новый год встречают. Накрыли в гостиной стол здоровенный, заставили его продуктами отменными, гостей созвали целую кучу. Один я стою — злой и колючий! Гости все меня нахваливают усиленно: «Надо же, какая ёлочка у вас красивая!» Танцуют, жуют колбасу и опять ко мне: «Ой, как пахнет!словно в лесу!»

Одна старушка развесёлая говорит: «Давайте посмотрим, кто победит. А ну-ка, милые детки, снимите-ка с ёлки конфетки. Бегите, хватайте и возвращайтесь скорей, а мы решим — кто из вас быстрее?»

Накинулись «милые детки» и давай трясти мои ветки. Конфеты тянут, толкаются. Не заметили, что я, то есть ёлка, шатается. Веселятся, шум подняли и крик, а я возьми да и грохнись прямо на них! Вот так, чтобы не было скучно!

В общем-то, всё обошлось благополучно. Взрослые на минуту танцевать перестали, детей из-под ёлки достали. Меня на место вернули, в порядок привели, разбитые игрушки подмели. И снова затанцевали и запели. Примерно так, братцы, мои денёчки летели.

Особенно кошачьи визиты донимали. Это лохматое чудо, когда все спали, пользуясь тем, что я ничего не могу сделать и сказать, приходило иголки вместе с дождиком объедать!

Тоска «зелёная», что и говорить. А ещё постоянно хотелось пить. Никто меня в эти дни водой не поливал. Подсыхал я, желтел, иголки терял.

Люди быстро от праздников устали, в мою сторону вовсе смотреть перестали. Даже кот ко мне потерял интерес — по ночам не приходит, дождик не ест.

Пару деньков прошло, время генеральной уборки подошло. И меня, полностью «разряженного», отнесли на улицу — а то куда ж ещё? Да... Вот оно как! Стою теперь, украшаю мусорный бак. Рядом со мной такие же ёлки: сухие, облезлые, жёлтые. Грустное зрелище, но... чувствую — мне всё равно, что дальше будет со мной. Смирился я в эти дни со своей судьбой.

А она, друзья, была нелегка. Узнал я на деле власть лесного старика. Значит, и вправду был он Царь — хозяин леса, и так защищал свои интересы. Не губи, мол, природу, не руби живые ёлки. Всё равно тебе от них не будет толку. Принесёшь красавицу лесную домой, поиграешь недельку и выбросишь на помойку.

Скажете, такая у нас традиция? Нет, ответчу, никуда это не годится! Не традиция — пережитки, а лесу — прямые убытки!

Пока я философствовал, рассуждал, какой-то малец ко мне подбежал. Смотрю, а этот малый достаёт спички из кармана! «Всё, — думаю, — сейчас этот приятель — хитрый малолетний поджигатель, с улыбкой, полной восторга — поставит точку в моей истории!» Но, видимо, было ещё далеко до конца. Дворник подоспел и отогнал мальчика.

А под утро приехал шумный мусоровоз и меня на городскую свалку перевёз.

В небе чайки летают, внизу снуют собачки, а я, не поверите, братцы, лежу и плачу! Опять детишек вспоминаю, жену. Глупый свой поступок кляню: «Эх, назад бы всё отмотать! Не надо было старику возражать!» Не прояви я тогда поспешность, рассмотри получше его внеш-

ность, отнесись к нему с должным уважением — не оказался бы в таком положении! Сидел бы сейчас дома, в тепле, с чайком горячим на столе, уплетал бы пирог с капустой, а детишки наряжали бы ёлочку искусственную.

«Ты прости моё невежество, могучий Царь Лесной! Смилуйся, будь добрей и отправь поскорей домой!»

Дальше всё случилось очень быстро: молния сверкнула, словно выстрел, меня электрическим током пронзила, яркой вспышкой ослепила. Открываю глаза, будто утром ранним, я — снова «я» и стою на поляне!

Рядом детишки присели на пенёк, попивают из термоса чаёк. И, как ни в чём не бывало, говорят со мной: «Папа, мы уже нагулялись. Пошли домой!» Я, братцы, не говоря ни слова, их в охапку и скорей из леса подобру-поздорову! О чём говорили, как доехали домой — не вспомню детали ни одной!

Где-то дня через три я от шока оправился и с детьми в супермаркет направился. Купили мы ёлочку пушистую, пластмассовую. В гирляндах блестит — ну просто сказка! Тёщу пригласили погостить, та говорит: «Надо и себе такую приобрести, чтобы каждый год голову не морочить».

А я, друзья, между прочим, о своём превращении никому не рассказывал, что пережил, ни словом, ни жестом не выказывал. Вернули меня на ту же поляну и в тот же час. И что говорить? Сами знаете,

как сказкам верят у нас. В лучшем случае — посмеются и скажут, что чудес не бывает, а то гляди — разозлятся и помидорами забросают!

Вот и я тем, кто меня лично знает — говорю, что чудес не бывает. Вам же, тем, кто сказку мою прочтёт, дам в этом деле полный отчёт. Расскажите историю вашим детям и опыт мой возьмите на заметку. А я постараюсь каждую осень или весну высаживать ёлочку, хотя бы одну.

Да, совсем забыл про один эпизод! Когда наступил настоящий Новый год, и часы двенадцать пробили, к нам в квартиру, друзья, позвонили. Я дверь открываю — стоит Дед Мороз. Всё как положено: шуба и красный нос. «Поздравляю, — говорит, — народ честной! Примите скромный подарочек мой». Протягивает свёрток, а в нём — маленькая серебряная ёлка. Я глаза подымаю и вижу: передо мной — не Дед Мороз, а Царь Лесной! Стоит себе, улыбается, с детишками запросто общается. Конфетками их угощает, добра и здоровья обещает. Поздравил, значит, и дальше пошёл.

Я к окошку, друзья, подошёл, смотрю: во дворе... колесница стоит вся в серебре! В ней кони лихие, белые, копытами бьют то и дело, гривы хрусталём на морозе искрятся! На что это, по-вашему, похоже, братцы?

А то был Царя Лесного «кабриолет». Хотите — верьте, хотите — нет!

На десерт

**ВСЁ В НАШИХ
РУКАХ!**

Художник Denis Zilber

Чему учат сказки

При встрече с человеком из другой страны или культуры не так просто бывает найти с ним общий язык. Менталитет, скажете вы. Да, он самый. Но что является его истоком? Есть у меня одна «сказочная» теория на этот счет.

Славянские сказки, на которых мы выросли, уж очень отличаются от иностранных. И не масштабами или героями, а внутренним посылом, смыслом. У нас больше веры в чудо, у них — в собственный труд.

Возьмем европейскую Золушку. Кажется, что может быть волшебнее: бедная замарашка стала принцессой. А почему? Потому что на бал пошла, а не дома осталась суженого ждать. Потому что убежала вовремя. Потому что улики принцу оставила для дальнейшего поиска, а не понадеялась на авось.

А восточный Али Баба? Это же самый настоящий экшн с погонями за сокровищами, бандитами и убийствами. Чудес и там нет.

Что нужно сделать, чтобы лепрекон отдал свое золото? Правильно — искать его долгие годы, поймать, да еще и ухитриться его переспорить. В общем, делать нужно хоть что-то.

Даже Русалочка не просто сидела и ждала принца, ей немало побегать, точнее, поплавать пришлось ради ног. Европейские сказки учат: чтобы что-то получить, нужно в процессе достижения цели попотеть и даже чем-то пожертвовать.

А что в русских сказках? Сидел тридцать лет на печи и родительской шее, бах — и супергерой. Палец о палец за всю жизнь не ударил — получай все, что хочешь по щучьему веленью. Сидели себе дед с бабой на пенсии, и вдруг счастье привалило в виде золотослиточной курицы. Сходила в лес, поела, попила, поспала — бесплатно и в отсутствие хозяев-медведей. Домой побежала — сытая и отдохнувшая. Все на халяву, все просто так.

Поцеловал лягушку и на тебе — Василиса Премудрая. Правда, что Премудрая, мы знаем только с ее слов... Топнул ногой — и Сивка-Бурка ждет указаний. И чтоб страшного Дракона, по-нашему Кощея, убить, нужно не сражаться с ним, а яйца с иголками разламывать.

Вот и думаем мы уже во взрослой жизни, что наш избранник — зачарованный принц, которого можно своей любовью расколдовать и потом командовать, как Иванушкой-дурачком. У некоторых даже получается.

Верим, что уж мы-то не останемся у разбитого корыта — с золотой рыбкой как-нибудь договоримся. И печь сама будет, не побоюсь тавтологии, печь. А симпатичные туфельки хоть и на два размера меньше, но купленные с большой скидкой, как-нибудь да налезут.

А почему бы и нет? Чудеса-то и в жизни случаются!

Но чтоб результат был гарантированный, усилия лучше все-таки приложить.

Меллори Елена ©

В следующем номере:

Художник Cyril Rolando

Новый герой

Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика

